

Адита Сигорян

Всё помнят города

Сказочная повесть

Моя
СТРОКА
СЕРВИС
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Адита Сигорян

Всё помнят города

Текст предоставлен правообладателем

Всё помнят города: 2019

ISBN 978-5-9965-0386-5

Аннотация

Добро пожаловать в Судный!

Городок этот молод и совсем не так прост, как кажется, но при этом, в нём всё намного проще, чем в большинстве старых, давно остепенившихся городов. Наряду с людьми, его населяет ещё множество странных созданий. Все они рождены из мыслей и представлений о них многих поколений людей. Некоторые из них были приглашены в Судный как специалисты, участвовали в его развитии... Другие же – родились уже там. Вас, как и новосёлов Судного, ждут удивительные знакомства с самыми разными порождениями народного эпоса!

Этот роман повидал многие города ещё будучи рукописью в пяти тетрадах. Автор много раз убеждался, что у каждого города свой характер и нрав, а некоторые из них его вспомнили и свели со старыми знакомыми на своих улицах. Сама книга родилась в 2016 году, в городе Кемерово, в 9-м цехе завода «Токем», где писалась в перерывах рабочих будней. Но позже, вместе со своим автором, эта книга отправилась в долгий и трудный путь.

Весь 2017 год она колесила по России на поездах и на электричках – то в Подольск, то в Нижний Новгород, то на Бор, то в какое-нибудь село, не зная, в каком поезде окончится одна глава и начнётся следующая.

За время странствий, многие её персонажи бесследно покинули произведение, а на смену им пришли совершенно другие, не менее интересные, которые сразу же сумели себя раскрыть. Так, к примеру, в ранних рукописях не было ни Коршунова, ни его пса Баргеста... Но сейчас сложно даже представить себе это произведение без них! А такой персонаж, как Спарта – и убирать-то было жалко, с ней было столько забавных и интересных моментов! Но сюжету она не подошла, поскольку её ничто не связывало с остальными действующими лицами. Одна из её фраз, которая уж очень нравилась автору, в итоге досталась другому герою. А прочие, тоже весьма необычные, просто испарились вместе с самим этим ярким неподражаемым персонажем.

Окончательно дописан и отредактирован роман был в январе 2019 года, в Нижегородской области, которой она и посвящена. Надеюсь, эта книга доставит читателям удовольствие и, хотя писалась она для детей и подростков, взрослые тоже по достоинству её оценят. А детская она, или не детская – судить вам.

Приятного прочтения!

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1. Мой первый митинг	12
Глава 2. Последний вечер детства	34
Глава 3. Вечный вопрос	62
Глава 4. Слепой всадник	87
Глава 5. Батыева тропа	121
Глава 6. Интриги большие и малые	142
Глава 7. Медовая плазма	161
Глава 8. Затонувший город	184
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Адита Сигорян

Всё помнят города

От автора

Добро пожаловать в Судный!

Городок этот молод и совсем не так прост, как кажется, но при этом, в нём всё намного проще, чем в большинстве старых, давно остепенившихся городов. Наряду с людьми, его населяет ещё множество странных созданий. Все они рождены из мыслей и представлений о них многих поколений людей. Некоторые из них были приглашены в Судный как специалисты, участвовали в его развитии... Другие же – родились уже там. Вас, как и новосёлов Судного, ждут удивительные знакомства с самыми разными порождениями народного эпоса!

Этот роман повидал многие города ещё будучи рукописью в пяти тетрадах. Автор много раз убеждался, что у каждого города свой характер и нрав, а некоторые из них его вспомнили и свели со старыми знакомыми на своих улицах. Сама книга родилась в 2016 году, в городе Кемерово, в 9-м цехе завода «Токем», где писалась в перерывах рабочих будней. Но позже, вместе со своим автором, эта книга отправилась в долгий и трудный путь.

Весь 2017 год она колесила по России на поездах и на электричках – то в Подольск, то в Нижний Новгород, то на Бор, то в какое-нибудь село, не зная, в каком поезде окончится одна глава и начнётся следующая.

За время странствий, многие её персонажи бесследно покинули произведение, а на смену им пришли совершенно другие, не менее интересные, которые сразу же сумели себя раскрыть. Так, к примеру, в ранних рукописях не было ни Коршунова, ни его пса Баргеста... Но сейчас сложно даже представить себе это произведение без них! А такой персонаж, как Спарта – и убирать-то было жалко, с ней было столько забавных и интересных моментов! Но сюжету она не подошла, поскольку её ничто не связывало с остальными действующими лицами. Одна из её фраз, которая уж очень нравилась автору, в итоге досталась другому герою. А прочие, тоже весьма необычные, просто испарились вместе с самим этим ярким неподражаемым персонажем.

Окончательно дописан и отредактирован роман был в январе 2019 года, в Нижегородской области, которой она и посвящена. Надеюсь, эта книга доставит читателям удовольствие и, хотя писалась она для детей и подростков, взрослые тоже по достоинству её оценят. А детская она, или не детская – судить вам.

Приятного прочтения!

Пролог

Знойное в этом году выдалось лето в Воскресенском районе, да и во всей нашей области: ни дождей, ни гроз не было весь июль. Стала мелеть извилистая река Летка, как и Зимара, и соседка их – Милая речка, несущая воды к Волге. Даже глубокое озеро Светлояр отступило от Яркой рощи, оголив мелкие камни по своим, словно очерченным циркулем, берегам. Хлебное поле между Конезаводским селом и Владимирским так и не принесло зерна, а ручей в нём стал каменной тропинкой. По ней-то и шёл ко мне давний мой знакомый – Кинди, просветлённый странствующий йог двадцати семи лет. Жара была ему нипочём, он посетил много стран, переходил пустыни и давно притерпелся к зною.

– Изменились эти края с нашей последней встречи, – тихо отметил он, поглядев на выжженные солнцем пустые колосья. – Прежде, помнится, звенел тут ручей, приток Летки, а вдоль него ковровой дорожкой росли такие маленькие голубые цветочки. Варечка как-то сплела венок для Ромы из тех голубых цветов, а Генка его разорвал и в ручей бросил. Горячий он был в те годы!

Двумя днями ранее Кинди навещал своего друга юности, Гену, в Дзержинске. Тот и вправду был довольно горяч, благодаря чему и сумел выбиться в люди.

– Не многие, брат, выходцы из детских домов становятся

начальниками, – радовался за него Кинди, разыскав заводоуправление, где у его друга был свой кабинет и приёмная с секретарём.

– Да какой я начальник? – скромничал Гена, – я – инженер. Окончил технический – вот и устроился, немножко поднялся здесь. Ты сам-то сюда какими судьбами, Шарик?

С шестого класса Генка называл Кинди так – и до сих пор, оказывается, помнил его школьное прозвище. Произошло оно, вероятно, от странного имени индийского мальчика-сироты, Кинди Кут Шари, который вырос в одном детском доме с ним. На все расспросы о том, как он оказался в России, Кинди говорил, что разбился на самолёте, а с кем летел, куда и откуда – забыл, когда едва не погиб. И действительно, появившись неподалёку от места крушения авиалайнера, мальчик вышел к селу Воскресенскому, весь в прожженной одежде, в ссадинах и синяках. Его сразу доставили в больницу, где вскоре подтвердились его слова. В списке пассажиров авиалайнера числилась какая-то семья с ребёнком из Дели – правда, фамилию они носили другую, но инициалы и возраст мальчика совпали один в один. В Дели, по его словам, у них никого из родных не осталось, поэтому из больницы Кинди выписали прямиком в детский дом. Генку из Судного он повстречал уже там и, на удивление всем, сразу стал с ним общаться. Со стороны можно было подумать, что эти двое вместе прошли огонь и воду в какой-то другой, никому кроме них неизвестной, жизни.

А Гена в группе слыл драчуном, заводилой в каждой мальчишеской драке, оттого ещё более странным казалось то, как он сразу принял в свой круг тихого новичка. Теперь возмужавший и отпустивший бороду Кинди уже мало чем походил на того тихоню, о котором сверстники говорили, что Гена нашёл себе Чебурашку. Но друг детства, несмотря на это, сразу его узнал.

– Хочешь устроиться к нам на работу? – попытался он угадать цель визита Кинди в Дзержинск.

– Не здесь моё место, брат, – улыбнулся тот. – Ты с кем-нибудь из наших ещё общаешься?

– Рома на днях звонил из Москвы, – припомнил Гена, – а Варя, живёт в Богородске и мы часто видимся. Они с Ильёй расписались, а недавно ребёнка усыновили.

– Такого же? – полюбопытствовал Кинди.

– Нет.

Они оба ненадолго умолкли, заслышав за дверью шаги секретарши.

– В Судный не собирался никто из них? – вполголоса поинтересовался у друга Кинди.

– Что ты, пошутил сейчас, что ли? – искренне удивился тот. – Мы ему в юности-то, вспомни, как надоели! Не думаю, что он ждёт нас к себе снова – ещё ведь и пятнадцати лет не прошло! Дай ему хоть в себя прийти после всех этих выходов нашей своры!

Но, поглядев на Кинди внимательно, понял, что его друг

серьёзен, как никогда. Переменившись в лице, Гена потёр пальцами лоб и сел в своё кресло, подвинув поближе пепельницу.

– Значит, вот куда ты... Братишка, – задумчиво произнёс он.

– Прости, так уж вышло, – вздохнул Кинди, опустив перед ним взгляд.

Гена закурил сигарету и опять поглядел на друга.

– Причина-то хоть уважительная? – спросил он. – Или глупость какая-нибудь? Снова йога твоя? Дыхательные практики? Змеи? Ну, что? Говори!

– Ты будешь долго ругаться, а мне совсем не хочется с тобой ссориться, – уклонился Кинди. – Я всё же надеюсь достичь nirваны, а Судный – прекрасное место для духовного поиска.

Гена молча глядел на него, пока сигарета сама не истлела в пальцах.

– Осторожнее там, – предостерёг он с какой-то тревогой в голосе, – не нарвись опять на какую-нибудь банду вроде тех, что держали районы и дрались на ножах в подземке.

– Сейчас ведь не девяностые! – улыбнулся Кинди. – Я уверен, Судный изменился не меньше, чем мы. Повзрослел. Не переживай, угости от меня наших, с кем свидишься. И ребят из другого потока, если встретишь, не обижай.

– Хорошо, бить не буду, – сдержав нервный смех, отшутился Гена.

И с чего он решил, что я буду им не рад? Конечно, я ждал этих сорванцов, и всегда бы их принял. Они ведь мне – точно дети, я помню их ещё теми мальчишками, что размахивали мечами у меня во дворах и носились ватагой по моим улицам, выслеживая бандитов. Я – Судный, в котором они научились всему, что могло пригодиться им на большом и нелёгком пути по жизни. Немного боязно было их отпускать, но таков закон: птенцы всегда улетают из гнёзд, как только окрепнут крылья. Теперь один из них возвращался ко мне по высохшему ручью, и я с нетерпением ждал его, закалённого жизнью в этом безумном мире.

Глава 1. Мой первый митинг

Как любому городу, мне хотелось предстать дорогому гостю в самом приглядном виде, чтобы он понял, как я рад встрече и как по нему скучал. Вот только скучать в этот день не пришлось ни моим гостям, ни моему населению, да и мне самому было уже не до полива цветов и мытья тротуаров.

Привокзальная площадь гудела на разные голоса, пестрила рисованными плакатами, флагами какой-то пиратской расцветки. На листах ватмана были какого-то худощавого мужчины с бледным лицом, а то и вовсе с черепом вместо головы, на котором иногда красовалась большая погнутая корона. Были также карикатуры, где тот же мужчина изображён был в собачьем ошейнике, на цепи, или с костью в зубах. Но среди этих ярких рисунков, мелькали фотографии опрятного на вид человека лет 40 на вид, с крупным псом, больше походившим на чёрного волка. Много было транспарантов с церковными куполами. Трудно было сразу понять, что происходит и чего требуют эти люди.

Я помнил про этот день. Предвыборный митинг был одобрен моим председателем и властями Правны, моей названной сестры и покровительницы. Но мы с ней наивно полагали, что участие в нём примут бюджетники, поддерживающие кандидатуру владельца автопарка, Афанасия Коршунова, на пост моего будущего мэра. Однако, шансов у этого кандида-

та было не много, несмотря на все его старания заслужить доверие избирателей. Дело в том, что он был иностранцем, хоть и имел русские корни. Ни для кого не секрет, что выходцы из Европы составляют пятую часть моего населения, что само по себе очень не нравится большинству горожан. Естественно, они ведь здесь не улицы подметают, а занимают высокие должности, развивают мою промышленность, медицину, дорожно-транспортное сообщение, проектируют мосты, вокзалы, гостиницы и жилые дома... Им принадлежат мои заводы и фабрики, так же и автопарк является собственностью одного из них. Хищную птичью фамилию этого кандидата часто можно увидеть на заборах в моих дворах. У него очень много завистников и какой только грязью они его не поливали, называя и падальщиком, и стервятником! Но я и подумать не мог, что именно в этот день все эти заборные художники и стихоплёты тоже придут на предвыборный митинг, чтобы превратить его в балаган! А поскольку управлять человеческой волей никому не под силу, я никак не мог препятствовать этому, даже если бы и хотел.

– Судный, вставай! Кощею власть не давай! – настойчиво зывали ко мне демонстранты.

Лично мне Афанасий Коршунов нравился. Его мать была немкой, отец – русским, обосновавшимся ещё со времён ГДР, в Германии. Назвать сына Афанасием было его решением, он дал сыну своё имя, а не только свою фамилию. Наверное, так было принято в их семье.

Должен признать, что всего за каких-то полгода Коршунову удалось обеспечить у меня транспортное сообщение, при этом он не задирает цены на проезд в общественном транспорте и много не воровал, так как во всём знал меру. Он хорошо говорил и грамотно писал по-русски, но поскольку родился и вырос за рубежом, его немецкий акцент всегда был предметом насмешек у горожан. К православной церкви он относился весьма уважительно, и очень любил колокольный звон. Возможно поэтому на некоторых из плакатов в его поддержку и красовались церкви. И даже их вырывали из рук и нещадно рвали на части «радеющие за Русь» противники «немца» во власти!

Дежурившим возле них милицейским машинам тоже не пришлось сегодня скучать. Хрупкая на вид, невысокая блондинка в погонах разнимала дерущихся в шумной толпе молодых ребят. Один из них был её вдвое шире, а другой – на две головы её выше, но женщину это ничуть не смущало.

– Грабли убрал от него, кому говорю! – кричала она, оттаскивая широкоплечего крепкого парня, и тут же крикнула снизу, высокому, – хорош ногами махать тут, жирдяй!

Это была Яна Тройкина, майор милиции и само очарование. Её командировали ко мне недавно и мне сразу понравилась эта женщина.

– Ну жирдяй, и что? – ответил ей сверху тощий двухметровый детина. – У нас русский город!

В таком свете он и представил меня гостям, только что

прибывшим ко мне на вокзал и как раз выходящим из рейсового автобуса. Мне было перед ними так стыдно, пусть я из них никого пока и не знал. Эти – из Кстово, там у меня, вроде, нет знакомых, и дух города этого не общительный, я с ним даже не разговаривал никогда. Представляю, какое обо мне теперь сложится впечатление у него и у тех, кого он ко мне отправил!

К счастью, Кинди Кут Шари добирался пешком и мне хотя бы перед ним не пришлось краснеть за поведение своих граждан. В эти минуты он был ещё на просёлочной, ведущей к тоннелю на перешейке речной петли.

– Что-то новенькое, – отметил Кинди. – Здесь не было насыпи и арки из железобетона, только дорога – и та без покрытия.

Он помнил меня ещё неотесанным, хотя уже достаточно крупным посёлком в петле реки Летки. Не так давно, в эту петлю, на речной полуостров, в самом деле вела дорога, которую размывало каждый год, когда таял снег. Тогда петля замыкалась вокруг меня водным кольцом и только на лодках можно было добраться ко мне и обратно. Мост через реку находился совсем в другой стороне, его проложили по Калининскому шоссе, к местной колонии. Она существовала независимо от меня, но теперь заменила мне обувную и швейную фабрику. Там производили рабочую одежду, кирзовые ботинки, а также брезентовые мешки, покрывала, палатки... Словом, всё то, в чём нуждался строящийся моло-

дой городок. Поэтому туда регулярно ходил трамвай, отчего Калининский мост у меня стали называть «трамвайным». Чуть позже появился ещё один мост, его сразу же окрестили «новым» или «правым мостом», но он также находился достаточно далеко от просёлочной дороги, на перешейке. Там мостов не мостили – это было затратное дело по тем временам, а вот лодочная станция стала недорогим сезонным решением. Её закрыли недавно, лет пять назад, когда по проекту одного итальянского инженера сделали эту насыпь с тоннелем. Теперь через него ко мне ходят все междугородние и пригородные автобусы, а сверху, на гребне тоннеля, есть пешеходная дорожка, освещённая бусами фонарей. К ней ведут ажурные лесенки из металла, с тремя площадками, на которых есть скамейки, так же освещённые фонарями в вечернее время.

Как бы обильно ни таял снег, речная вода больше не отрезет моим жителям путь к Яркой роще. Там появилась лыжная база и одноимённая улица Базовая, протянувшаяся от Воскресенского шоссе вдоль той рощи к реке, а рядом – узкая, как тропинка, неприметная улочка с частными домиками, которую называли просто – Заречной.

– Да, ты заметно подрос, братец Судный! – с восхищением произнёс Кинди, поднявшись на гребень тоннеля по лестнице для пешеходов и окинув взглядом сразу всю петлю реки. До чего же было приятно, что он заметил!

Митинг на моей привокзальной площади к тому времени

перерос в настоящий кулачный бой, кто-то бросил самодельную дымовую гранату в сторону новоприбывших. Я заметил среди своих гостей из Кстово одну молодую особу в голубом палантине поверх осветлённых волос, и с такими же голубыми глазами, в круглых очках с большими, но тонкими линзами. Она стояла на задымлённой площадке автовокзала не шевелясь и выглядела такой маленькой, стройной, как девочка. Трудно было сказать на вид, сколько ей лет. Может, тридцать, а может, ещё девятнадцать. Простенькое коктейльное платьице нежно-кремового цвета, босоножки и этот распахнутый в изумлении взгляд. Тонкие губы, в испуге прикрытые пальцами, делали её похожей на первокурсницу в день зачисления. Но на плече у неё висела сумка с ноутбуком, что никак не могла бы позволить себе простая студентка. На пальце блестело обручальное колечко и не было маникюра, а руки, похоже, перемыли немало посуды и отстирали горы белья. Удивительно, как замужним женщинам удаётся оставаться такими трогательными, загадочными и привлекательными, что на них засматриваются даже города, стоит им всего раз появиться на улице! Я не знал её имени, не приглашал её и не ждал... Неужели Кстово населяют такие божественные создания?

Отделившись от большинства таких же испуганных и растерянных пассажиров, эта женщина прошла сквозь завесу лилового дыма и поглядела на безликую массу дерущихся горожан. На бордюре моей привокзальной площади кто-то

бросил разорванный мятый плакат, по которому уже успели пройти ногами.

«Немцев – в болото! Русским – работу!» – прочитала она истоптанную ботинками надпись под красочным изображением тонущего в болоте фашиста с жабой на голове.

Вдруг, из царившего на площади шума раздался пронзительный женский крик. Чей-то нож отлетел к бордюру и закрутился у самых ног моей гостьи. За ножом, из месива тел, сцепившихся в драке, выбежал парень с длинными русыми волосами, собранными в жидкий блестящий хвост. Взглянув на растерянную незнакомку, он сверкнул тонкой белозубой улыбкой:

– С прибытием в Судный, крошка!

И, подобрав нож, поспешил обратно в толпу. Проводив его взглядом, моя прелестная гостья увидела трёх женщин, одна из которых отчаянно вырывалась, громко крича. Две другие держали её, заломив за спину обе руки и вцепившись в пышные волнистые пряди её светло-зелёных волос.

– А теперь подстрижёмся, красавица, – злорадно произнёс парень, раскрыв складной нож перед её заплаканным потным лицом.

Та подняла на него свои большие желтовато-зелёные очи, полные боли и злости.

– О, да ты у нас носишь линзы! – рассмеялся парнишка и быстро отсёк ножиком длинную завитую прядь, затем вторую, и третью.

– Остановитесь! – вмешалась моя храбрая гостья, не в силах смотреть на это.

Обе женщины, державшие свою жертву, одновременно обернулись на голос.

– Не лезь! – грубо ответила та, что была моложе, сверкая серьгами-обручами в ушах.

На ней была короткая юбка, белая с чёрным ремнём на талии, и облегающий топ, чёрный, с белой шнуровкой на оголённой спине. Волосы у неё были мелированы во всю длину по последней моде и собраны в два хвоста, один – с чёрной резинкой, а другой – с белой. Чёрные босоножки на длинных и тонких шпильках совершенно не сочетались со всем этим образом, но девушка прекрасно держалась на таких каблучках и чувствовала себя в них просто неотразимой.

Вторая, дама постарше, была рыжей, точно лисица, с пышным и длинным хвостом высоко на макушке. Несмотря на стройную фигуру и завидные формы, её красное платье с открытым вырезом смотрелось очень вульгарно, а приятные на первый взгляд черты лица портила глянцева помада пурпурно-красного цвета.

– Ты кто такая? – спросила она незнакомку.

– Елена, – представилась та.

Зачем она назвала им своё имя?! С другой стороны, теперь его знал и я. Конечно же, как ещё могли звать эту женщину! Елена Прекрасная... Жена Менелая...

Бегущая в их сторону Яна Тройкина, похоже, привлек-

ла внимание девушек. Оставив свою жертву, те поспешили скрыться в толпе.

– Чёрт, – поторопила товарища младшая. – Отвлеки её, встретимся на Калинке.

«Калинкой» мои жители называли небольшой переход под оживлённым перекрёстком трамвайной линии по Калининскому шоссе с проспектом Науки, где сбывали краденое и торговали всем тем, чем нигде торговать не следует. Такое же название носил мой самый бедный район за рекой, состоящий из двухэтажных трущоб и широких, как стены, общаг девятиэтажек. Там царил беспредел, пропадали сумки, шапки и люди, туда не пускали детей и не ходили зазря, без особой надобности.

Стараясь не упустить из виду парня с ножом, майор Тройкина устремилась за ним вглубь толпы, а тот, казалось, прятаться и не собирался. Напротив, он петлял у неё перед носом, смеясь и уводя её от своих поделщиц.

– Зарубежную нечисть в топку! – крикнул он, чем тут же зажёг толпу.

Ах, да! Мои жители знали, о какой «топке» говорил этот парень. На Калинке, недалеко от тюремных стен, есть крематорий, в котором прежде сжигали скот. Он работал ещё в те времена, когда я был селом при СССР и падёж скота становился большой проблемой для моего населения. Сегодня там сжигают умерших заключённых, а также всех тех, кого нашли мёртвыми в какой-нибудь подворотне, не смогли опо-

знать и найти родных. Хотя нередко и родственники умерших дают на это письменное согласие. Среди моих граждан бытует миф, что приговорённых сжигают в этом крематории заживо. Это досужие домыслы, однако длинноволосый парнишка по прозвищу Чёрт эту байку знал, чем и воспользовался, распалив толпу ещё больше.

Елена, тем временем, подала руку той женщине, которой нещадно остригли волосы по бокам, и помогла ей подняться.

– За что они Вас? – участливо спросила она. – Вы их знаете?

– Кто же не знает Анчуту и её отпрыска, Чеслава Беспятова! – ответила та. – У них полулегальный ломбард на Калининке, они – выбиватели долгов, скупщики краденого и известные в городе дебоширы!

– А девушка? – поинтересовалась Елена.

– Вы про Сороку? – догадалась женщина. – Она сирота, цыгане вырастили и всему научили. Опасная личность, несмотря на свой юный возраст. Сейчас руководит здесь попрошайками и карманниками, может быть кем-то ещё. А в детстве сама кошельки для цыган таскала и деньги выпрашивала.

– Ну, с ними понятно – беспредельшики, – вздохнула Елена. – А Вы-то, чем перешли им дорогу?

Она с сочувствием поглядела на неровно остриженные волосы женщины, которые, наверняка, обошлись в хорошую сумму и, сняв с себя палантин, предложила ей. Та была тро-

нута таким жестом.

– Я Вам его верну, – обещала она. – Скажите, где Вы живёте, или работаете...

– Признаться, пока нигде, – смутилась Елена. – Остановлюсь в гостинице, я ведь только приехала. Сорвалась, как была, самой до сих пор не верится. Знаете, как бывает – живёшь, планируешь отпуск на полгода вперёд, и вдруг... Всё в одночасье меняется и тебе хочется поскорее проснуться.

– Знакомо, – с пониманием кивнула ей собеседница, обматывая голову палантином. – Мне вообще выпало вот, переехать в другую страну. Моя мать – гречанка, я выросла с ней в Афинах. А здесь у меня отец, он русский, Василий Стражников. Слышали, может быть? Главврач многопрофильной детской больницы. Меня заведующей устроил к себе, в отделение травмы. Вам если работа нужна, приходите к нам, санитаркой.

– Можно и санитаркой, – пожалала плечами Елена. – Хотя, вообще-то, я фельдшер...

Её собеседница высоко подняла свои тонкие угловатые брови.

– И Вы молчали! – воскликнула она. – В моём отделении одна смена без медсестры, там дежурный врач сам градусники у детей собирает, ставит уколы... Ни санитарок, ни медсестёр в смене нет! Вас бы к нему на выручку, он человек грубоватый, но очень ответственный, наш Олег Евгеньевич.

Достав из кармана ручку, женщина быстро подобрала с

земли истоптанный мятый плакат, оторвала уголок и на нём написала телефон и адрес больницы.

– В кадрах скажите, к Стражниковой, – пояснила она, протянув Елене клочок бумаги. – Это я, Гордея Васильевна. Завтра с утра буду Вас ждать.

Если есть санитарная книжка, можно без медосмотра.

Моя прелестная гостья была несказанно рада такой удаче.

– Скажите, а кто это, на плакате? – поинтересовалась она у Стражниковой, показав носком ноги в рот нарисованному фашисту.

– Коршунов Афанасий, кандидат в мэры, – скупой ответила та. – Купил доверие избирателей тем, что оплатил строительство колокольни для местной церкви и колокола туда заказал, качающиеся на оси, как встарь. Весь приход теперь тут, за него радеет!

Отец Николай, и его жена тоже пришли на митинг. Это у них были плакаты с церковными куполами, хотя вообще-то, их деревянную церковь венчал восьмигранный шатёр, а не позолоченный купол. Пожилой иерей Николай служил при этом храме недавно, но уже пользовался большим уважением у моих граждан. Я надеялся, что хоть кто-нибудь из демонстрантов прислушается к нему, раз уж к моей милиции они оставались глухи. Мне не составило большого труда сделать так, чтобы в его руки попал микрофон и батюшка мог обратиться к народу.

– Братья и сёстры, – прокашлявшись, начал он. – Что вы

устроили тут? С кем вы дерётесь? С врачами, которые лечат вас днём и ночью? С учителями, которые учат ваших детей? Мы все здесь из разных мест, я сам с вами я первый месяц. Но Судный всех нас объединил, точно Божий храм! Подумайте, каким бы он был без зарубежных специалистов! Так до сих пор и стоял бы селом на болоте?

Толпа немного утихла, слушая батюшку Николая, но Анчута сочла своим долгом это исправить и снова разжечь конфликт.

– Скажи ещё, что вся Русь, без Европы, по сей день пасла бы гусей и в лаптях бы ходила! – громко крикнула она из толпы. – По-вашему, русские – отсталый народ, варвары, окультуренные Западом?

Толпа демонстрантов тотчас же освистала батюшку.

– Мы за русскую власть! – подхватила Сорока.

– Анчуту в мэры! – выкрикнул кто-то следом. – За русский город!

В этот момент, как назло, голос диспетчера объявил о прибытии на автовокзал рейсового автобуса из Дзержинска. Кто угодно из моих давних друзей мог быть в нём! Тот же Гена, Илья и Варя могли попытаться вернуть своего брата Кинди, узнав о его решении. Они были большими авантюристами и не раз преподносили мне самые неожиданные сюрпризы. Поэтому я с тревогой всмотрелся в окна большого междугороднего автобуса, подъезжающего к моему автовокзалу.

В салоне почти все дремали, слушали в наушниках музы-

ку с телефонов, переписывались в сети, смотрели комментарии к своим фоткам... Другие, разбуженные доносящимся снаружи шумом, уже снимали митинг на видео. А один, даже смешно сказать, пассажир в милицейской рубашке, у которой пуговицы не сходились с петлями на животе, сидел весь в крошках и увлечённо ел курник, ни перед кем не смущаясь. Когда автобус остановился и приподнял дверь, самые нетерпеливые с телефонами побежали снимать происходящее на вокзале. За ними потянулись и дрёмы, вынимая наушники из ушей, последним вышел тот, с недоеденным курником. Взяв его в зубы, чтобы освободить ненадолго обе руки, этот пузатый чудаков подпрыгнул, вскинув рюкзак на плечи. Откуда-то из-под носка у него тут же выпрыгнул шоколадный батончик, а из бокового кармашка такого же толстого, как он сам, рюкзака, высыпалось цветное драже. Это вызвало у меня улыбку.

Я поглядел на Чёрта, сновавшего в толпе, точно заяц, путающий следы, уводя охотника от своего семейства. Яне Тройкиной было за ним не угнаться. Она пыталась бежать прямо туда, куда движется цель, но парнишка быстро менял направление, пока не скрылся в завесе лилового дыма. Выскочил он там, где с автобуса сошли пассажиры, и остановился перед мужчиной, доедавшим свой курник.

– Приятель, что тут у вас происходит? – поинтересовался у него тот. – Почему всё в дыму, всюду ключья, крики, ты с ножом бегаешь? И часто у вас такое?

На самом деле, не часто. Если честно, то в первый раз. У меня ещё никогда не проходило подобных митингов. В смутные времена я был тихим посёлком, и уже погибал, как многие, подобные мне. Казалось, людям стал больше не нужен мой хлеб, доить коров почему-то стало не выгодно, а лечить их от мастита – накладно. Всё как-то сразу переменялось, что-то происходило в стране, но я не мог ничего понять из выпусков новостей, которые с тревогой смотрели мои селяне.

Вскоре всё пришло в запустение, моя молодёжь разъехалась, старики умерли. Люди стреляли цепных собак, бросая дома. Я боялся даже, что где-то случилась экологическая катастрофа, потому что в то лето по радио выступал какой-то комитет по чрезвычайным происшествиям.

Спустя пару лет, когда опустел мой последний дом и звери из леса съели кур, забытых хозяевами, стало уже не страшно. Я понемногу смирился с мыслью о своём неминуемом полном исчезновении и только тоска и грусть населяли меня в тот год. Это был девяносто пятый. Именно тогда со мной произошло чудо, то самое, о котором говорил сегодня батюшка Николай. Конечно, он знает обо всём этом лишь понаслышке, ему неведома лицевая сторона мира, а только его проекция на полотне человеческого восприятия, как в театре теней. И всё-таки он понимает, что я был спасён усилиями Правны, чем-то приглянулся ей и её властям.

Так я впервые познакомился с ней, она протянула мне ру-

ку помощи. Это по её инициативе ко мне слетелись специалисты из разных стран. Правна вдохнула в меня жизнь заново, мои улицы быстро покрылись асфальтом и тротуарной плиткой, во все стороны потянулись дороги, на них заблестели трамвайные рельсы, а вдоль проезжей части выросли кирпичные здания в несколько этажей. На месте бывшего пастбища был построен завод по производству медикаментов. Хлева снесли, на их месте построили многопрофильную больницу, вокруг которой насадили большой и красивый парк.

С тех пор я не переставал расти, у меня каждый год появлялось что-нибудь новое, власти Правны временно стали и моими властями тоже, они следили за неустанным развитием всех моих отраслей и выделяли на это огромные средства. Теперь, пришло время мне обрести собственного главу.

Правна считает, что я уже достаточно взрослый.

– Возможно, в этом году тебе дадут новый статус, уже после ежегодных проверок в начале августа, – сказала она мне минувшей весной. – Не забудь подготовиться, с закрытием купального сезона может начаться новый этап в твоей истории.

Если под «новым этапом» она подразумевала такие вот политические столкновения на моих улицах, то лучше бы мне оставаться индустриальным посёлком, по документам. В понимании своих жителей и гостей, как и в своём собственном, между прочим, я и так уже настоящий город, и соседи

все давно позабыли, что на этом месте прежде находилось село. Пусть у меня пока нет такого статуса, я считаю, что это всего лишь формальность, а формальности я терпеть не могу.

– Да ничего необычного, фильм снимают! – отвертелся Чёрт, и спрятал нож, видя, что его собеседник в голубой милицейской рубашке.

– Ох, воздушная кукуруза! – засмеялся тот с облегчением. – Я-то думал, взаправду! А про что фильм?

Чёрт быстро огляделся по сторонам.

– Про инопланетных захватчиков, – брякнул он первое, что пришло на ум, и показал рукой в небо, куда-то на юг. – Сейчас вон оттуда покажется их главный корабль! – сказал он мужчине.

Тот доверчиво поглядел вверх, проследив за его рукой. Тихонько хихикнув, парнишка сразу исчез, будто его тут и не было. Сидевшая на табло с расписанием молодая сорока звонко застрекотала, смеясь над наивным милиционером.

– Держите его! – раздался вдруг с задымлённой площадки голос майора Тройкиной.

Увидав мужчину в милицейской рубашке, она подбежала к нему.

– Куда он делся? – с ходу спросила Тройкина.

– Кто? – не сразу понял тот, оторвав взгляд от неба, и посмотрев на майора.

– Парень с ножом, Беспятов, будь он не ладен! – пояснила

та. – Куда побежал этот негодяй?

– Не знаю, – пожал плечами мужчина. – Только что тут был, про съёмки вашего фильма рассказывал.

Удивляться Яна Тройкина не привыкла, обычно она приходила в ярость, услышав какую-нибудь ахинею и сразу начинала рвать и метать. А на этот раз повод для ярости у неё имелся.

– Хотите сказать, Вы видели, но не задержали вооружённого человека?! – выпалила она, вытаращив глаза. – Из какого Вы отделения? Фамилия, звание!

– лейтенант Волюка, – представился тот, исполнив приветствие. – Прибыл по указанию капитана милиции Лагерёва, для исполнения служебного долга под его руководством в РОВД Привокзального района промсела Судного Нижегородской области!

– Что?! – изумилась Тройкина, распалившись ещё сильнее. – Вас Лагерёв сюда вызвал?!

– Так точно! – ответил ей лейтенант, втянув живот и, как струна, распрямившись перед майором.

– Ну, вот что, голубчик, – язвительно продолжила та. – Ни в каком РОВД, а тем более, в нашем, Вы служить не останетесь, это я Вам гарантирую! Будете сидеть в конуре, следить за порядком на этой вот привокзальной площади и смежном с ней перекрёстке проспекта Науки с Храмовой! Реагировать на звонки, принимать заявления потерпевших, и передавать непосредственно мне! А с капитаном Лагерёвым я серьёзно

поговорю по поводу Вас, я сама ему доложу о Вашем при-
бытии.

– Но... Но я же... – растерялся Волюка. – Он меня ещё
даже не видел!

– И слава Богу! – гаркнула ему в лицо Яна Петровна. –
Сейчас заступайте на пост, вещи в будку и принимайтесь за
дело! Видите, что творится?!

Волюка всмотрелся сквозь тающее облако дыма, медлен-
но положив себе в рот последний кусочек курника. Нигде не
найдя софитов и камер, он огляделся в поисках съёмочной
группы.

– А где все? – недоумевал он. – Кто их снимает-то? И где
декорации?

Тройкина удручённо вздохнула, вздох получился больше
похожим на рык негодования. Приложив ладонь к брови, она
мысленно ругала капитана Лагерева и лейтенанта Волюку
всеми словами, какие только за рамкой цензуры помнила. Я
слышал, о чём она думала, но, как порядочный город, не ста-
ну этого повторять. Мне уже не солидно, ведь я больше не
деревня и должен соответствовать статусу, который получу
совсем скоро.

Вообще-то, Яна Петровна Тройкина женщина тоже поря-
дочная, хотя и вспыльчивая. В мыслях у неё обычно царит
чистота. Она часто думает о своём тринадцатилетнем сы-
не Антоне, которого очень любит. Скучает по нему, очень
беспокоится, как всякая мать, и с нетерпением ждёт с ним

встречи.

Посёлок Марусинский, в котором они жили прежде, был уничтожен лесным пожаром две недели назад. Яна Тройкина была задействована в эвакуации его населения, и своего сынишку доверила близким соседям, отправив его во Владимирское село вместе с ними. Сама она сопровождала пострадавших ко мне, тех, кто лишился всех документов, и получил ожоги высокой степени. За проявленное мужество и заботу о погорельцах, её повысили здесь до майора и дали хорошее место в моём РОВД, вместе со служебной квартирой в этом же Привокзальном районе.

Слова моего пожилого иерея не произвели должного впечатления на демонстрантов, но кулачный бой всё-таки прекратился, и народ немного остыл. Я вздохнул с облегчением, когда мои люди начали расходиться. Кто-то уже садился в автобус, кто-то дожидался трамвай... Те, кому было особенно далеко добираться, вызывали такси, как это сделала, например, Алёна Демидовна Краева.

– Вы знаете, а вот мне даже очень нравится жить в частном доме! – откровенничала она с учителями и воспитателями из интерната. – До чего я люблю природу! У нас на Заречной птицы щебечут вместо часов, рядом роща и речка! Соседи не докучают, нет никого, один только домик стоит напротив, на два хозяина, а хозяин там только один живёт, старичок. Соседский угол всё сдать кому-то пытается, да только неказистый у него дом, с огромным участком, к тому же,

запущенным. Вот, то ли дело наш! Да, вы знаете, у нас такой большой и красивый дом, и сад под окнами, загляденье!

Следующие минут пятнадцать, она в подробностях описала усадьбу из своего любимого с юности сериала, адаптировав её с Бразилии под среднюю полосу России. Её приёмная дочь, пятиклассница Катя, с улыбкой кивала на каждом слове.

– Тяжело, наверное, с таким-то хозяйством! – вздыхали коллеги, намеренно стараясь не показывать зависти, на которую так рассчитывала Алёна.

– Знаете, а ничуть! Вот нисколько! – заливалась та. – Я вообще не знаю домашних хлопот, у меня муж всё делает сам по дому! Ой, вы знаете, вот я прихожу домой и сажусь, а он стол накрывает, посуду помывает, везде приберёт, а мне не разрешает, говорит: «Ты устала!». Вот знаете, всё для меня готов, так меня любит, и чем я таким заслужила? Ну, наверное, заслужила, раз мне такое счастье положено, значит, положено! А я вот, судьбе не перечу! Просто я всем всегда делаю столько добра, вот оно ко мне и возвращается бумерангом.

Скромности Алёне, конечно, было не занимать, но в её хвастовстве всё же была доля правды. Она действительно каждый день творила добро, даже удочерила сиротку из интерната, в котором теперь работала, и баловала её, как родную дочь. Говорила она преимущественно о себе любимой, но заботу проявляла, главным образом, о других. Это мне в ней и нравилось. А вот её муж, Олег Евгеньевич Краев,

лично у меня, не вызывал ни малейшей симпатии. Но Алёна любила его, поэтому и нахваливала перед подругами. Сердце женщины – это загадка даже для нас, городов.

Глава 2. Последний вечер детства

Краев жил у меня третий год, а приехал он, насколько я помню, из Нижнего Новгорода. В своё время он задолжал по кредиту одному крупному банку. Сумма была большая и коллекторы стали ему докучать. Устав от этого, Краев повесил все проблемы с выплатой долга на поручителя, своего лучшего друга, а сам сменил телефон и устроился «врачом на все случаи жизни», говоря проще – фельдшером, в маленькое глухое село Околки, Воскресенского района, со всех сторон окружённое лесом. Это вселяло в Олега уверенность. Там он познакомился с Алёной Демидовной, учительницей из сельской школы. Эта весёлая и общительная пышногрудая женщина с большими губами и звонким голосом сразу приглянулась ему. Жила она не одна, с престарелым отцом, младшей сестрой Верой, и восьмилетней племяншкой, Аминочкой. Их отец, дедушка Амины, сильно болел, и Олег навещал его, даже советовал постелить для больного в бане, чтобы не заразилось семейство. В итоге, Алёна, в силу своего альтруизма проводившая с его пациентом времени больше других, тяжело заболела, и Краев повёз её в город к специалистам. Он планировал отвезти её в Нижний, но по пути встретил указатель с моим названием и с привлекательным километром. Так они оба оказались здесь, у меня. Алёна быстро поправилась, ведь на моём фармзаводе произво-

дят новейшие, поистине чудотворные препараты! Врачи, как и всякого рода медики, у меня очень востребованы, поэтому Краев без труда нашёл здесь работу. Зарплата у него теперь была выше, чем у сельского фельдшера, и платили её регулярно. Ему не составило труда снять жильё, жениться, и взять под опеку девочку из интерната. Тем не менее, за всё это время, Краев ни разу не вспомнил о своём большом долге и не отослал ни копейки своему другу, на которого повесил кредит.

Алёна же со своей младшей сестрой переписывалась регулярно, отправляла посылки ей в Околки, обычно на Новый Год. Всегда поздравляла племянницу с Днём Рождения, и в ответ получала её рисунки. Узнав в одном из писем сестры о смерти отца, Алёна сразу выслала денег на его похороны, но сама не смогла приехать. Так они и не виделись всё это время, сколько Алёна ни приглашала сестру погостить. На своё последнее письмо она ещё не получила ответа, отправлено оно было два дня назад и, возможно, ещё не дошло.

Мне одному на тот момент, было достоверно известно, что письмо Алёны в Околки не дойдёт никогда. Катюша, относившая его два дня назад к почтовому ящику, вскрыла конверт, прочла и выбросила письмо, вложив в конверт своё, написанное аккуратным детским почерком.

«Дорогие Амина и тётя Вера! Я решила написать вам сама, потому что мама Алёна всё не так пишет. Она без конца рекламирует вам этот дом, в который меня забрала, и сад,

как будто у вас в посёлке нет своего огорода. И она не думает о том, что вы едва сводите концы с концами. Амине в сентябре в школу, а у вас нет денег, ни поездку, ни на отдых у моря, и к школе, наверное, собраться не на что. Вот, продайте этот золотой обруч с зелёной жемчужиной, который я вам с этим письмом передам через лесничего дядю Лёшу. Я нашла это украшение на берегу моря, когда была в Турции, ещё со своей настоящей семьёй. Вам оно сейчас будет нужнее, может вы даже тоже съездите на море. Это городские отдыхают в деревнях, а деревенским – нужно отдыхать на морях, от деревни. Мне бы очень хотелось, чтобы хотя бы один месяц настоящего лета у вас удался! Берегите себя и друг друга. Краева Катя».

И, вместо того, чтобы идти с этим письмом на почту, она поспешила к роще неподалёку от дома Краевых. Там часто бывал бородатый лесничий, что ходил между сёл, по лесам, помечая больные деревья надсечками. Катя знала, что особенно ценные вещи, которые нельзя отправлять в посылках, иногда передают через него. Найти его по свежим надсечкам на стволах оказалось несложно.

– Что это Вы делаете, дядя Лёша? – любопытствовала Катюша.

Услышав её, лесничий поглядел на девочку, и добродушно заулыбался.

– Дубов мало осталось, боюсь, как бы не заразились от этих вот, – пояснил он, и тут же спросил в ответ. – А Вас что

сюда одну привело? Чем могу быть полезен Вашеству?

– Вот, – бойко ответила Катя, протянув ему конверт с письмом, и ещё чем-то увесистым, вложенным внутрь. – Можете передать это в Околки?

– Сочту за честь исполнить поручение столь важной особы! – игриво согласился лесничий, сняв панаму и отвесив перед девочкой театральный поклон.

Он любил детей, и умел с ними общаться так, чтобы те улыбались и радовались. К слову, у этого добродушного лесника у самого была дочка. И жила она как раз в том самом селе. Он всегда играл с ней, развлекал, смешил всячески, пока та была ещё маленькой. Теперь же его девочка подросла и стала хорошей хозяйкой. Дом на неё уже было оставить не страшно, уходя в лес надолго, и видеться они стали реже. Не удивительно, что ему было только за радость заглянуть снова в Околки. Но Катя подумала, что радость у лесничего вызывает она, тем более, что тот разговаривал с ней, как с принцессой. Ей это нравилось, и она тоже заулыбалась. Взяв у неё конверт, лесничий сложил его и сунул в карман олимпийки, опасливо поглядев на ветви берёз. С одной из них тут же вспорхнула испуганная сорока. Лесничий погрозил ей вслед кулаком, чем ещё сильнее позабавил Катюшу.

В Околках народу проживало не много, насколько я могу знать. Мы соседствуем с этим посёлком не очень-то тесно и мало общались с тех пор, как изменилась моя судьба. Там все на виду друг у друга, и по именам знают односельчан. Кто

постарше, те знакомы и с Лёшкой лесничим, потому как нет на селе мужика, который бы с ним не пил. В олимпийке поверх полинялой футболки с тряпичным жилетом, в штанах защитного цвета, и в высоких резиновых сапогах, он шёл, будто прихрамывая на обе ноги, по высохшей и затвердевшей от зноя глине. На голове у него была панама с собранной москитной сеткой под козырьком, а на плече – потёртый рюкзачок с одной лямкой и расстёгнутой молнией. Всякий, кто узнавал его, приветственно окликали, дворовые собаки лаяли на него сквозь забор, а куры разбегались прочь с хлопотанием. Пройдя по посёлку, лесничий остановился перед небольшим ветхим домиком, обнесённым оградкой и поглядел в зашторенные занавесками окна. С высокой сосны возле этого домика, на плечо к гостю спрыгнула рыжая белка.

– Я тебя звал? – усмехнулся тот. – Ну, чего надо-то? Нет у меня орехов!

Но белка, будто желая удостовериться в этом сама, спустилась с плеча по лямке и шмыгнула в сумку.

– Ах, проказница! – рассмеялся он с умилением. – Бери, чего разглядела там, да вылазь! Дай хоть с дочерью повидаться, без рыжих ушей этих ваших!

Белка принялась шуршать чем-то у него в рюкзаке, и, похоже, нашла что-то вкусное.

– Любаша! – позвал мужик, слегка приоткрыв калитку. – Любушка, дома ты?

Занавеска на окне дрогнула, и румяное лицо молоденькой

девушки выглянуло во двор.

– Отец! – обрадовалась она, тут же скрывшись в окошке.

Дверной затвор щёлкнул, и рослая девушка лет девятнадцати, с длинной светлой косой за плечами, выбежала на крыльцо, в чём была: одетая в длинную домашнюю футболку и летние широкие мешковатые брюки до пят. Обувь под ними было не рассмотреть, но девушка звонко застучала подошвами по деревянным ступеням. Мужчина заулыбался.

– Любаша, – ласково сказал он дочери. – Я сюда ненадолго, письмецо соседям твоим несу, Перцевым, передать попросили. А я только звериные адреса находить умею в лесу, на селе вот, я сразу теряюсь. Сама знаешь, из меня тот ещё почтальон...

– Они ни с кем не общаются, – ответила та. – На том краю села живут, мама с дочкой.

Несмотря на то, что Околки село очень маленькое, эту семью Люба знала, в основном, понаслышке. Когда они с отцом сюда переехали, она ещё не окончила школу и здесь, в новом классе, её учительницей была Алёна Демидовна, которая там преподавала. Но та уехала из посёлка, об этом все знали, её увёз на машине фельдшер, и обратно не привозил, и сам больше не появлялся. Старик из этого дома умер и теперь, жили там только его сорокалетняя дочь Вера, да маленькая Амина, неизвестно кем и кому из них приходившаяся. В посёлке говаривали, что она не родная им, а подкидыш, кто – будто это их осиротелая дальняшка, иные суда-

чили, что это Верка её от кого-то в другом селе нагуляла и в подоле принесла. Односельчане не знали точно, сколько Амине лет. Когда и от кого она родилась – Вера с Алёной не разглашались, и никто не знал правды. В школу девочка ещё не ходила, но, вроде как, должна была пойти этим годом. Люба редко видела её на улице, не знала в лицо, лишь издали узнавала по бантикам и ярко-зелёному платью. А та, и вовсе её никогда, наверное, и не видела, ведь Люба и сама слыла скромницей-домоседкой, а гулять ходила разве что в лес. У неё и фамилия по отцу была – Лесова.

Лесничий перешёл село, свернул на улочку, ведущую к самой окраине и на задворках, недалеко от трассы, еле увидел за деревьями неприметный маленький домик. Постучав в окно, он увидел детское личико, несмело выглянувшее из-за плотной сиреневой занавески.

– Вы кто? – раздался за стёклами звонкий голосок девочки. – Мамы дома нет. Уходите.

– Можешь не открывать, – улыбнулся лесничий. – На, возьми вот, с окошечка, письмецо.

Он протянул ей в окно конверт.

– А откуда письмо? – с недоверием спросила у него девочка.

– Из Судного.

– Это от моей тёти!

Тогда, она открыла оконную раму и, едва протянула руку, чтоб взять конверт, как из сумки у незнакомца к ней на

руку выпрыгнула белка, держа в лапках шоколадную конфету в обёртке. Девочка рассмеялась, а лесничий достал целую горсть таких же конфет, и отдал их ей в угощение.

– Мне нельзя сладкое, да я и сама его не люблю, – смутилась Аминка.

– Впервые вижу ребёнка, который не любит конфеты, – удивился лесничий.

– А я вообще, особенная, – похвалилась девочка. – Мой дедушка мне всегда это говорил; и когда я падала, он давал мне сахар.

– Поэтому, ты и на улице не гуляешь? – поинтересовался он.

– Мама не разрешает, – ответила девочка. – Вот одна я и не хожу. Я послушная девочка!

– Сам вижу, – заулыбался лесничий. – Белки к непослушным детям не прыгают на руки!

Я уже занимался уборкой на привокзальной площади, когда Колька, зачем-то, мне это рассказал. Не помню, чтобы он прежде сам заводил разговор. Расценив это, как что-то важное, я отпустил на перекур своих дворников, подбиравших мусор за демонстрантами, и ответил соседу.

– У меня какое-то очень плохое предчувствие, на счёт этих семей, – с тревогой признался тот. – Меня беспокоит дочка лесничего, Люба, и ещё, та маленькая девочка, Амина Перцева... У одной нет матери, у другой отца.

Скажи, не у тебя ли там они проживают?

– А как их зовут? – поинтересовался я.

– Я никогда не видел маму Любы, – ответил Колька. – Говорят, она из Владимирского, там и Люба жила, пока отец её ко мне не привёз уже старшеклассницей. Почему – не знаю. Володик мне ничего не рассказывает! Ты с ним дружишь, вот ты у него и спроси.

– Как зовут-то её?

– Да откуда мне знать?

– А как я пойму, у меня ли она, без имени? И о ком, скажи, мне Володика спрашивать?

Колька задумался, а я, тем временем, продолжал.

– Тебя правда волнуют эти людские интрижки, кто от кого в подоле ребёнка принёс, кто на кого виды имеет? – не понимал я соседа. – Что ты, как девчонка! Совсем, как соседка твоя, Марусинка, мир её праху. Может, тебя беспокоит что-то другое, но ты сам не знаешь, как это истолковать?

Кольку эти слова задели.

– Зазнался ты, вижу, не успев ещё и городом стать! – ответил он. – Конечно, теперь ты умный, а я так, деревня! Сам не знаю, что чувствую, о чём спрашиваю, кого ищу?!

И с чего он вдруг вспылел? На него это так не похоже, такой тихий всегда, а тут вдруг, целая буря! Что на него нашло? Одно мне было предельно ясно: Околоика что-то всерьёз беспокоит. Может, это и связано как-то с детьми, о которых он говорит, или с кем-то из их родителей. К сожалению, я – никудышный психолог и просто не понял его. Полагаю, тот ре-

шил оставить за собой последнее слово, потому что больше не захотел со мной говорить. У моих дворников, тем временем, закончился перекур, и я опять принялся за уборку.

Пройдя по обочине улицы Базовой через перешеек и при вокзальный район, Кинди Кут Шари оказался у моих врат, как любят говорить современные города о своих вокзалах и аэропортах. К его появлению там уже был порядок и тишина. Лейтенант Волюка глядел на опустевшую площадь из вверенной ему милицейской будки, ел бутерброд с сыром и ветчиной и в тайне очень сердился на Яну Тройкину.

– Реагировать на звонки, – ворчал он, вспоминая её слова. – Ну, кто станет звонить в эту уличную конуру, постовому? А кому придёт в голову, заявление сюда подавать? Да народ вообще не догадывается, что я тут сижу, для всех это просто синий ларёк, в котором пиво не продаётся!

Изнывая от скуки и бессильной обиды на Тройкину, Волюка заметил босого бородатого юношу, обмотавшегося какой-то оранжевой простыней и неспешно идущего так вдоль проезжей части.

– А это ещё что за клоун? – усмехнулся он, и вышел с бутербродом в руках, узнать, всё ли в порядке. – Лейтенант Волюка, – представился он, подойдя к незнакомцу. – В чём дело, гражданин? Вас раздели, или чей-то муж вернулся не вовремя?

Тот поглядел на него с блаженной улыбкой, встретившись с парой выразительных карих глаз лейтенанта. Сильным и

тёплым показался ему этот взгляд. Не было в нём, ни высокомерия, ни притворства. Но и безразличия не было, даже наоборот – любопытство и удивление, искреннее желание быть у дел, и какая-то грусть.

– Моё имя Кинди, – представился он лейтенанту. – А Ваше?

– Нил Ваныч, – жуя бутерброд, быстро проговорил Волюка.

– Красиво, – улыбнулся ему собеседник. – Нил, как египетская река.

– Так точно, – кивнул лейтенант.

– А Кинди, это как в песне, – продолжил юноша, и тихонько напел. – «Была пустыня Гоби морем, и в нём ходили корабли. Их тихой гаванью был город ургутский Киндикутшари...».

– Э, ты мне зубы-то не заговаривай! – прервал его Нил Иванович. – Документы с собой?

Кинди достал из тряпичного кошелька, висевшего у него на поясе, два паспорта – российский и заграничный, и протянул лейтенанту.

– Тебя что, в честь города из песни назвали? – удивился тот, листая страницы паспорта.

– А Вас, в честь реки? – улыбнулся Кинди.

– Холост, в армии не служил, босой, в простыне гуляешь по городу, – рассмеялся Волюка.

– Гусеница тоже заворачивается в саван и он же становит-

ся пелёнками мотылька, – пояснил ему Кинди. – Эти одежды имеют особый сакральный смысл. Когда мы уходим из мира страстей, нас снова заворачивают в пелёнку, провожают, в чём встретили при рождении. Но умереть для мира и значит родиться духовно! Это саван брэнной плоти и пелёнки освобождённой души.

Волюка лишь поморгал глазами в ответ и глянул, на всякий случай, нет ли где на этой оранжевой простыне больничной печати с номером отделения. Не найдя таковых, он задумчиво надкусил бутерброд и сдержал усмешку.

– Так ты из этих, что ли, которые хари-хари? – предположил он, вернув юноше его документы. – Ну пойдём, я тебе свои шлёпанцы дам, у меня вроде были...

Он кивнул в сторону милицейской будки.

– Благодарю, – отказался тот. – Но путь в Шамбалу нужно пройти босиком, безропотно принимая всё, что тропа стелет под ноги. Если осознаёшь себя душой, а не мешком из кожи с костями...

– Ладно, дело твоё, – пожал плечами Волюка и снова надкусил бутерброд. – Покажи хоть какой-нибудь фокус, раз ты факир. А то мне у себя в скворечнике сидеть до того скучно!

Я помню, в детстве Кинди мог проращивать семена в ладонях и мне было интересно, не утратил ли он свой талант. Я принёс ему по ветру семечко клёна и, заметив его, тот понял меня без слов.

– Хорошо, пойдём в твой скворечник, – кивнул он Волю-

ке, взяв семечко в руку.

Интересно было наблюдать за ними сквозь окна милицейской будки.

Кинди не только не утратил, но и взрастил в себе этот дар, в чём я был рад убедиться. Глядя на то, как молодые тонкие корешки оплетают пальцы просветлённого странника, а над его раскрытой ладонью распускаются листья маленького ростка, Нил Иваныч Волюка даже бутерброд в изумлении выронил.

– Заливная камбала! – поражался он, не сводя глаз с росточка. – Как ты это делаешь?

Потом он, не глядя, подобрал бутерброд с пола и вопросительно посмотрел на Кинди.

– Мир полон энергии, – пояснил тот, видя его непритворное удивление. – Живительная прана – лишь одна из многих его составляющих. Праной питается всё, что тянется к свету, растения, животные, люди и даже могучие горы.

– Горы растут? – удивился Волюка.

– Конечно, – кивнул ему Кинди. – Растут и разрушаются тоже. Есть и другая, не менее питательная энергия разрушения, обратная пране. Она зовётся гаввахом и ей питаются тёмные сущности разных рангов и форм. Эту невидимую глазу плазму источает всякое погибающее существо, истекая кровью, испытывая боль и страх. Человек тоже привык насыщаться гаввахом.

– Ну, по мне так булки куда сытнее всех этих энергий! –

рассмеялся Нил Ваныч.

– Булки из хлеба, – напомнил Кинди. – В нём много праны, добытой из зёрен, и вложенной в тесто руками пекаря. А вот начинка может быть разной и хорошо, если это листья или плоды растений, так же насыщенных праной. Но чаще всего это плоть убитых животных, пропитанная их болью.

Волюка поглядел на свой бутерброд и убрал из него ветчину с гаввахом.

– Так вы, поэтому не едите мясо? – догадался он.

– Я предпочитаю прану, – признался Кинди. – Каждый из нас способен источать её, как и гаввах. Мы не только насыщаемся ими, но и сами насыщаем мир тем и другим. Так, целенаправленно источая прану в больших количествах, человек может заживлять раны или проращивать семена. Бывает и страх придаёт нам силы, а боль может способствовать духовному росту, особенно, если это нравственные переживания. У демонов особенно ценится гаввах, получаемый от страданий души, а не тела. И чем чище эта душа, тем выше и качество её плазмы.

Нил Иванович, после увиденного им воочию чуда, готов был поверить во что угодно. Он даже огляделся по углам, нет ли там притаившихся бесенят, которые только и ждут, чтобы полакомиться холодком, пробежавшим по его телу. Хорошо ещё, что Кинди поведал ему далеко не всё о любителях горькой плазмы. Думаю, это надолго лишило бы Волюку аппетита и сна.

Зажигая на своих улицах вечерние фонари, я заглядывал в окна, любуясь гостями и жителями. Пожилой иерей, живший в частном домике по улице Храмовой недалеко от церкви, произносил нараспев молитвы вечернего правила, стоя вместе с супругой у зажжённой лампы в красном углу. Две кошки сидели возле них, наострив уши, и тоже подавали голос на слове «аминь».

Майор Тройкина, сидя в служебной машине у обочины той же улицы, писала сыну смс со своего мобильного телефона, только отправить не получалось и это очень злило её. Наконец набрав номер, она попробовала просто ему позволить.

– Абонент вне зоны действия сети, – безучастно ответил ей женский голос.

Мне показалось, на глазах майора блеснули слёзы – или это был огонёк плазмы её терзаний, тоски и тревог? Два бугая, которых она разнимала сегодня, похоже, и вовсе ничем не терзались. Они прошли мимо её машины в обнимку, из горла распивая бутылку портвейна и громко смеясь.

– Ну, что, жирдяй? Может, в баньку? – предложил высокому и тощему маленький коренастый.

– А пошли! – согласился тот. – Кругом тоска одна, хоть какое-то, да занятие...

Тройкина поглядела на них и тихонько усмехнулась сама с собой, после чего, завела мотор и выехала с Храмовой на проспект. В милицейской будке на перекрёстке горел свет и

Яна Петровна связалась с постовым, лейтенантом Волюкой.

– Эти сутки дежурите, потом отоспитесь, – сказала она ему. – Ключ от Вашей служебной квартиры я завезу Вам утром, после того, как загляну к капитану Лагереву.

– Вас понял, майор, – отозвался тот, держа перед собой на ладони грецкий орех в скорлупе и тщетно стараясь прорастить его усилием воли.

Окончив недолгий разговор, Волюка подмигнул Кинди.

– Оставайся тут ночевать, если хочешь, – предложил он ему. – Всё лучше, чем под небом. Ещё кто привяжется! А мне всё равно тут до утра булки жевать, с этой, как её...

– Праной, – подсказал Кинди.

– И с праниками, – весело продолжил за ним Волюка. – Будешь чай? – Спасибо, не откажусь...

Обрадованный этим ответом Нил Ваныч сразу загремел чем-то в рюкзаке, вытаскивая сиреневый термос в зайчиках и полосатую кружку с хвостом вместо ручки, с кошачьей мордашкой и ушками. Вторую, такую же, только белую в пятнах, он протянул гостю.

– А вот и праники, – улыбнулся лейтенант, вынув следом, пакет с небольшими баранками в белой и розовой глазури из сахара. – Попробуй! Они мягкие, прямо тают во рту!

Я был очень рад, что мой давний друг нашёл себе уютный и безопасный ночлег в такой хорошей компании, где его, вдобавок, ещё и накормят. Со спокойной душой оставив его с этим чудаком из Дзержинска, я вспомнил о той, что прие-

хала ко мне и с первых шагов вступилась за незнакомку. Говорят, когда совершаешь такие поступки, не думаешь о себе. О том, чем рискуешь, против кого идёшь, и какой опасности можешь подвергнуть себя, выручая кого-то другого. У людей это зовётся отвагой, да и у городов тоже, ведь среди нас немало героев, самоотверженно подставлявших себя под удар, защищая своих соотечественников. Мне пока далеко до таких ярких примеров, остаётся лишь восхищаться их мужеством, и отвагой людей, благодаря которым города такими становятся. Ведь ценности у нас те же, что у людей, ими и взращиваются в нас качества, на протяжении всех лет существования. Такому человеку как Елена я был со своей стороны очень рад, и хотел бы, чтобы она у меня осталась.

Поискав в свете уличных фонарей хрупкую фигурку своей храброй гостью я увидел её тень, грациозно и плавно скользившую по аллее больничного парка. В руке у неё был клочок ватмана с адресом многопрофильной – похоже, она просто не знала здесь никаких других адресов. Я видел и чувствовал, что она ещё слишком растеряна, и идти ей некуда. Но что заставило её вот так сорваться и с одним ноутбуком приехать сюда, я не мог даже предполагать. В тот момент я вдруг очень ясно ощутил её боль. Невидимая глазу, но яркая для бесплотных духов, плазма горечи и отчаяния струилась из её сердца так, что могла бы освещать собой весь этот парк.

– Что случилось, Елена? – спросил я её, не надеясь, конечно, услышать ответ.

Но она присела на одну из скамеек в парке, поглядела в мои городские окна через бульвар и заговорила со мной – тихо и откровенно, будто слышала мой вопрос.

– Я не знаю, что мне теперь делать, – призналась Елена. – Вся моя жизнь рухнула в одночасье!

Она сняла с безымянного пальца золотое колечко, глядела на него с грустью, крутила в руках.

– Паша, почему всё окончилось так? – с болью спросила она. – Неужели, нельзя было просто со мной расстаться? Я бы собралась и уехала к маме. А теперь, как я покажусь на глаза родным? Как смогу пройтись в таком виде по Ситникам?! Здесь хотя бы никто не знает меня. А в Ситниках, как и в твоём маленьком Кстово, сразу поползут слухи, и на меня навешают самые грязные ярлыки...

Она поднесла к лицу руку и убрала за ухо прядь волос. Присмотревшись, я заметил у неё на виске ни то, синяк, ни то ссадину, как будто от удара чем-то тяжёлым и твёрдым. Страшная догадка пронеслась у меня в уме. Я подумал, что после такой травмы и пережитого потрясения, этот переезд в никуда, мог быть спонтанным решением, принятым в порыве отчаяния. Возможно Елена только начала приходить в себя. И я не был бы городом, если бы всё так оставил! Худшие из нас – и те, старались обезопасить гостей, дать им ночлег и ужин. Это негласный закон, которому следуют все без исключения города и свести гостя с нужными людьми – любому из нас под силу.

Всё, что от меня требовалось – это выстроить цепочку простых обстоятельств, которые люди привыкли называть совпадениями, везением, или чередой неудач. Я пробежался взглядом по окрестным дворам и нашёл в одном, за высокой аркой, своего благодетеля. Того, в чью честь сегодня на привокзальной был весь этот шум. Если Коршунов намерен стать моим мэром, он должен проявлять заботу и о моих жителях, и о гостях, следуя закону гостеприимства.

В эти минуты он как раз вернулся из автопарка, въехал под арку во двор, и загнал свою машину в гараж. Автомобиль, на котором он ездил, был довольно доступной немецкой марки, скромных размеров, и цвета непримечательного. А вот кирпичный гараж, где Афанасий хранил эту железную колесницу, походил на настоящую крепость. Там имелся телевизор и мягкий диван, холодильник с пивом, биотуалет и стеллаж для журналов, которые он любил полистать, сидя в кабинке личных удобств. Словом, всё для досуга и отдыха, кроме часов и будильника. Этот гараж служил своему хозяину неким укрытием от времени, суеты, спешки, и бесконечных забот.

Проведав свою кирпичную крепость и оставив машину там, Коршунов поднялся к себе на этаж, где уже слышен был радостный лай за дверью. Его любимец, чёрный полуволок Баргест, учуял хозяина и готов был его встречать. Как только Афанасий отворил дверь квартиры, четвероногий друг тут же вцепился ему в штанину, сердито рыча, и тем самым бра-

ня его за столь позднее возвращение. Тот и сам чувствовал себя виноватым.

– Es tut mir leid, junge, – произнёс он, потеревив за загревок пса. – Spazieren gehen.¹

Я говорил, что собаки – это лучшие друзья не только людей, но и городов? Для нас они такие же жители, только более чуткие. Афанасий никогда не водил своего пса на поводке, не надевал на него намордник, и относился к нему, как к личности. Баргест был ему точно брат, и доверие хозяина оправдывал полностью, всегда держался с достоинством, на счастье соседей. Этот пёс не приносил палку, не лаял на велосипедистов, на кошек смотрел свысока, а собаки его просто не задирали. Умный, послушный и сдержанный, Баргест был верен Афанасию и на прогулке обычно не убегал далеко, словно его охраняя. Но не сегодня!

Едва оказавшись на улице, Баргест уловил мой призыв и, поскулив хозяину, метнулся из двора через арку. Под аркой он ненадолго остановился, оглянулся назад и снова позвал Афанасия. Тот поспешил к нему, понимая, что такому поведению пса наверняка есть причина, и это, уж точно, не пробежавшая кошка. Баргест был чем-то встревожен и Афанасий верил его чутью. Вбежав под арку, он и сам обратил внимание на больничный парк, а Баргест уже пересёк проезжую часть и пролез под ограду.

– Oh, nein, bruder, – окликнул Афанасий своего пса. – Hier

¹ Сожалею, малыш, идем, сейчас погуляем.

ko: nnen sie nicht! Barghest! ²

Но Баргест его не слушал. Он быстро разыскал в парке женщину, на которую я указал, и бросился к ней подзывая хозяина. В отличие от людей, собаки видят плазму и воспринимают её, как некую разновидность огня, сжигающего не тело, а душу. Для них гаввах так же реален, как и обычный огонь. Ни тот, ни другой собаки использовать не умеют, поэтому они и спешат о нём сообщить хозяевам, а сами, стараются близко не подходить. Но Баргест никакого огня не боялся, и гавваху тоже знал применение. В свете незримой плазмы, будь то гаввах или прана, его глаза всегда отливали красным, такая уж была у него природа.

Елена не подозревала об этой особенности Баргеста и его мирных намерений явно не поняла. Её очень испугал здоровенный, похожий на волка пёс, чёрный, как ночь, и с горящими красными глазами. К тому же, тот громко рычал на неё, оголяя острые зубы.

– Брысь! – велела она ему, как кошке, поскольку с собаками ей до этого не доводилось общаться.

Баргест перестал рычать и, не найдя в поле зрения никаких кошек, удивлённо поглядел на Елену. А та с испугу выронила из рук колечко и заслонила лицо сумкой с ноутбуком. Такой её и увидел Коршунов, прибежавший на лай своего четвероногого друга. Испуганная и беззащитная фройляйн в светлом коктейльном платье, с плоской сумкой в ру-

² О, нет, братишка! Туда нельзя! Баргест!

ках, так трогательно кричала «Брысь!», отстранившись от его пса. Афанасий тут же опомнился и окликнул Баргеста. Прижав к голове уши, тот подошел к нему и сел рядом. Мне оставалось сделать совсем чуть-чуть.

Луч фонаря за спиной Коршунова упал на золотое колечко и оно ярко сверкнуло у его ног. Баргест осторожно понюхал блестящий предмет, глухо рыча.

– Гаввах, – деловито известил он хозяина.

– Du hast recht, bruder,³ – согласился с ним тот, поднимая с асфальта кольцо.

Он взял его в руку и ощутил, сколько боли, обид, разочарований и слёз, сколько страха и горечи оно в себе накопило за годы брака. Но жарче всей этой обжигающей плазмы на нём был горячий след жертвенной женской любви, непридуманной и сильной.

– Невероятно, – дивился Коршунов, и с изумлением поглядел на Елену.

Та убрала от лица ноутбук и с тревогой смотрела на худого лысого незнакомца, лицо которого было скрыто в тени, так как фонарь светил ему в спину. А вот саму Елену этот фонарь освещал так ярко, что её пышные осветлённые волосы и светлое платье, будто бы источали свет, и Афанасию она виделась ангелом в сияющем одеянии. Я был рад, что удачно подгадал с освещением – наверное, это талант. Будь я светооператором, цены бы мне не было! Никак не соберусь

³ Ты прав, братец.

разослать по театрам своё резюме.

– Простите нас, – поспешил извиниться Коршунов и протянул женщине кольцо. – Это Ваше?

– Да, – как-то несмело сказала Елена и спросила, косясь на чёрного полуволок. – А пёс?

– Это Баргест, – представил его Афанасий. – Не знаю, что на него нашло. Может, учуял Вашу беду через улицу? Вы из-за кольца плакали, или это он напугал Вас до слёз?

– Скорее уж до смерти, – уклонилась от ответа Елена. – А кольцо это мне не нужно.

– Досадно, – огорчился Коршунов. – Не часто такое встретишь.

– Это обычная обручалка, – не понимала его Елена. – Если она Вам так нравится, можете взять, вряд ли в ломбарде за него много выручишь.

– Я знаю ломбард на Калинке, где за это кольцо дадут хорошие деньги, – заверил её Афанасий. – Но вечером лучше там не ходить, если, конечно, с Вами нет Баргеста.

Елена сдержанно улыбнулась, взглянув ещё раз на жуткого пса, о котором он говорил.

– Проводить Вас? – любезно предложил Коршунов.

– До ломбарда? – спросила Елена, снова поглядев на мужчину.

– До дома, может быть, – пояснил тот.

– Тогда, наверное, до гостиницы, – вздохнула Елена, вставая. – Я пока не сняла жильё.

– Гостиница далеко, она почти в самом конце этого бульвара, – озадачился Коршунов.

Елену мои расстояния, похоже, ничуть не пугали. Она решительно повесила на плечо ноутбук и уже собиралась идти. Видя, что Афанасий не собирается её отговаривать, я велел Баргесту подать голос. Послушный пёс, который во многом казался умнее хозяина исполнил эту команду и вставил своё волчье слово, для убедительности даже слегка порычав.

– У него есть идея, – перевёл для Елены Коршунов. – Баргест считает, Вы могли бы снять уютное отдельное жильё, у меня. Я бы дал ключ, и живите, со всеми удобствами.

– Спасибо, конечно, – смутилась Елена. – Но я точно не знаю, когда смогу заплатить. У меня денег с собой, разве что на ночлежку.

Афанасий задумался ненадолго, но потом вспомнил про её золотое кольцо, которое так и держал в руке, собираясь вернуть владелице. Теперь уже, светлая мысль посетила его самого, и я был рад убедиться, что он тоже не безнадёжен.

– Вот за это, – предложил он, показав Елене кольцо. – Вы говорили, что хотите его продать. Если не передумали, пусть это будет платой за аренду жилья на месяц.

– Вы шутите? – изумилась Елена. – Оно хоть и из золота, но столько не стоит!

– Здесь другие расценки, – заверил её Афанасий, и Баргест охотно его в этом поддержал.

Елена только пожала плечами.

– И где же эта квартира? – поинтересовалась она. – Или дом? Может, дача какая-нибудь?

– Не совсем, – попытался объяснить Коршунов. – Квартира у меня одна, а нас в ней и так двое. Не думаю, что Баргест уступит Вам свой диван, он и меня-то попросил спать на раздвижном кресле. Под словом «жильё», я имел в виду свой гараж, просторный и меблированный, с электричеством. Но, всё-таки это не дом...

– Вот теперь, понятно, – облегчённо вздохнула Елена. – Сказали бы сразу! А то я стою и ломаю голову, что за жильё можно снять по цене моего кольца!

– Так Вы согласны? – обрадовался Афанасий.

– Пожалуй, да, – кивнула Елена в ответ.

Тогда и я смог вздохнуть с облегчением. Кандидат на пост моего главы не оплошал, он проявил себя джентльменом, участливым и находчивым. Но своим мэром я, скорее, предпочёл бы увидеть Баргеста. Он и соображает быстрее, и воровать не станет, обещаниями не будет кормить за зря, а главное, он по-настоящему слышит свой город.

Жаль, что я сам зачастую не слышу своих друзей. Почему-то мне не давали покоя слова моего соседа Околки. Что-то было в них, что-то я упустил! Я решил поговорить, на всякий случай, с Володиком, и попытаться узнать у него, кем была мама той девушки, Любы.

– Светлана её звали, как и всех здешних утопленниц, – рассказал мне Володик, посёлок на берегу озера Светлояр. –

У нашего водяного такая коллекция, он Светлан собирает. И её топил, но Лёшка лесничий помешал ему, спас девушку, унёс её в свой лесной домик, и жил с ней подальше от воды. Там родилась у них дочка. Та всё на озеро убегала, а когда ей исполнилось шестнадцать, водяной придумал её похитить и обменять на мать. А Светлана тайком пошла к тому водяному и себя отдала за дочь. Вот, после этого Лёшка и увёз девчонку в село Окольки, где нет ни рек, ни озёр, ни болот, один лес кругом, с родничком целебным.

– А почему водяной, забирает Светлан? – поинтересовался я.

– По легенде, озеро Светлояр появилось в кратере от упавшей звезды Светланы, – объяснил мне Володик. – Её часто изображают в образе девушки со светлой косой. Легенда гласит, что она была дочерью славянской богини Мерцаны. Летней ночью Светлану унёс на себе по небу огненный бык, сорвавшийся с цепи и бежавший над облаками. Но с первыми лучами зари, он испугался солнца и бросил девицу, а мать наплакала по ней озеро, там, где Светлана разбилась о землю.

– Грустная сказка, – отметил я. – Но в чём реальные-то девушки виноваты? Давно он их собирает?

– Да с тех самых пор.

– Это сколько же?

– На берегах Волги ещё росли баранцовые заросли, когда это озеро появилось, – ответил Володик. – В старину оно

Светланиным озером назвалось. Может и впрямь рухнуло с неба какое светило, а в кратер потом вода натекла. Молчит человечья наука.

Мне от этого стало даже не по себе. Умеет Володик на ночь страшилки рассказывать!

– Завтра попробую успокоить Кольку, и извиниться, – вздохнул я. – Спасибо, что всё рассказал.

– Да не за что, – отозвался Володик. – Передавай ему привет от меня.

– Обязательно.

Эта история казалась мне страшной, когда я засыпал. Наверное, это и был последний вечер моего детства. Катя Краева одиноко сидела на деревянном крыльчке дома до самой ночи. Она смотрела на небо, считая звёзды, только почему-то в обратном порядке... Мне это показалось странным.

– Что-то не так? – побеспокоился я.

– Вот и последняя, – тихо сказала Катя.

Я поглядел к звёздам и ни одной не увидел. Лишь какой-то тусклый красно-бардовый свет снизу подсвечивал облака, как будто луна улеглась спать где-то в чаще леса.

– Что там? – спросил я девочку, всмотревшуюся в этот неясный блик.

– Там Амина и тётя Вера, – сказала она, не сводя глаз с красного света на облаках.

Вот тогда мне перестали казаться страшными сказки на ночь. Всё небо надо мной заволочло плотным дымом, тянув-

шимся со стороны леса, над которым висело это красное светящееся пятно. И мне очень хотелось думать, что Колька не отвечает, потому что до сих пор сердится на меня.

– Нужен дождь, – полусшепотом подсказала Катя и я увидел в её печальных чёрных глазах лучик праны, такой чистоты и силы, которую могут излучать лишь дети и ангелы.

В небе тотчас сверкнула яркая длинная молния и раздался гром. Нет, города над погодой не властны, как и посёлки. И за Катенькой я раньше не замечал, чтобы она управляла стихиями или могла колдовать и летать на метле. Думаю, кто-то там, в вышине, услышал её тихий шёпот, кто-то, с кем я не был лично знаком, из тех, кому по душе детская прана.

Глава 3. Вечный вопрос

У людей всё так просто, что невольно, им даже завидуешь. О них давно позаботились, дали им множество наставлений, ключи от рая, самые разные. Только бери, пользуйся, и не губи свою душу сам! А что на счёт нас, городов и посёлков? Куда отправляются наши бессмертные души, когда вот так, внезапно, стихия сметает кого-то из нас в одну страшную ночь? На этот вопрос никто на земле не знает ответа. И есть лишь немногие города, кому довелось возвратиться из Вечности и обрести новую жизнь. Я знаком с ними, но каждый, что странно, описывал Вечность по-своему, словно все они пребывали в плену своих личных воспоминаний, нерешенных проблем, неоконченных войн... Среди них не было тех, кто погиб по вине стихии, только павшие под натиском вражеских войск и разрушенные людьми, удостоились права вернуться в новом облиции. Конечно, мы им не ровня! Разве, Колька, Марусинка, или я могли бы сравниться с такими великими древними городами, как Илион, Рим, или Карфаген? Их помнят тысячелетиями и будут помнить до окончания всех времён, подпитывая их души там, в Вечности. А мы? Неужели однажды мы просто исчезнем и о нас все забудут? Кто-нибудь помнит сейчас имя города, затонувшего в Волге во время строительства ГЭС? Уверен, многие о нём даже не слышали, откуда же у его бессмертной души будут

силы вернуться?

До семи часов наступившего утра, я не оставлял тщетных попыток ментально связаться с Колькой. Дождь прошел сильный, но, как и всякий ливень, закончился почти сразу, ещё до зари. Сухая земля бесследно впитала каждую его каплю, и сейчас уже сложно было понять, не приснился ли нам этот дождь. Угасил ли он пламя в лесу, мы тоже не знали.

– Правна, – с тревогой спросил я, глядя в безоблачное, помутневшее от серого дыма небо. – А души сгоревших посёлков, могут отправиться в рай?

– Что ты, нет, – ответила мне она. – Рай – это цитадель Бога, Творца людей и животных, океанов, звёзд и планет, но не городов и посёлков! Мы творения людей, и душу в нас вложили они! Имена нам тоже даны не от Бога, а от наших создателей.

– Но есть ведь, святые города на земле? – настаивал я.

– Нет, святых городов не бывает, – заверила меня Правна. – Есть очень достойные, самоотверженные и храбрые города, есть добродетельные и многострадальные тоже, но не святые.

– А если в маленьком посёлочке совсем-совсем не было злых людей, все жили мирно и набожно, посты соблюдали, друг другу все были, точно родня? – спросил я с надеждой, вспомнив, как славно жил в окружении леса Колька. – Если люди в том посёлке, даже диких птиц и зверей выхаживали?

– Они попадут в рай, – ответила Правна. – Но дух посёлка,

скорее всего, расточится.

– Почему расточится? – не верил я. – Разве мы не бессмертны?

– Мы вечны, пока о нас помнят люди, – пояснила мне Правна. – Но даже будучи вечными, наши души продолжают зависеть от них! Как человек без своего Творца Бога, так и город или село без людей, не может жить вечно.

Я не хотел верить, что Кольки и Марусинки больше нет. Наверняка ведь, погибли не все их жители! Но если люди просто разъехались кто куда, и их ничего больше не связывает друг с другом, значит, нет и того общего духа, который их прежде объединял. Правна об этом и говорила.

Афанасий Коршунов гулял со своим псом Баргестом во дворе дома, когда увидел Елену, уже при макияже и с аккуратно уложенными волосами. На плече у неё висела плоская сумка, в кармашек которой она сейчас клала ключ от двери гаража.

– Может, Вас подвезти? – предложил он, подойдя к ней вместе с Баргестом.

– Спасибо, мне тут недалеко, – отказалась Елена. – Доброе утро.

– Тогда позвольте хотя бы Вас проводить, – настаивал Коршунов.

– Боюсь, выгул собак и волков на территории медучреждения не приветствуется, – улыбнулась Елена.

Коршунов строго взглянул на Баргеста, и тот сразу лёг,

виновато прижав морду к лапам перед собой. Елену это развеселило.

– Я попробую устроиться здесь медсестрой в детскую многопрофильную, – объяснила она, умиляясь над жалобным взглядом и выразительной гримасой Баргеста. – Вчера мне назначили собеседование.

– Рад за Вас, но на Вашем месте я бы не торопился, – произнёс Афанасий. – Видите ли, хвататься за первую же попавшуюся работу, не всегда бывает...

– А что же мне остаётся? – перебила его Елена.

– Думаю, будет правильнее, если Вы посетите как-нибудь наш автопарк, – предложил Коршунов. – Нам тоже нужен медработник, чтобы проверять на трезвость водителей и в непредвиденных случаях оказывать медицинскую помощь.

– Возьму на заметку, – кокетливо улыбнулась Елена. – А Вы в автопарке работаете?

– Не совсем, – тотчас смутился Афанасий – Не совсем работаю, хотя работы, правда, невпроворот.

– Понятно, калымите, значит! – с пониманием кивнула Елена.

Афанасий такого слова не знал, но, видя её одобрение, не стал ни в чём разубеждать собеседницу. Он придерживался позиции «не говорить всей правды – не значит лгать» и это не раз помогало ему избежать трудностей с деловыми партнёрами и подчинёнными. Пожелав Елене удачи, он проводил её сочувственным взглядом.

Я не мог дальше оставаться в неведении и ждать возвращения моих пожарных бригад и карет «скорой помощи» из Окольников. Мне было важно знать, что там происходит сейчас, в эти минуты, много ли пострадавших и есть ли среди них родственники Алёны Краевой. Кто-то должен был стать моими глазами и я посчитал, что Сорока сгодится для этой цели. Тем более, что повод наведаться в это глухое село у неё как раз был.

Анчута в этот утренний час готовила в летнем домике своей матери завтрак себе и сыну, подружка которого была с ней, и помогала возиться с рыбой. Соскабливая заживо чешую с небольших речных карпов, Сорока споласкивала и передавала их Чёрту, а тот, с нескрываемым наслаждением, отрезал им плавники и хвосты. Приподняв крышку большой кастрюли, Анчута взяла за жабры первого, уже почищенного карпа, бросила его живьём в кипяток, и с улыбкой вдохнула пар.

– Давай тебя тоже ошиплем, и на обед приготовим? – шутил, предложил Чёрт, заигрывая с Сорокой.

– К обеду я не вернусь, – рассмеялась та. – Так удачно, что Сквернейший учинил ночью этот пожар! У меня есть кое-какие дела за чертой Судного, в сгоревшем посёлке.

– Мародёрством решила заняться? – спросила Анчута.

– Да что у них брать! – усмехнулся Чёрт.

– Прежде нечего было, – пояснила им обоим Сорока. – Но вчера попала туда одна дорогая вещица. Помнишь дурочку

из интерната, которая венец золотой как подвеску на шее носила? Я всё не могла ухитриться на что-нибудь выменять у девчонки или украсть. А тут увидела, как она её вложила в конверт и Лешему в роще отдала. Просила в Околки отнести, этим тихоням Перцевым, с которыми её новая семья переписывается. Он, конечно, не знал, что в конверте. И ума не хватило прощупать. Непростая это штукавина, редкостная, и сила в ней особая. Только людям она без надобности!

– Надеешься выкрасть эту вещицу, пока в селе суматоха? – догадался Чёрт. – Сквернейший не для твоей пользы трудился, пернатая! У него свои виды на этот пожар, смотри, не опали хвост!

– Давай остальных, вода закипела, – напомнила сыну Анчута и протянула руку к столу за рыбой.

Чёрт подал ей разделочную доску с двумя трепыхающимися на ней карпами.

– Чесночку? – предложила Сорока, доставая из шкафа коробку с приправами.

– Издеваешься, – оценила шутку Анчута. – Это хорошо, значит, сегодня ты в должном расположении духа! Ладно, лети куда хочешь, если от этого будет вред.

Так мои глаза и уши в лице Сороки оказались в Околках на пожарище, где всюду трудились спасатели, пожарные и санитары. С высоты птичьего полёта я видел, как над телом погибшей дочери плакал лесник, прижимая к груди её голову и целуя длинную косу. Дом, в котором она жила, по-

лыхал огнём, по двору стелился дым от сгоревшей бани, и тлен кружил в воздухе, точно снег. Сорока спустилась к лесничему и села возле него на заборе.

– Не сберёг, – затрещала она. – Знать, костёр непотушенный кто-то в лесу оставил!

Лесник обернулся и увидел у калитки девушку в чёрной кожанке поверх белого топа, и в чёрной глянцевой мини-юбке с блестящей пряжкой на широком белом ремне.

– Кому-то водка и шашлыки на природе, а тебе вот, горе такое! – продолжила она, показав глазами на бездыханную дочь лесника. – Ты для людей стараешься, а они у тебя последнюю радость отняли. Пока ты носился с их письмами и посылками, адресаты напились и спалили лес! Не Перцевы ли на этой неделе с соседями шашлыки жарили на опушке?

– Видел я их, было дело, – припомнил лесничий. – Да только моя дочь тоже с ними была. Она костёр в лесу никогда бы не бросила! Научена мной, и матерью с малолетства!

– Не они, так другие, – настаивала Сорока. – Ты тут всем угождаешь, а для тебя никто из людей не старается, лес не бережёт, только пользуются им, кто как хочет! И тобой, все тут пользуются!

– Привязалась! – процедил сквозь зубы лесник. – Маши отсюда, чёртова ведьма! Нигде от тебя покоя.

– Ты, Лёша, подумай над моими словами, – сказала Сорока. – Люди не ценят твой труд – как наскучит у них быть всюду на побегушках, приходи на Калинку, грибочками тор-

говать. Ядовитыми, да под видом гожих. Там на товар спрос будет хороший! А прикрытие мы тебе обеспечим, за скромный откат.

– Хочешь, чтобы я не во благо, а во вред людям работал? – оскорбился лесник.

– Посмотри, чем они отплатили тебе за твою заботу о них! – напомнила Сорока, вновь указав на его погибшую дочку. – Это их вина! Они твою дочь сгубили, а тебе жаль губить их детей, продавая им яды лесные? Когда поймёшь, кто для тебя свои, кто чужие, иди к Чёртовой бабушке с первым лукошком.

На этом она попрощалась с лесничим и упорхнула птицей к домику Перцевых, где рассчитывала найти приглянувшуюся ей диадему. Вера с дочерью были во дворе, одна стена их дома полностью обгорела. Аминка отломил от неё чёрный уголёк и принялась рисовать им на железной садовой бочке какую-то странную не то птицу, а не то крылатую ящерицу. Сорока села позади девочки на бельевую верёвку, натянутую возле дома, и сразу заметила на шее девочки золотую цепочку.

– Ночью прилетал вот такой змей, – рассказывала маме Аминка, выводя угольком на бочке длинный хвост чудовища. – У него был клюв и большой огненный гребень на голове, а глаза горели, как фары! Он изрыгал дым и поджёг лес и наше село.

– Нет, Миночка, – вздохнула на это Вера. – Огонь понизу

шёл, так бывает.

– Но, мама! Он тоже спускался! – настаивала Амина. – Я видела в окно, как он нырял в лес и валил деревья! А потом всё дымилось! Вспомни, это ведь я разбудила тебя!

– Да, помню, – ласково ответила Вера. – Тебе приснился кошмар.

– Это был не сон!

На задымлённой улочке между сгоревшими избами показалась голубая машина какой-то японской марки. Аминка и Вера одновременно поглядели на незнакомый автомобиль. Улучив момент, когда обе они отвлеклись, Сорока спорхнула с бельевой верёвки и бросилась на девочку со спины, ловко ухватив лапами её золотую цепочку. Первым увидав птицу, водитель иномарки громко посигналил и остановил машину напротив их дома.

– Мам! – вскрикнула Аминка и схватилась за крестик, подвешенный на цепочке, подаренной тётей.

– А ну, кыш! – тотчас вступилась за дочку Вера, отогнав птицу.

Сорока, видя, что по ошибке приняла за диадему цепочку с нательным крестом, взлетела над их головами, хлопая крыльями, и притаилась на кровле крыши.

– Не порвала? – побеспокоился водитель голубой иномарки, высунув кудрявую с проседью голову в боковое окно. – Простите, я ищу здесь Олега Краева. Но, вижу, что приехал-таки в не лучшее время.

– Краев тут давно не живёт, – сказала Вера.

– Они с тётей Алёной в Судный уехали, – добавила следом Аминка.

– Спасибо, а не подскажите, как мне их найти? – поинтересовался мужчина.

– А Вы кто сами-то будете? – насторожилась Вера.

Открыв дверцу кабины, водитель иномарки вышел из машины и подошёл к ним.

– Меня зовут Иосиф Залманович, – представился он. – Адоневич.

– Очень приятно, – ответила Вера. – А Краев-то Вам с какой надобности? Кто Вы ему?

– Я его коллега и друг, ещё с университета, – ответил мужчина. – Он поменял номер, я узнал только, что он переехал в это село. Кое-как разыскал ваш посёлок, трасса дымом затянута, я всю ночь сюда ехал промеж двух высоких огненных стен! Вдоль дороги сосны горят, как факелы!

– Извините, – смутилась Вера. – Сложно представить, каким чудом Вы сюда добрались!

– А вот такого, видели по дороге? – спросила Амина, указав пальцем на свой рисунок.

– Нет, признаться, не встретил, – улыбнулся девочке Адоневич.

– Не говори ерунды, – одёрнула её мама.

Ей было ужасно неловко перед незнакомцем за подобную глупость.

– Ну, где Вы-таки видите тут ерунду? – не согласился Иосиф Залманович. – Это не ерунда, а фольклор. Народное творчество. Похвально, когда дети читают сказки.

Он даже решил вознаградить Амину заваливавшейся у него в бардачке конфетой.

– Спасибо, но я не люблю сладкое, – отказалась та.

– А вот это-таки, весьма странно, – искренне удивился водитель.

– Нам и самим надо к Краевым, – призналась Вера. – Они всё приглашали нас. А тут ещё их приёмная дочь прислала нам свою главную драгоценность, единственную память о своих настоящих родителях. Она считает это украшение золотым, хоть оно и из проволоки, с самой обычной бусинкой.

– А можно взглянуть? – любопытствовал тот.

– Да, – кивнула Вера, и вынула из конверта свёрнутый в спираль золотистый предмет.

Сорока насторожилась.

Иосиф Залманович разогнул обруч из двух полуколец, спаянных шаровидными перемычками. По центру меж полукольцами красовался зелёный шарик, величиной с ядрышко фундука.

– Это вовсе не бусина, – отметил он, рассмотрев повнимательнее. – Это какой-то природный минерал редкого цвета. И знаете... Я бы даже подумал, что это умерший от времени жемчуг, утративший блеск, покрывшийся кольцевидными трещинками, как у агата. А металл... Даже затрудняюсь

сказать. И вправду-таки, похоже на золото, просто со множеством примесей.

– Но золото не зеленеет, – возразила Вера. – А эта проволока жёлто-зелёная.

– Бывает и зелёное золото, – заверил её Адоневич. – Вот пробы-таки здесь нет, но когда примесей больше 70 %, пробу обычно и не набивают.

– Да Вы эксперт! – изумилась женщина.

– Что Вы, отнюдь, – смутился Иосиф Залманович. – Просто мой отец был ювелиром и в девяностые даже открыл своё дело. Мы здорово жили, пока у него не отжали лавочку.

– В любом случае, мы не можем принять от Кати такой дорогой подарок, – настаивала Вера. – Для девочки его ценность совсем в другом. Она нашла эту вещь, когда была на море, с родителями.

– А на каком море? – поинтересовался Иосиф Залманович.

– Ну, какое там, в Турции, море, – припоминала Вера. – На том и нашла.

Адоневич ненадолго задумался, продолжая вертеть в руках тонкий обруч. Заметив, что он погружен в свои мысли, Сорока стрелой пустилась вниз с крыши и выхватила блестящий предмет у него из рук.

– Эй! Орнитоз бесстыжий! – крикнул тот, вцепившись ей в хвост. – Отдай! Ишь, хуцпа!

– Она тоже думает, это золото, – засмеялась Амина.

– Для неё всё золото, что блестит! – сказала дочери Вера. – На то она и сорока.

Насилу отобрав у птицы находку девочки, Иосиф Залманович принялся отгонять Сороку, но та не сдавалась. Она снова и снова кидалась на него, пытаясь забрать украшение, клевала и щипала мужчине пальцы, била его крыльями по лицу, а потом и вовсе вцепилась ему лапами в волосы. Вера пришла к нему на помощь, но и ей сразу досталось от неугомонной птицы.

– Давайте, в машину! – предложил Адоневич. – Подождём там, пока она улетит.

Весь следующий час они трое просидели в машине, но Сорока и не думала улетать.

– Может, мы просто поедем все вместе в Судный? – первой предложила Амина.

– Что? Вот так, с незнакомцем? – колебалась Вера. – Чему я тебя учила?

– Ты учила не садиться в машину, – поправила маму девочка. – Но мы уже в ней сидим!

– Причём, я ни одну из вас даже не знаю, – отметил Иосиф Залманович.

Вера сдержала смех. Её светло-карие, полные грусти глаза, озарились теплотой и смущением. Уловив промелькнувший в них свет, Адоневич тоже заулыбался.

– Документы при вас? – осведомился он.

– Мы ещё ночью их взяли, когда на улицу выбежали, –

сказала Вера.

– Давай поедем! – упрашивала маму Амина. – Тётя Алёна обрадуется!

– Да, Краев тоже, – с сарказмом протянул Адоневич. – Ох, как обрадуется!

– Ну, хорошо, – согласилась Вера, уже пристёгивая ремень безопасности. – В Судный, так в Судный!

Олег Краев будто предчувствовал этот визит и с самого утра был не в духе. В мою детскую многопрофильную поступили пятеро ребятшек из Окольников, все с ожогами разной степени тяжести. В перевязочной кипела работа.

– Не ори! Только мажу! – строжился Краев, обрабатывая ожоги на голенях и стопах восьмилетнего мальчугана. – Как же это тебя угораздило?

– Я босой выбежал, – плакал тот, объясняя. – Дверь открыл, а крыльцо всё в огне. Пришлось по нему.

– Храбрый парень! – отметил Олег Евгеньевич. – Почти что, индийский йог! А пищишь, как девчонка!

Отыскав нужный корпус, Елена увидела у входа машину «скорой помощи», только не белую, как это принято, а серую, в поперечных чёрных полосках разной ширины и длины. Сверху на ней ещё дымилась сгоревшая сосновая ветка, но санитаров, сновавших то внутрь, то наружу через заднюю дверцу, это сейчас не заботило. Заведующая отделением, Гордея Васильевна, вышла на крыльцо и распахнула перед ними дверь корпуса, придерживая её, чтобы та не за-

хлопнулась.

– Эта последняя, – крикнул санитар, и позвал девочку, выбирающуюся из машины. – Кашина, вылезай!

– Ходячая? – спросила Стражникова.

– Прыгающая, – рассмеялся в ответ водитель, увидав в боковое зеркало, как пухлая восьмилетняя девочка с маленькими ржаными хвостиками спрыгнула с машины на обе ноги.

– Аккуратно, у неё содрана и обожжена вся рука, – предупредил санитар. – Возможно, она и сломана.

– Молодец, даже не плачет, – похвалила Гордея девочку.

– А мама приедет? – сразу спросила та.

Елена подошла к ним.

– Как Вы вовремя! – поприветствовала её заведующая. – Проходите, сразу переодевайтесь, и эту на рентген отведёте. У неё что-то с рукой. Бумаги потом, сейчас с новоприбывшими работы завал!

– Конечно, – кивнула Елена, и поспешила в корпус.

Этих детей доставили ко мне в первую очередь, всех одной машиной. Другие бригады ещё были задействованы в оказании медицинской помощи на месте трагедии. По возвращению первой из них, я узнал, что большинство пострадавших доставлены сельскую больницу ближайшего к Околькам посёлка Конезаводского. Между нами, его, шутя, называли Водкой, жители и соседи. Надо сказать, это прозвище ему очень не нравилось, он считал его обидным, и ни-

чуть не смешным.

– А большая у тебя эта больница? – поинтересовался я у него. – Многих к тебе увезли?

– И не спрашивай, брат! Палаты битком, кладём в коридорах без коек! – заплакался тот. – Ужас, что тут творится! Мало того, я сам весь в дыму, кругом суета, все напуганы. И отовсюду мат, нервная ругань! Околицу проще пришлось, он хоть огнём выгорел, а не девиальной плазмой!

– Держись там, – подбодрил я его. – Отправляй ко мне, кому уж совсем у тебя никак.

– Ой, что ты! Какая перевозка, на чём? – ужаснулся Водка. – Лес горит вдоль дороги!

– Как будто, это нам помешает! – усмехнулся я. – Сейчас отправлю к тебе одну бригаду. Они отвезут вам медикаменты, возможно кого-нибудь заберут.

Со станции «скорой помощи», водителю освободившейся машины тотчас поступило распоряжение.

– Парни, сейчас заправляемся, грузим балласт, и на Водку! – крикнул он санитарам. – У них там, как обычно, шаром покати, а больных под завязку!

– Ну, денёк! – отозвался один из них.

– Снова в это адское пекло! – негодовал другой, нехотя забираясь в машину.

Огненный коридор, образовавшийся на выезде из Окольников, в самом деле, напоминал дорогу, ведущую в преисподнюю. Заключение из мужской колонии за Калининским бы-

ли брошены туда валить лес, чтобы остановить огонь встречным пламенем. Их автозак только что разминулся на задымлённой трассе с голубой иномаркой, в которой ко мне ехали Перцевы и Адоневич. В машине у них было жарко, как в сауне, и душно, поскольку все окна были закрыты от дыма. Кондиционер не спасал, оставалось только терпеть. Амина прижалась к маме. Поглядев на них в зеркало, Иосиф Залманович заметил, как похожи колечки их тёмных волос, намочших от пота, и налипших на лоб. Казалось, их чёлки даже загнуты в одном направлении, и вихры одинаковые, как у близняшек.

– Почему Вы так смотрите? – не поняла Вера.

– Просто, – смутился Иосиф Залманович, не находя, что сказать, – первый раз вижу такое сходство. Мой сын несколько на меня не похож.

– У Вас есть сын?

– Да, совсем уже взрослый.

Он рассказал Вере и Аминке о том, как чудом успел переписать на сына квартиру, прежде чем всё имущество было арестовано за долги.

– А эта машина его невесты, – признался своим попутчицам Иосиф Залманович. – Ей родители на восемнадцатилетие подарили, в прошлом году. А она забеременела и стала панически бояться дороги. Вот и дала свёкру попользоваться, чтобы отыскал-таки своего друга в сельской глуши. Мы же с ним со студенчества – Олень и Ёж! Куда один, туда и

второй, как два колеса с одной осью!

– Смотрите! – окликнула взрослых Амина, показывая на что-то в боковое стекло. – Вон тот, что летал над лесом, ползёт за деревьями!

Вера поглядела на клубящийся дым за истлевшими соснами. Пылающие вдоль трассы деревья остались позади, теперь лишь горелые стволы стояли с обеих сторон, как чёрные истуканы.

– Не выдумывай, – сказала дочери Вера. – Нет там никого, даже птиц.

– Я не выдумываю! – настаивала та, почти криком. – Вон он! Бьёт хвостом! Берегись!

Она вся съёжилась, и закрыла глаза руками. Слева от неё, за окошком, послышался треск и высокое обуглившееся дерево, как подкошенное, накренилось к машине.

– Святой Флеминг! – выпалил Адоневич, прибавив газу.

– Что Вы делаете?! – испугалась Вера.

Но сгоревшее дерево уже повалилось позади них, перегородив путь обратно. Машину качнуло и Аминка, подпрыгнув на заднем сидении, открыла глаза.

– Слава пенициллину, – облегчённо вздохнул Иосиф Залманович. – Успели-таки, проскочить!

– Поворот! – предупредила Аминка, выглянув вперёд между кресел.

Адоневич сбавил скорость и повернул руль, выехав из задымлённого леса на присыпанную галькой дорогу, по одной

стороне которой раскинулось поле, а по другую сторону, вдалеке, виднелось село.

– Это что за посёлок? – спросил он, глянув на Веру в зеркало. – Не Судный?

– Конезаводский, – ответила та. – Алёна говорила, что Судный дальше, за сельским кладбищем.

Их машина поравнялась с наездницей на гнедой кобылице. Лошадь брыкнулась и перешла на шаг.

– Ну, что ты, Марта! Чего испугалась-то? – спросила у неё девочка, лет пятнадцати, огладив по холке обеспокоенную кобылу.

Вдоль дороги пронёсся ветер, растревожив у обочин сухие листья травы. Марта остановилась и её наездница огляделась по сторонам. Вслед за ветром, из леса выпорхнула сорока. Громко вереща, она пролетела над полем, описывая волнистую линию на лету.

– Новый дом ищет, – вздохнула девочка, и развернула лошадь. – Поедем и мы домой.

Признаться, я понятия не имел, кто она такая, но глазами моей пернатой разведчицы, хорошо её рассмотрел. Длинные кучерявые волосы, такие, что не расчешешь, цвета корицы, были собраны у неё под шлемом в пышный и лёгкий хвост. Каре-зелёные глаза, в обрамлении золотистых густых ресниц, широкие тёмные брови и множество веснушек на загорелом лице той девочки почему-то запомнились мне. В Конезаводском многие ребята ездят на лошадях. Там есть дет-

ско-юношеский клуб верховой езды, должно быть, она оттуда.

– Горький, – ментально позвал я столицу нашего региона. – У нас очень плохая новость.

– Я уже в курсе, – ответил он. – В утреннем выпуске новостей о ней скажут, но моя съёмочная группа ещё в пути. Соболезную, Судный.

– Прости, ты не мог бы, ответить мне на один вопрос, – решился спросить я его, пользуясь случаем. – Скажи, бывает ли, что души городов или сёл обретают спасение, как души людей?

– Я слышал о таком случае, – признался тот. – Во времена Орды, в нашей области стоял град Сиян, между речкой Люндой и озером Светлоярм. Вот он, говорят, обрёл чудесное спасение и от врагов, и от всего нашего грешного мира.

– Как это? – удивился я.

– Предания гласят, будто он растворился в воздухе на глазах у целого войска, – пояснил Горький. – Говорят, что поныне, слышится над озёрной водой колокольный звон сиянских церквей и соборов. Разве Володик тебе не рассказывал?

– Нет, – вспомнил я. – Говорил только про водяного и про звезду, а про исчезнувший город – ни разу.

– Странно, – отметил он. – Я думал, к нему со всей России приезжают только за тем, чтобы на Сиян в озере посмотреть. Вот только не всем он показывается. И нашему брату, ни разу не отозвался.

– Наверное, и мне не ответит, – опечалился я.

– Как знать. А попробуй, послать на Светлояр кого-нибудь в сане, – предложил Горький. – Если Сиян с мирянами не в ладах, может, к священнику выйдет?

– Да как же он выйдет? – не понял я.

– Поверь, братишка, – вздохнул Горький. – Город, чей дух веками кормился верой в него миллионов, способен на многое! Ему хватит силы принять любой облик, и даже предстать во плоти. Разве ты не встречал подобных примеров?

– Встречал, конечно, – припомнил я. – Но то ведь были погибшие города!

– Я не уверен, что Сиян жив, – признался Горький. – Возможно, он рухнул в карст, а легенда о нём – просто вымысел. Но если в неё верят люди...

– Спасибо, я понял тебя! – воспрял я, уже загоревшись энтузиазмом. – Попробую!

– Удачи, брат, – попрощался со мной наш староста региона. – Мир праху твоих добрых соседей.

К девяти часам утра о случившемся в Окольниках уже знала вся Нижегородская область и вся Россия. Один Нил Иванович пребывал в счастливом неведении, сидя на посту в своей милицейской будке. Кинди Кут Шари был с ним и его, похоже не меньше, чем меня, заботил вечный вопрос о спасении души после смерти тела.

– Если бы души перерождались, как ты говоришь, воплощаясь каждый раз в новых этих... Аватарах, – спорил с ним

Нил Иванович. – То, наверное, каждая бы душа для себя пожелала тело без отклонений! Не рождались бы тогда слепые, безногие, и умственно отсталые дети.

– Наши поступки, слова и мысли, как и мысли о нас окружающих, закладывают те или иные черты наших следующих воплощений, – объяснял ему Кинди. – Кто слыл слепцом, не замечая за собой дурных дел или хаоса, который творил он сам в своей жизни, тот рискует стать слепым в будущем. А кто всю жизнь просидел без дела, может родиться без ног. Это называется карма.

– А ты, – будто в шутку спросил его Нил Иванович. – Кем сам-то был в прошлой жизни?

Кинди загадочно улыбнулся.

– Я воевал, – размыто ответил он. – Но погиб не от огня и меча, а от жажды. Погиб, но не сдался.

– И с кем воевал? – усмехнулся Волюка. – С фашистами? Или, может, с Наполеоном?

– С китайцами, – вздохнул Кинди. – Но это было давно, задолго до этих великих войн.

Больше он ничего не сказал Нилу Ивановичу. В этот момент, к ним в будку вошла Яна Тройкина и, увидев Кинди, перевела на лейтенанта вопросительный взгляд.

– Это кто у Вас? – поинтересовалась она у Волюки.

– Вот, сам не пойму, расспрашиваю, – растерялся тот. – Говорит, с китайцами воевал. С документами у него всё в порядке.

– Возьмите ключи, – безучастно сказала Тройкина, протянув лейтенанту два ключа с брелоком в связке. – Будете проживать в общежитии на Калинке, сюда отсюда ходит первый трамвай. Адрес на брелоке, разберётесь сами. Два дня отдыхаете, включая этот день. Он у вас отсыпной. Потом заступайте сюда на пост снова. Всё поняли?

– Так точно, товарищ майор! – ответил Волюка.

– А этого, в простыне, Вы по какому праву задерживаете? – спросила Тройкина, кивнув на Кинди. – У нас закон о свободе совести действует, можно хоть с костью в ноздрях ходить, милицией это не пресекается. Если только новоявленный папуас не вооружён настоящим копьём.

– Виноват, товарищ майор! – отозвался Волюка и подмигнул Кинди. – Вы можете идти, гражданин. К Вам больше вопросов нет.

Ах, как много у меня было к этому «гражданину» вопросов! Но я сдержался, видя, что сейчас не самый подходящий момент. Когда Кинди вышел из милицейской будки, Яна Тройкина известила лейтенанта Волюку о пожаре в Окольниках.

– Я только сегодня понял, почему об умерших плохо не говорят, – вздохнул он и добавил. – Хорошие там жили люди, за что им такая беда – не ясно.

Вот это меня в людях всегда удивляло! Если с кем-то случилось несчастье – значит, непременно, оно чем-то нажито! Что за дикость? И Кинди туда же, карма! Вот уж, у кого кар-

ма была прекрасная, так это у Кольки. Я не верю, что посёлки и города, пострадавшие по вине той или иной стихии, сами навлекли на себя беду! Услышав в очередной раз подобное, я твёрдо решил доказать людям обратное. Думаю, печально известный град Кимаир, с его спутницей, примут моё приглашение, если у них, как и у Сияна, хватит сил воплотиться людьми? Вот только как их вызвать из Вечности? Мне снова пришлось обратиться к Правне.

– Скажи, что ты сейчас пошутил! – рассмеялась она. – Приглашай кого хочешь, но зачем же тревожить прах Кимаира? Его дух силён, тоже вскормлен людьми, только во что они его превратили за эти тысячелетия! Сколькие поколения верили, что Ким и его сестра были уничтожены за грехи небожителями! Их поносили, они поросли ярлыками, и вся эта слава, непременно скажется на телах, которые они теперь обретут! Ведь сами тела не возьмется из ниоткуда, а будут сотканы из людских представлений об этих двух сущностях, городах.

– Пусть, – упрямыствовал я. – Мне всё равно, как они будут выглядеть! Их души от этого не пострадают, и проявят себя такими, какие есть.

– Ты не понимаешь! – тревожилась Правна. – Человеческое тело не только облик! Это ещё и набор гормонов, нервная система...

– Не продолжай, – пресёк её я. – Лучше помоги найти и пригласить их обоих, а дальше я справлюсь.

Правна только вздохнула, понимая, что меня ей уже не переубедить. И, хотя она явно не одобряла моих намерений, обещала всё же ментально выйти на Кимаир. Мне самому это сделать было довольно сложно, оставалось лишь ждать, и чего, я пока не знал точно.

Глава 4. Слепой всадник

День выдался ещё жарче, чем тот, что был до дождя, и престарелый иерей Николай очень страдал от зноя. Матушка Ксения не отходила от него ни на шаг, и из дому никуда не пускала. Конечно, послать его на Светлояр я не мог. На удачу, его супруга подсказала мне, кто мог бы туда наведаться.

– Вызвал бы пасынка своего, нам с тобой на подмогу, – ворчала на мужа Ксения. – Так нет же, всё сам, и на дворе, и в приходе. А Ванька, тот молодой, помог бы, не хуже тебя работничек.

– Да он ведь, в Нижнем Новгороде самом, диаконом служит, – ответил тот.

– А тебе что же, диакон без надобности? – не унималась жена. – Вот пригласи его, все полегче станет. И приход будет кому передать, мы ведь, не вечные. Вырастил, воспитал сироту, и не вспоминаешь!

– Он сам и не пишет нам! – отмахнулся от неё Николай.

– Да как он напишет, он ведь только володинский адрес наш знает, – напомнила Ксения. – Так ты напиши, или позвони, на этот его, на сотовый.

Она подала старику мобильный в накрахмаленном кружевном чехле, который вязала ему под очки, но со временем он же сгодился и для телефона. Тот нашёл в списке некого Иоанна и нажал вызов.

Я с этим Иоанном не был знаком, слышал о нём от Володика только мельком. Он был сыном известного на селе пьяницы, Андрея Крепцова. Мать скончалась на второй день после родов, а папаша сгорел от пьянки, когда Ивану было пять или шесть лет от роду. Батюшка Николай взял мальчишку на воспитание, так как своих детей не имел, крестил Иоанном, а фамилию ему оставил отцовскую. Когда Ваня Крепцов пошёл в школу, сорокасемилетний Николай обвенчался с одинокой целомудренной прихожанкой Ксеньей, которой тогда было тридцать шесть. Их брак оказался крепким и Ванечка рос теперь в полноценной семье. Володик говорил, что учился он плохо, хоть и старался изо всех сил, чтобы не огорчать батюшку с матушкой. И всё равно в аттестате нахватал троек. После школы, отвечая желанию своих приёмных родителей, Иван три года подряд пытался поступить в Нижегородскую духовную семинарию, безрезультатно. На третий год он подстраховался и подал документы не только в высшее, но и в среднее учебное заведение. В духовное училище он, с Божьей помощью, поступил, выучился там на пономаря, а потом уже дотянулся до диакона.

– Ванюша, родненький! Не узнал? – громко поприветствовал его Николай в телефонную трубку.

– Узнал, батюшка! – отозвался тёплый молодой голос. – Вам не болеть! Как вы там поживаете? В новостях говорили, в Воскресенском районе тоже пожары, и два села уже выгорело. Я переживаю, как раз собирался сам позвонить вам.

– Мы теперь не в селе, у нас тут, почти что город! Новый, на Летке! – успокоил его Николай. – Из Владимирского сразу переехали, как в здешнем приходе не стало отца настоятеля. Тот, говорят, с семейством, подался в Правну.

– Куда? – не понял Крепцов.

– Да побратимский город какой-то, Правна, – пояснил ему батюшка. – Ты, сам-то, где служишь, при какой церкви? Чай, рукоположили уже тебя там, в Новгороде, а ты и молчишь прескромно?

– Ой, батюшка, что Вы! Ну, какой мне Новгород, батюшка? – смутился Иван. – И сана у меня нет, так в дьячках и оставили, и за это Господу благодарен!

– Так где же ты теперечи? – удивился отец Николай.

– Тут посёлок в Борском районе, Кикиморовка, – ответил Ваня. – В нём прежде не было церкви, теперь вот, построили... Да только селяне, как ходили молиться на квартиру к одной женщине, бабе Даше, так к ней и ходят. Кто заболит, зовут её, за болящего помолиться. На поминки тоже её приглашают, усопшего отмолить. Ещё и денег дают, а та берёт, не стесняясь, хоть сама никогда и не просит. Священники, говорит, за свои услуги все деньги дерут, хотя у них есть зарплата, а у неё только пенсия.

– Какой стыд! – негодовал Николай. – Она, чай, и в сан сама себя посвятила? Раз себя с нами равняет.

– Да не она равняет, – с улыбкой в голосе пояснил Иван. – Это селяне о ней, точно о святой говорят.

– А она, чай, и не отрицает! – буркнул старик на это. – В церковь, поди, не ходит, и другим не велит!

– Батюшка, – как-то нервно смеясь, объяснил Иван. – Здесь в Божий храм сёстры ходить боятся, а уж детей и подавно не водят! Тут что ни служба, то непременно какой-нибудь пьяный дебош! Даже с утра, на воскресную литургию, мужики умудряются заявиться пьяными, матерятся, буянят... На той неделе, вот, канун разломали, и на цветмет понесли сдавать! Кое-как их остановили! Потому сюда и не ходят. А чаще всех, нашу церковь посещает милиция. Вот они-то, ни одной службы не пропускают!

– Какой кошмар, – сочувственно произнёс Николай, выслушав пасынка. – Ваня, а как же они крестят детей, как прищипываются? Там же, у бабы Даши?

– Нет, отец Евгений к ним сам теперь ходит и крестить, и отпевать, – пояснил Крепцов. – Он и у бабы Даши таинства совершает, молебны, требы. А исповедь и евхаристию может и на дому, берёт из Хранительницы Святые Дары, и к кому нужно, сам с ними приходит.

– Ваня, так нужен ли ему тогда диакон там? – досадовал Николай.

– Батюшка, не серчай, я за службу при нём, – признался Иван. – Не настолько уж сан у меня высокий, чтобы амбиции были. Господь учил нас смирению и мне радостно исполнять Его волю здесь.

Пожилой иерей вздохнул и передал трубку супруге.

– Не знаю, как с ним разговаривать, – сказал он Ксенье, покачав головой. – Нисколько не изменился, всё, как ребёнок! Ну, не видит он своё ремесло работой! По-прежнему, ни к повышению, ни к заработкам на ней не стремится! Слепо верит и смирение, говорит, важней!

Ксенья тихонечко взяла у него мобильник.

– Ванечка, может, ты переведёшься сюда к нам, в Судный? – ласково предложила она. – Николка уж еле ходит, ты бы приехал, сынок, Христа ради, помог бы нам тут при церкви.

– Это надо с отцом Евгением говорить, матушка, я-то с радостью! – ответил Иван. – Сегодня мы с ним пойдём соборовать к бабе Даше, на обратном пути, спрошу его благословения, объясню, так и так.

– Потом позвони обязательно, – напомнила Ксенья. – Мы ждать будем.

– Хорошо, матушка, – с улыбкой в голосе обещал Крепцов.

Мне самому стало интересно, что это за странный посёлок и Дружный квартал. Ментально мы не общались, а люди оттуда ко мне не заезжали давно, последний раз, года четыре назад, прибыл человек, и тот, почти сразу уехал.

В доме Краевых, тем временем, гостям уже был накрыт обеденный стол. Алёна Демидовна была счастлива крепко обнять сестру, расцеловать племянницу и познакомить их со своей приёмной дочерью Катей. Адоневич ей тоже сразу

понравился, она всё подмигивала своей незамужней сестре, чтобы не упустила этого приятного, умного и привлекательного, на её взгляд, мужчину. Правда, та, как я мог заметить, не имела на него видов, да и сам доктор был куда больше озабочен другим.

– Как скоро Ваш муж вернётся-таки со смены? – спросил он Краеву.

– Ой, Вы знаете, он мне с утра позвонил, – ответила та. – Я могу представить, сколько сейчас у него работы, мне всегда так жалко детей, Вы знаете, я сама ведь в интернате работаю завучем! У меня если кто даже просто порежется, или обожжётся, я уже переживаю, они плачут, а мне, наверное, даже больнее, чем им! Нет, я бы точно не смогла быть медиком, да ещё в детской больнице! У меня бы сердце болело за всех, я такой человек!

– Мама хочет сказать, что из Окольников поступили в больницу дети, и папа задержится допоздна, – перевела для гостей Катюша.

– Милая, зачем было присылать нам такую дорогую для тебя вещь? – спросила у неё Вера. – Это же память о твоей семье.

– У меня теперь другая семья, – ответила девочка. – Нельзя жить прошлым, когда есть настоящее.

– Какие мудрые слова, – оценил Адоневич. – Ты рассуждаешь, как взрослая.

– Я не ребёнок, – заверила его Катя.

Амина загадочно поглядела на неё, тоже сделав серьёзное лицо, как у взрослой. Я умилялся, поначалу решив, что она просто паясничает. Но этот взгляд означал куда больше, чем я предполагал.

– А сколько тебе лет? – спросила Амина Катю.

Та обернулась и смущённо заулыбалась.

– Больше, чем пальчиков у тебя на руках, – сказала она.

– Эй! – оскорбилась Аминка. – Я не такая маленькая, чтобы показывать возраст на пальцах! Мне уже восемь, я скоро пойду в первый класс!

– В твоём возрасте, все уже во втором учатся, – заверила её Катя.

– Амина у нас во всём девочка особенная, не как все, – подмигнула дочери Вера. – Поэтому пойдёт в школу с восьми лет, и будет в классе самая умная.

Видя поддержку матери, Аминка показала Кате язык.

– А я и так самая умная в классе, – сказала Катюша, поглядев на Алёну Демидовну.

– Да, Вы знаете, – с радостью подключилась та. – Она круглая отличница по всем предметам, а ещё рукодельница, талантливая художница, и запевала в хоре. У неё такой изумительный голос! Недавно, её приглашали в Правну, выступать там в Филармонии, я тоже съездила, мне так понравилось!

– Что за Правна? – не понял Иосиф Залманович.

– Большой и красивый город, – заверила его Краева. – Всюду фонтаны, театры, городские сады с искусственными

прудами. Ни бензином, ни заводским дымом не пахнет на улицах, а только цветами, свежестью и листвой! Как-нибудь, ещё побываете там.

Хорошо, что Правна не слышала этого. Вот почему, описывая нас, люди в первую очередь говорят о памятниках архитектуры и достижениях зеленостроя? Неужели, всё, что мы собой представляем, в их понимании, это лишь наш внешний вид? Если бы город, или даже посёлок, описывал Правну, он бы упомянул о том, что в ней нет бездомных, как нет и проблемы с трудоустройством, по специальности или без... Сказал бы о том, что там нет преступности, нигде не увидишь окурков, не встретишь девиц на обочине, и карманников в городском транспорте. Нам, как и людям, не в радость, когда о нас судят только по внешности! А чтобы узнать, каков тот или иной город на самом деле, нужно не по театрам и площадям у него гулять, а пройтись по его дворам в каком-нибудь спальном районе.

Мне надоело слушать Алёну, которую ни у кого ещё не получалось, ни дослушать, ни перебить, и я решил пока разыскать Ивана Крепцова через знакомых.

– Борка, ты знаком с Кикиморовкой? – спросил я у города Бора. Это мой хороший приятель с области.

– Конечно, знаком, – сразу ответил он. – Это моя соседка. Она такая кошатница! Мои люди частенько берут у неё котят, а ещё за молоком и сметаной многие приезжают. Но посёлки вроде неё, чересчур близкие к городам и не имею-

щие собственной инфраструктуры, как правило, не разговаривают.

– А не знаешь ли, где у неё живёт новый диакон, Иван Крепцов?

– Новосёл? – припоминал Борка. – Да, какой-то приезжий парнишка недавно у неё появился. Сам из глубинки. Снял, говорят, комнатку в одном из частных домов, у одного пропойцы, Фёдора.

– Наверяд ли, диакон согласился бы на такое соседство, – усомнился я – А не проводишь, взглянуть?

– Можно попробовать, – согласился Борка, припомнив то место в Кикимововке, где поселился новый на селе человек. – Домик Фёдора стоит у междугородней трассы, недалеко от моста через речку Везломку. Эта лачуга всего о двух комнатах, с кухней, из которой в окошко видать задний двор... Он принялся рассказывать, и я сам не заметил, как мысленно перенёсся на задний двор какого-то деревянного домика с несимметричной покатой крышей. Двор был полон стеклянных бутылок, уложенных друг на друга.

– Вот, полюбуйся, – сказал мне Борка. – Это у хозяина технология такая, кикиморовская.

– А в чём она заключается? – не понял я.

– В том, чтобы целыми днями пить пиво и водку, а бутылки из-под них не выбрасывать, копить на особый фундамент, как по телевизору, – объяснил мне Борка. – Фёдор, тот всё лежит, грезит, как он из этих бутылок на огороде фундамент

сделает, не понятно под что. Только пока ни чертежа, ни котлована, ни расчётов каких-либо он даже не начинал. У него одна на сегодня задача: бутылки освободить. И в этом ему охотно сосед помогает.

– Этот, новый? – удивился я.

– Да нет! – рассмеялся Борка. – Свой в доску, Витёк из соседнего дома. А квартирант его, вон он, в огороде копается. Смотри, какую красоту он развёл за минувшее лето! И это без дождей!

Я поглядел чуть дальше, от заднего двора к небольшому участку, и заметил там загорелого парня, лет двадцати на вид, в одних шортах, с ведром руке, идущего босиком между грядок.

– Мальчишка ещё, – смекнул я. – Что он вообще тут забыл? От военкомата прячется?

– Может и так, – усмехнулся Борка. – Весной поступать в один вуз пробовал, да не поступил. Вот и живёт пока, а за жильё огород в порядок приводит. Наверное, где-то и подрабатывает тут, на селе.

– Вижу, он славный малый, но я ищу не его, – вздохнул я. – Тот давно выучился, и постарше будет.

Я огляделся вокруг, и заметил оживлённую трассу. По ней с большой скоростью проносились фуры, переезжая железобетонный мост через мелкую грязную речку. Вода в ней выглядела ржавой, на середине выступали крупные острые камни. Должно быть, эта речушка тоже пострадала от зноя.

Но двоих ребятешек, плескавшихся в ней, цвет воды не смущал. Мальчишки, лет десяти или младше, забрались в неё и баловались у берега, кидаясь друг в друга дёрном, и поднимая фонтаны брызг.

– Это Везлома, о которой я уже говорил, – пояснил Борка. – Она вовсе не грязная. Просто в ней сурик природный, из месторождения, поэтому у воды такой цвет. А видишь, на берегу, корова ест из ведёрка у деда Руслана? Это он её откармливает по особой диете.

– Корова на диете? – удивился я. – Не знал, что они тоже комплексуют по поводу лишнего веса.

– Нет, тут в другом дело, – загадочно произнёс Борка. – Ещё одна местная инновация. Обычную траву дед жевать ей не разрешает, кормит шишками хмеля и солодом, чтобы молоко было с градусом, но без запаха. Вон, и пивных дрожжей насыпал в ведро, надеется, теперь результат обязательно будет.

– А ей не вредно? – побеспокоился я, поглядев на рыжую корову с большими белыми пятнами, и на сутулого лысого старика, одетого в ярко-малиновую футболку и синие брюки. – И почему этот дед просто не откроет свою пивоварню, если у него так много хмеля и солода, и дрожжи пивные есть?

– Ты ничего не понимаешь! – рассмеялся Борка. – На пивоварне самому работать придётся, а так – старуха с утра корову подоит, и сразу три-пять ведер готового молока с градусом!

Я промолчал.

– Ну, если тебе нужен диакон, логично было бы поискать его в местной церкви, – предложил Борка. – Она совсем новая, но очень красивая, деревянная. И у неё не купола, а шатры.

– И у меня тоже деревянная церковь с шатром вместо купола, а ещё с гульбищем! – похвастал я.

– Эта без, – улыбнулся Борка. – Но тебе определённо стоит взглянуть!

Кикиморовка очень гордится тем, что её, наконец, достроили.

Он во всей красе описал мне высокий храм с двумя башнями – пасторской и колокольной, и с двумя арками, ведущими из притвора в зал на пятьсот человек. Но, при всём своём величии и пышном убранстве, эта церковь была пуста, священнослужителей в ней на тот момент не было, как и прихожан. Даже свечи нигде не горели, а только лампы. Лишь две женщины средних лет за прилавком в притворе, дожидаясь покупателей, тихо разговаривали друг с другом.

– Как жалко девушку, у неё, говорят, сын маленький дома остался, – вздыхала одна. – Вышла-то, всего на минутку, и такое несчастье!

– Да, эти водители тут, не смотрят, куда летят! – кивала другая. – Слава Богу, жива хоть осталась!

– А малыш-то, как теперь? С кем?

– Да, чай, с прабабкой он, дедам его некогда, иль неохота.

– Это с той самой, что ль, Дарьей-то, с Дружного?

– С ней, прости Господи! Ох, беда...

Я вспомнил, что Крепцов упоминал какую-то бабу Дашу из квартала Дружного. К ней, вроде, и собирался. И, если она на селе так известна, Борка наверняка должен знать, где она живёт.

– О какой это Дарье они говорят? – поинтересовался я. – Не о той, что слывёт «святой» на селе?

– Да, идёт о ней такой слух, – ответил Борка. – Внучка её вчера под машину попала. И хорошо ещё, что водитель не струсил, в больницу её отвёз. Эти его осуждают, не зная подробностей происшествия. А если б промедлил он или скрылся, остался бы сейчас сиротой правнук у бабы Даши.

Он описал мне этого мальчугана, и я вдруг увидел его, играющим с двумя половинками мыльницы, сидя в ванне с густой белой пеной. Для трёхлетнего мальчика это были два корабля, один из которых решительно шёл на таран другого.

– Где это? – спросил я, не зная, куда заглянул.

– В ванной, – деловито ответил Борка, будто я сам этого не понял, а потом рассмеялся и пояснил. – Дома у бабы Даши. Она немного чудная, скупая и уже со старческими звоночками, но с правнуком нянчится от души. И, надо сказать, одна из немногих, готова прийти на помощь. Непросто приходится этой старушке, с её склонностью к преувеличению. Тем более, тут и без всяких преувеличений, жизнь далеко не мёд. Вот она и мнит себя мученицей, а всех в округе. –

бандитами и обманщиками.

– В чём же её мучения? – любопытно спросил я.

– Да хотя бы и в том, что живёт она среди пьяниц и лодырей, постоянно видит в квартале их драки, слышит брань и смех под окном, – объяснил Борка. – Одно это делает её мученицей! Как не страдать человеку, который во всём лучше окружающих, и сам это хорошо понимает?

Оставив малыша в ванной, мы с Боркой принялись рассматривать небольшую прихожую, соединявшую кухню и зал. Там не было ни одного свободного от угла, всюду стояли какие-то доски, плинтуса и гардины, торшеры, трости, вешалки и зонты, даже чья-то хоккейная клюшка... На облезлых радиаторных батареях сушились разные тряпочки, тапочки и носки. Пол был грязный, с закопченного потолка, покрытого пятнами, свисали паучьи сети, правда, под ними в углах блестели новенькие иконы в красивых рамочках. А на стене единственной комнаты, между полом и потолком красовался ковёр, пускай и пыльный, но дорогой, с ещё различимым на нём рисунком. Окна с двойными деревянными рамами едва пропускали свет, понятно, что не нужны были и занавески. Зато на подоконниках цвели фиалки и маргаритки, на пыльных полках серванта стояли маленькие иконки, лежали крестики и кулоны с ликами различных святых. Посреди комнаты был стол с вазочкой, полной конфет и печенья. Рядом с ней лежала раскрытая Библия, которую увлечённо листала лапой и мордочкой грязная рыжая кошка.

– Странная обстановка, – отметил я. – Если она приглашает гостей, можно было бы и прибраться.

– У них это не принято, – пояснил Борка. – В Кикиморовке не придают значения таким мелочам, они делают только необходимую работу по дому. Например, моют тарелки, когда оказывается, что чистых уже не осталось. А во дворах прибираются только когда губернаторы ездят. В обычные дни у всех здесь есть дела поважнее – и у Фёдора с его соседом, и у деда Руслана, и у других... А у бабы Даши – тем более! Ведь её почти не бывает дома, она же посещает больных и никому не отказывает. Думаю, ей самой сложно окна помыть, и гардины повесить со шторами, дотянуться до паучьих сетей в углах или управиться с кошкой, которая не любит водные процедуры. А попросить о таком кого, сам понимаешь, ей совестно. Да болеют её соседки часто, и правнуки тоже у них болеют.

– Не удивительно, – тихо произнёс я. – Как бы у неё самой не заболел теперь правнук.

В дверь квартиры кто-то постучал и с кухни в прихожую вышла, шаркая дырявыми тапочками, очень тучная, невысокая женщина, лет восьмидесяти на вид. На ней был выцветший тряпичный халат и маленькая косынка в серый горошек, прикрывавшая только затылок. Спереди и по бокам из-под этой косынки торчали светло-фиолетовые пряди завитых волос.

– Кто стучится? Валь, ты? – спросила она через дверь.

– Это из церкви, мы, бабуль! Иоанн и Евгений, – ответил уже знакомый мне голос Ивана Крепцова. – Ваши-то, уж собрались?

– Да нет пока никого, у меня тут дитё уделалось, – прохрипела им через дверь старушка. – Я его в ванну прямо с одежами и замочила. А то, вода дорогая, а я не богатая, чтоб отдельную ванну для стирки ещё набирать, и времени нет отстирывать их по очереди.

– А ребёнка Вы тоже с порошком замочили? – удивился Иван.

– Я вам не богачка, таким дорогим порошком стирать! – ответила из-за двери хозяйка. – С мылом отстирается и то, и другое.

– Мы на улице подождём, – сказал Евгений, и кивнул диакону. – Ты говорил, обсудить со мной хочешь что-то. Вот, Бог и дал времени на беседу.

Они вышли к подъезду, и я перестал их слышать. Моё мысленное виденье и слух всё ещё оставались в квартире у бабы Даши, которую Борка мне во всех подробностях описал.

– Борка, что во дворе её дома? – спросил я своего проводника.

– Не пытайся охватить мысленным взором весь двор, – подсказал он мне. – Какой ты ещё неопытный, Судный! Вообрази хотя бы вот эту скамейку, из треснувших от времени, ни разу не крашенных досок, с наростами трутовика по кра-

ям. Она стоит у подъезда бабы Даши, в тени большой вишни, которая вся, точно новогодняя ёлка. Пивные бутылки и банки блестят на солнышке, нанизанные на нижних ветках. В щелях сиденья под вишней белеют фильтры от сигаретных окурков, жильцы много лет уже забивают ими щели в этой скамье, потому что урны при ней нет, и никогда не было.

Я очень ясно представил себе эту скамейку и вишню, под сенью которой укрылись от солнцепёка двое молодых мужчин. Один, с короткой стрижкой, был гладко выбрит, его тёмно-русые волосы отливали на свету, точно бронза, а глаза болотного цвета, полны были грусти и теплоты. На нём был подрясник с орарем через плечо, поэтому я безошибочно признал в нём диакона. Второй, рыжий, с серо-голубыми глазами, стоял напротив него в чёрной рясе, с наперсным крестом на длинной посеребрённой цепи. У него уже была отпущена борода, правда ещё не отросла, и лишь слегка обрамляла скулы и подбородок.

– О чём ты хотел мне сказать? – спросил он диакона.

– Я нужен при храме в Судном, – припомнил Иван. – Отец Николай, мой приёмный отец, переехал туда. Они с матушкой очень просили меня приехать. Я обещал, что спрошу твоего благословения.

– Бог благословит, поезжай, – ответил Евгений.

Он собирался добавить что-то ещё, но тут из-за угла дома к подъезду вышли трое сутуловатых парней. Один был лысый, в рваной футболке и спортивных штанах, другой с ого-

лѐнным торсом, в кепке, в шортах и шлѐпанцах на босу ногу. А третий, в джинсах, в майке и в расстѐгнутой олимпийке, с накинутым на голову растянутым капюшоном, и с сигаретой за ухом.

– Глянь, Серый! – кивнул лысому тот, что был наполовину раздет, указав на мужчин в церковных одеждах. – Во вырядились, клоуны! Этот в шарфе, тот вообще в шторах каких-то. Ролевики, что ли?

Похоже, этому храбрецу никогда не доводилось видеть священников в облачении. Взглянув ненадолго его глазами, я понял, что он и сейчас едва видит этих людей, и что на них надето, разобрать просто не в состоянии. Я почуял неладное, когда эти парни подошли к иерею и дьякону.

– Борка, отвлеки их, оклики с какого-нибудь окна! – попросил я приятеля.

– Я бы рад, – отозвался он с не меньшей тревогой. – Но мы с тобой тут не хозяева.

– Это же твой район! – не унимался я.

– А двор-то, не мой, – напомнил мне Борка. – Кикиморовкин!

Пока мы с ним препирались, у подъезда уже почти завязалась драка. Паренек с голым торсом, в задирку толкнул рыжеволосого иерея в плечо, и ухватил за наперсный крест.

– Серебро что ли? – усмехнулся он. – Нормальный такой крестик, не хилый! И цепка так, ничего.

Диакон встал со скамейки, чтобы вступиться, но двое дру-

гих парней тут же оттащили его самого, увлекая за угол. Один из них, неспешно курил сигарету и ухмылялся, а второй, замашками рук в лицо, провоцировал диакона помериться силой. Тот лишь ловил его за руки, закрываясь.

– Чего ты, как баба, – смеялся парень. – Трусись, а? Ты мужик, или нет?

– Мужики так не ходят, – ухмылялся его друг с сигаретой. – Гляди, у него шарф! Бабушка вышивала?

– Мы вас не трогали, – ответил на это Иван. – Идите с Богом, какие проблемы?

– У нас проблемы? – переспросил лысый. – Это у тебя проблемы, братан!

– Слышь, куда послал нас? – продолжил за ним товарищ, выкинув сигарету. – Борзый, да? Я не понял, это твой двор, или чей?

– Ты явно попутал, – заверил его задира, и от замашек перешел к известным дворовым приёмам.

Иван Крепцов, похоже, своей фамилии не оправдывал, и совсем не умел драться, только блокировал руками отвлекающие замашки в лицо. А вот от удара под дых не сумел закрыться. Противник тут же согнул его пополам, и ударил коленом в ребро, потом локтем по затылку, в основание черепа. Тут и ножа не надо! Второй, с силой толкнул дьякона об угол пятиэтажки и, на пару с товарищем, принялся пинать его ногами в живот.

– Кикиморовка! – окликнул соседку Бор. – Сделай что-

нибудь в своём Дружном квартале!

Окно квартиры, где жила баба Даша, вдруг распахнулось со стуком, и старушка выглянула во двор.

– Вы, негодники! – сердито крикнула она из окна тем ребятам. – Что творите, черти? А ну, шли отсюда, сейчас милицию вызову! Пошли, кому говорю! Ты погляди, ничего святого, совсем оборзели!

– Сиди, не высовывайся, бабуль! – нахально ответил ей лысый парень.

– Я вам сейчас дам, не высовывайся! – ещё пуще распалилась старушка – Что творят! Не Кикиморовка, а Кимаир, право слово! Уж на священников нападают! Куда Господь смотрит?

– Ладно, парни, – махнул товарищам полураздетый парнишка, отобравший тем временем у иерея наперсный крест. – На белую хватит, и Синяк нам за одну такую цепочку весь долг простит!

Он показал друзьям свой трофей и с ними вместе скрылся за домом. Иерей, с кровоточащим носом, тотчас же подоспел к лежащему на земле Ивану. Перевернув его лицом вверх, он нащупал на шее диакона пульс, и попытался привести его в чувство. Не открывая глаз, тот издал тихий стон.

– Сейчас, Вань, – подбадривал его настоятель церкви, доставая из брюк под рясой сотовый телефон. – Потерпи, я вызову «скорую», они быстро приедут!

Борка на счёт этого сомневался, о чём сразу мне и сказал.

– В Кикиморовке нет своей станции «скорой помощи» и больницы, – объяснил он. – Моя совсем рядом, так близко, что до боли обидно! Но у меня нет свободных машин! Придётся Толика попросить он ближе всех, может у него есть машины свободные.

Толик довольно крупный посёлок, Толоконцево, я о нём слышал. Но сейчас он Борке не отвечал.

– Обиделся, как пить дать, – досадовал тот. – Мы с ним поругались вчера из-за электрички. Я поезд на Моховых Горах задержал, а его не предупредил.

– А Горький, не может помочь?

– Сейчас от него даже «скорая» в Кикиморовку не доберётся! На мосту к нему реверс открыт и по встречной такое движение, что ехать там в эти два часа просто самоубийство.

– А вертолёт?

– Он тебе не Москва!

Я слышал, что жители Южно-Курильского региона, иногда вызывают санавиацию даже из соседней страны, в неотложных случаях. Сложных рожениц и пациентов с острым аппендицитом, доставляют оттуда в городок Накасибецу, на Хоккайдо. Так неужели, нам по области в Борский район из Воскресенского, добраться сложнее? К слову, это и вправду достаточно далеко и долго.

– Два часа, говоришь? Сделай сбой телефонной сети, я этот звонок и на свою станцию переброшу, – предложил я Борке. – Пока мы тут думаем, бедняге уже не первая помощь

будет нужна, а последняя!

– Не говори так! – встревожился Борка. – Своим сам общай, а я всё-таки достучусь до Толика!

Телефонный сбой для нас, городов, просто семечки! С этим и я смог справиться без труда. Моя бригада приняла вызов, и выехала в Кикиморовку в срочном порядке. Не на вертолёте, конечно, а на той самой, закопчённой машине, с веткой на крыше.

– Что за день! – негодовал санитар. – Мы им кто, 911, одни на всю область?

Водитель включил сирену, и постарался выжать полную скорость.

– Пристегнитесь, – сказал он своим. – Взлетаем!

В карете послышался усталый сдержанный смех.

Сердце Ивана Крепцова внезапно затихло, и он перестал дышать. Евгений, поняв это, принялся раскачивать ему руками грудную клетку, вдыхая через рот воздух, чтобы запустить сердце и лёгкие. Его старания не прошли даром, Крепцов закашлял и у него изо рта потекла тёмно-красная кровь.

– Плохо дело, – отметил отец Евгений, переворачивая Ивана на бок, чтобы тот не захлебнулся. – Дыши сильней, брат! Сейчас отойдёт, дыши!

Мы с Боркой оба следили за происходящим, и ни один из нас не заметил, как на середине того двора возник силуэт всадника. Луч солнца упал на него, проявив, точно фото из поляроида, иссиня-чёрного скакуна и темноволосого

мальчишку в седле. На вид ему было не больше тринадцати, но оливковая кожа его оголённых рук и коленей, похоже, не знала, ни ссадин, ни синяков. На нём была короткая бесформенная хламида из синего хлопка, подпоясанная ремнём из блестящих золотистых пластин, и сандалии из кожи с набивками на ремешках. Его высокий вороной конь с коротко стриженной гривой не был подкован, и на боках не носил стремян. Но его юный наездник держался в седле уверенно, полностью ему доверяя. Борка первым почувствовал их присутствие в этом дворе.

– Очень кстати! – обрадовался он, и в надежде обратился к мальчишке. – Братик, кем бы ты ни был, у тебя лошадь! Предложи её в помощь этим двоим, им только до больницы добраться!

Тот молча кивнул и спешился, взяв коня за поводья. Подойдя на голос мужчины, склонившегося над лежащим на земле диаконом, он протянул ему конский повод, и коснулся плеча. Иерей обернулся, с удивлением глянув на мальчика, который неподвижно смотрел мимо его лица, тёмно-синими, как вечернее небо, глазами.

– Ты можешь отвезти моего брата в больницу, если я его посажу в седло? – спросил Евгений. – Я тут пока ничего не знаю, да и с лошадьми я никогда не общался. Если очнётся в пути, скажи ему, что со мной всё хорошо, пусть не волнуется. Я буду за вас молиться.

Мальчик пожал плечами, и огладил коня по холке.

– Это не далеко, я укажу твоему коню дорогу, – обещал Борка. – Как его имя?

– Ифел, – ответил мальчик.

– А твоё?

– Кимаир.

У меня даже шифер на крышах зашевелился, и голуби разлетелись. Но Борка, похоже, не слишком-то был удивлён. Он сразу признал в этом мальчике воплощение города, и ментально говорил с ним, как с братом. Вероятно, ему уже встречались древние города в человеческом облике и он умел находить с ними общий язык.

– Ким, будь другом, – попросил он мальчика. – Придержи этого бедолагу в седле, чтобы он не упал, а я сам отведу Ифела, куда следует.

Кимаир согласился. Отец Евгений, тем временем, усадил на коня едва живого Ивана Крепцова, и мальчик сел в седле позади него, взяв в руки повод.

– Куда ехать, знаешь? – переживал Евгений. – В больнице спросят – скажи, Крепцов Иван Андреевич, с семьдесят седьмого, гепатитом и Боткина не болел, сердце слабое. Так запомнишь?

Конечно, он всё запомнил. Правна говорит, что города помнят всё, и для них повторять дважды не требуется. Каждое услышанное слово, каждое увиденное действие, событие и лицо, остаётся в их памяти навсегда. Однако это не значит, что города не умеют фильтровать информацию. Сколько бы

её ни было, мы всегда сумеем с ней разобраться, и применить к месту тот или иной багаж.

Ничего не ответив, Кимаир кивнул и легонько сжал бока вороного ногами. Как и обещал, Борка повёл Ифела коротким путём из посёлка в свои чертоги. А вот я, похоже, ещё не стал настоящим городом. Я был так потрясён появлением Кимаира, да ещё на коне, что совсем забыл о бригаде своей бригаде, спешившей на вызов. На счастье, таких как я, забывчивых пром. посёлков, некоторые люди сами проявляют ответственность, помня о ближних. Отец Евгений позвонил на станцию «скорой помощи», чтобы отменить вызов, но в этот раз ему ответили с Бора.

– Не выезжали к вам, некому выезжать, – произнёс в трубку женский голос с оттенком металла.

У меня от этого голоса тоже задребезжало и зазвенело в эфире.

– Мне что-то нехорошо, – признался я Борке. – Сейчас на улицах транспорт встанет.

– Устал, – сочувственно улыбнулся он. – Это ведь не первый твой ментальный визит, я надеюсь?

– Первый, – честно ответил я. – Да ещё эта жара! У меня от неё уже асфальт плавится.

– Спрысни водой тротуары, – посоветовал Борка. – Я потом обо всём тебе расскажу. И, на будущее, возьми пару уроков у просветлённого Кинди. Он захаживал ко мне на неделе, вроде, старый знакомый твой. Вот кто мастер не только

ментальных, но и астральных прогулок!

Я вернулся в себя, и заглянул в окна своей многопрофильной. К счастью, детей не прибавилось, у персонала и с этими было немало хлопот. Время близилось к концу дневной смены и Краев уже переодевался, а вот Елена ещё сидела с журналом в сестринской.

– Мы весёлые медузы! Мы похожи на арбузы! – доносилось из холла, где ребяташки смотрели по телевизору мультики, и лазали по дивану.

Заведующая отделением, проходя мимо них, бросила взгляд на телеэкран.

– Не вижу сходства, – холодно усмехнулась она. – И кто сочинил эту песню?

Гордея выросла в Греции и, скорее всего, не смотрела этот мультфильм. Она давно переделалась и уже шла к выходу по коридору, но детишки облепили её снизу, радуясь тому, что она ещё здесь.

– Гордея Васильевна, не уходите! – упрашивали они. – Мы Вас любим! Давайте, Вы на ночь останетесь, вместо злючки? Она всегда рано отправляет ложиться спать! И уколы ставит болючие!

Злючкой, у них слыла строгая медсестра Кристина, с которой Елене теперь предстояло меняться. Дети не любили её, но заведующая, была довольна таким подходом, и даже готова была закрыть глаза на её бесконечные опоздания.

– Болючие, это хорошо, – улыбнулась она. – Чем больше

уколы, тем раньше вас выпишут.

Ребятишки тихонько засмеялись наперебой, оценив шутку, а потом замычали, выказывая огорчение, и не желая отпустить заведующую домой.

Мне было приятно и радостно наблюдать за этим.

– Завтра у Вас ночная, – сказала Елене Стражникова, заглянув в сестринскую. – С утра зайдите в кадры. Я договорилась, чтобы Вас приняли без медкомиссии, только занесите им санитарную книжку, диплом, трудовую и две фотографии. Ну, и своё заявление, разумеется! Я скажу отцу, он подпишет.

– Хорошо, – отозвалась та. – Спасибо, Гордея Васильевна!

– Удачно сдать смену!

Батюшка Николай и матушка Ксения с полудня ждали звонка от Ивана, как будто чувствовали, что с ним приключилось несчастье. Наконец, Николай не выдержал и позвонил ему сам.

Кимаир сидел в это время приёмном и ждал непонятно чего. Во всяком случае, кого ему сказали там дожидаться, он так и не понял. Я знал, что Древние города понимают те языки, на которых о них говорили люди. Но, одно дело, понимать окружающих, и совсем другое – заговорить самому, используя органы речи, которые прежде ни разу не применял, а обрёл только что, воплотившись в облике человека!

У Кимаира в руках был пакет с одеждой и обувью диакона. Полностью раздетый Иван Крепцов лежал перед ним на

каталке, прикрытый простышкой до пояса, не приходя в сознание. Два часа его возили на ней из одного кабинета в другой, и в итоге, закатали сюда и оставили. Кимаиру задавали вопросы, но, о чём бы ни спрашивали врачи, мальчик не мог решиться произнести ни слова.

Спустя час, молодая врач подошла к нему. Присев рядом с мальчиком, она обняла его, точно сына, и показала какой-то отпечатанный лист, закреплённый скрепкой на жёсткой папке.

– Я вижу, ты очень напуган, – нежно сказала она. – А в суматохе, наверное, растерялся ещё вдобавок. Но пойми, мы не можем помочь этому человеку, ничего не зная о нём. Если ты немой, напиши... Просто заполни вот эту карточку.

Кимаир понял, о чём она просит и улыбнулся.

– Креп, – неуверенно произнёс он, но сделав над собой ещё пару усилий, не сдался. – Крептсов.

– Крепцов? – сразу переспросила девушка.

– Иван Андреев... – продолжал мальчик. – Боткин не болен, сердце слабое.

Молодая врач принялась торопливо записывать всё с его слов.

Вдруг в пакете, который он всё это время держал, что-то зажужжало, как шмель, и из-под вещей зазвучала какая-то приглушённая музыка. Кимаир прислушался и осторожно опустил руку в пакет, нащупав там какой-то твёрдый дребезжащий предмет, чуть больше ладони. Сложно было судить

о его назначении. Одна сторона этого предмета была полностью ровной и гладкой, а другая только до середины. Кимаир провёл пальцами по странным выемкам и бугоркам на шероховатом конце, и музыка стихла. Неизвестная вещь перестала дребезжать, и заговорила старческим голосом.

– Ванечка, – послышалось из неё. – Ты же обещал позвонить после соборования. Я старый дурак, всё жду, всё переживаю, как ты поговорил.

Что сказал настоятель? Дал он благословение?

Кимаир наклонил ухо к источнику звука.

– Иван, что молчишь? – не умолкал тот же голос. – Когда тебя в Судном ждать?

– В Судном? – переспросил мальчик, и ментально позвал меня.

Я тотчас опомнился. Моя бригада! К тому времени, как она оказалась в Дружном квартале Кикиморовки, квартирный приход уже разошёлся, и отец Евгений вернулся в храм. Никого не застав, увидев лишь кровь на асфальте, санитары молча переглянулись.

– Ну, значит, живой, своим ходом ушёл, – предположил санитар.

– Бывает, – отмахнулся водитель. – Мы долго ехали.

– Стоило вызывать? – ворчал фельдшер. – Или нам по району работы мало?

Наверное, я перед ними был виноват. Если бы не ментальный зов Кимаира, я бы о них, наверное, и не вспомнил, до

самого их возвращения. Ведь, ни сил, ни желания, смотреть их глазами на это село, я уже не имел. Всё, что я мог передать в ответ Кимаиру, это визуальный маршрут до меня от Бора.

– Если хочешь, я покажу твоему коню этот путь, – предложил я ему, в надежде, что он не откажет.

Но Кимаир не ответил. Старческий голос из неведомого ему устройства продолжал настойчиво звать Ивана. Я отчётливо ощутил, в каком замешательстве сейчас был мой собрат, древний город, воплотившийся на земле, в XXI веке! К тому же, дух его был далёк от духа Новгородской земли и народа славянского, а значит, и речь здешнюю ему воспроизводить было довольно сложно. Другая у неё мелодия, и душа! Он протянул было врачу, что сидела с ним рядом, ту говорящую штуку. Но врач уже встала с кушетки, и спешно ушла, звонко стуча при ходьбе по полу.

Тем не менее, Кимаир быстро сообразил, что этот странный предмет зовёт своего хозяина, Ивана Крепцова. Он отложил пакет с одеждой и обувью в сторону, чтобы встать, и положить кричащую коробочку рядом с Иваном. Но едва привстав с кушетки, он нечаянно задел плечом треногую вешалку для медицинских халатов, и опрокинул её на ручку свободной каталки, оставленной у стены. Большая железная перевозка на скрипучих колёсиках тотчас пришла в движение и, не управляемая никем, въехала в стену, с которой от удара свалился на пол какой-то стенд.

Иван вздрогнул и приоткрыл глаза, поглядел на мальчика,

и осмотрелся.

– Где я? – спросил он, и тут же закашлялся.

– Больнице, – сказал Кимаир, и положил рядом с ним телефон, который уже умолк, к тому времени.

Крепцов перевернулся на бок, поглядел на мобильник.

– Евгений... Мой брат, – побеспокоился он первым делом. – Ты не знаешь, что с ним?

– Всё хорошо, – передал ему Кимаир, как и велел Евгений.

Иван облегчённо вздохнул, приподнялся и сел, затем слез с каталки и обернул простынёй бёдра.

– Ну, а ты, со мной чьим промыслом оказался? – спросил он, рассматривая причудливую одежду мальчика. – Что за костюм на тебе? Не хитон, не туника, но с медным поясом.

Крепцов протянул руку и слегка помял двумя пальцами ткань, из которой был сшит наряд.

– Странный хлопок, не бязь, не сатин... – тихо отметил он. – Будто вручную ткали.

Кимаир решил, что Ивана, вероятно, интересует одежда, и протянул пакет с вещами, оставленный на кушетке. Крепцов вытряхнул их, и принялся одеваться, продолжая спрашивать мальчика.

– А как твоё имя?

– Ким.

Я понял, что этот вопрос за прошедшие несколько часов Кимаиру довелось слышать неоднократно.

– Ким? – рассмеялся Иван. – Коммунистический Интер-

национал Молодёжи? Ну, не из Кореи же ты!

Мальчик помотал головой.

– Ты меня привёз в эту больницу? – не унимался Иван. – А как? Не на велосипеде же!

– Ифел привёз.

– Кто такой Ифел?

Кимаир улыбнулся, взял его за руку и повёл к выходу вдоль стены. Суетившиеся по отделению санитары с каталками даже не обратили внимания, а дежурная медсестра в приёмном, вся погрузилась в бумаги со штампами. Казалось, все напрочь забыли о пациенте, которого почти два часа возили по коридорам, то на рентген, то на ЭКГ, и в конечном итоге, оставили дожидаться врача, в уголочке напротив уборной. Когда Борка рассказал мне об этом, я не переставал поражаться. Так и не дождавшийся лечащего врача Крепцов, никем не замеченный, вышел из больничного корпуса, вместе с мальчиком, который его сюда и доставил.

– Ах, вон как! – воскликнул Иван, увидав вороного коня, привязанного у входа.

– В Судный? – предложил Кимаир, оглаживая своего скакуна.

– Сейчас? – растерялся Иван. – Но вещи, и мои документы дома...

– Евгений, – напомнил мальчик, с трудом произнеся то сложное имя, которое слышал.

– Ты прав, – оживился Крепцов. – Позвоню Евгению, как

доберёмся, скажу адрес, он всё пришлёт.

Кимаир помог ему забраться в седло и предусмотрительно сел позади Ивана, взяв в руки повод. Конь покорно кивнул и зашагал неспешно к воротам больничного городка. Иван, по всей видимости, умел держаться в седле, хотя без стремян ездить верхом ему было непривычно.

– А ты увидишь дорогу, сидя у меня за спиной? – усомнился он. – Или ты на мои глаза решил полагаться? Так я и дороги не знаю.

– Ифел мои глаза, – ответил ему Кимаир.

Крепцов даже в лице переменялся.

– Постой, – изумился он. – Это же ты всё опрокинул в приёмном... И ни разу не встретился со мной взглядом... Держался за стену, когда выходил... Как я мог не заметить? Если ты и незрячий, то я просто слепец, раз ничего дальше своего носа не вижу! И ты доставил меня в больницу, а теперь собираешься везти в другой город?

– Не, – поправил его Кимаир, и пояснил словами Евгения. – Я тут ещё нищего не знаю.

– О ком ты? – не понял Иван. – Что ещё за нищий?

Кимаир снова окликнул меня ментально.

– Некоторые слова настолько похожи, – объяснил ему я. – Стоит заменить один звук другим, смысл меняется до неузнаваемости. Но, ты не переживай. Научишься, ты не первый! Скажи ему, что Ифел знает дорогу. Я отведу коня, но не напрямик. Мне нужно, чтобы вы по пути навестили

кое-кого на берегах Светлояра. Там, в давние времена, бесследно исчез один русский город. И я хочу, чтобы этот диакон, Иван, попытался поговорить с ним, может, он ему и покажется.

Кимаир не имел возражений, а если и имел, мне о них ничего не сказал. Немногословный и сдержанный он в корне отличался от того беспокойного шумного царства, каким его принято считать у людей. Может, первое впечатление и обманчиво, или это временный ступор, защитная реакция на внешний, ему незнакомый мир? Уж если такой город как Кимаир, известный свободой нравов, был потрясён, оказавшись здесь и сейчас, каким же будет потрясение града Сяна! Поразмыслив над этим, я счёл своим долгом как следует подготовить своих древних собратьев к этой непростой человеческой жизни, прежде чем отпускать их на поиски своего места в ней.

Глава 5. Батыева тропа

Вечер и добрая половина ночи, та, что до летней зари, понадобилась Ифелу и его седокам, чтобы добраться от Бора к берегам Светлояра. Кимаир не спешил и не подгонял своего скакуна, понимая, что на спине у того сидят двое, да и причин куда-то спешить он не находил, поэтому даже делал небольшие привалы. Всякий раз, заслышав шум речки или ручья, он останавливал Ифела и вёл его к воде, утолить жажду. Я, в свою очередь, старался вести Ифела подальше от трассы, по зарослям и лугам, пролескам и пересохшим от зноя болотцам. Тем более что речушки, встречавшиеся им на пути, обмелели настолько, что длинноногому скакуну было лишь в радость слегка освежиться в их водах. Да и путь по бездорожью получился короче, нежели по мостам, и намного приятнее, чем вдоль проезжей части. Сначала одна ночная заря, а затем другая, едва подпуская тьму, освещала кроны берёз, заросли клёна, ивняка и дрожащие ветви осинки. Птицы, казалось, не умолкали с зари до зари, и в пожелтевшей траве всю ночь звенел дружный зелёный оркестр. Ночь застыла где-то посередине неба, меж двух светящихся горизонтов, но самые яркие звёзды всё же виднелись в её владениях. Особая это была ночь для нас, городов России. Заскукавший в дороге Иван поглядел в небо и принялся рассказывать Кимаиру о созвездиях, планетах, и много о чём ещё.

– Как тонко Создатель вложил смысл во всё, чем украсил мир! – восхищался он. – Как учитель мелом выводит на классной доске теоремы, так и Господь расписал всё небо сюжетами Благой Вести для нас. Звёздами нарисовал на нём Деву, и ясли, и трёх волхвов, следующих за звездой в Вифлеем. Нарисовал там учеников Христа, и двух Рыб, которыми тот накормил людей, и Крест, и грот, заслонённый камнем, там обозначил. Не случайно Луна катится на одном ребре, будто отворяя вход в пещеру, прежде чем взойдёт Солнце. Всё в мире наполнено смыслом!

В пути я помогал Кимаиру понимать всё, что Крепцов говорит о небесных светилах. Чтобы ему было проще, я поменял понятие «теорема» на «чертёж». Уж, этот образ, знаком всем городам, пусть даже они из самой глубокой Древности.

– Батюшка Николай показывал мне эти созвездия, когда мы с ним вместе читали Евангелие перед сном, – продолжал Крепцов, – он говорил, что в миру, люди придают им другие значения. А я в детстве спрашивал, было ли небо таким со дня своего появления? Или звёзды выстроились в такие узоры только с грехопадением человека, когда и был обещан людям приход Спасителя? А может, эти созвездия появились, когда были низвержены ангелы, восставшие против Бога, и на Небесах опять воцарился мир? Ни батюшка с матушкой, ни учителя в духовном училище, не смогли мне на это ответить. А ты, как считаешь? Может быть, у тебя есть ответ?

Ответ, по всей видимости, у Кимаира как раз имелся. Но

вот как его выстроить и донести собеседнику, он не знал. Его жители видели эти звёзды, и тоже собирали их в узоры на небе. Он мог описать, как выглядело звёздное небо над ним, но пока не умел.

– Оно было точно таким же? – догадался я по образам, возникшим у него в памяти. – Только ещё одно красное светило восходило в нём раньше Венеры, Луны и Солнца. Что это за звезда?

– Это Ран, младший брат Сина, – ответил тот. – Сын Шахара, бога утренней зари.

– Никогда не видел такого в небе, – признался я, дивясь на причудливое светило. – А Син – это луна?

– Луна.

Иван принялся рассказывать, как он учился на пономаря, как заболел ангиной перед экзаменом. Упомянул и о своих стариках, которых не навещал уже несколько лет.

– Мне совестно перед ними, – признался он мальчику. – Я им почти не писал, не звонил даже, всё не было времени, да и голова была забита другим. Не думалось о них как-то... Последний раз, вроде бы, позвонил батюшке Николаю на Пасху. Но, как бы тебе не соврать, не помню, в этом году, или в том. У меня так много переменялось за это время!

Крепцов выдержал паузу, после чего поинтересовался у Кимаира.

– А твоя семья в Судном? К кому ты едешь?

Услышав моё имя в вопросе, тот ментально обратился ко

мне.

– Можешь сказать, что едешь к сестре, – подсказал я ему. – Думаю, Бирисса уже получила моё приглашение, и со дня на день откликнется на него.

Признаться, я ожидал, что Кимаир и Бирисса вместе придут ко мне из Вечности, как тандем городов, чьи имена не упоминают порознь. И причина, по которой Правна решила их разделить, для меня оставалась загадкой. Я воспроизвёл в сознании Кимаира произношение слова «сестра», чтобы он мог ответить Крепцову. Надо сказать, это было первое, что он произнёс за всё время пути.

– Тебе следует больше разговаривать со своим попутчиком, – посоветовал я Кимаиру, – так ты быстрее освоишь язык.

– Я пытался, но в нём нет никакого порядка, – ответил он. – Слова стоят как угодно и означают всё, что угодно, только не то, что люди имеют в виду.

– А на каком языке говорили твои жители? – поинтересовался я.

– На этом же, только правильном, – просветил меня Ким. – Это был удобный язык. Им пользовались все. Но сейчас, ещё попробуй, пойми, что сказали люди, которые всё перепутали! Если одно слово «мир» имеет у них три разных значения!

– Ты привыкнешь, – с умилением заверил я своего собрата.

– Как можно привыкнуть, если они всегда говорят по-разному? – недоумевал мальчик. – Сами своего языка настоящего толком не знают. Мне кажется, они сильно сломали его и теперь он похож на раздробленную глиняную табличку с текстом, который они, как умеют, так собирают. Вот только раствора для скрепления этих частей, у них больше нет.

Вдалеке показался берег овального озера и зеркальная водная гладь запестрила в лучах зари красками позолоченных облаков и предрассветного неба. Я направил Ифела прямо туда, но он, отчего-то, замешкался.

– Что это с ним? – недоумевал Крепцов, видя, что конь отказывается идти дальше. – Может, змея в траве? Или здесь топкое место?

Кимаир спешился и взял скакуна за узду, но тот принялся брыкаться, трясти головой и фыркать. Не находя этому объяснений, мальчик пошел вперед без него, не сломив даже сучка вместо трости. Ифел глухо заржал и последовал за ним, будто переживая за Кимаира. Иван Крепцов, по-прежнему сидевший в седле, вдруг заметил тропу под ногами мальчика. Довольно широкую, ведущую к озеру, и, по всей видимости, протоптанную лошадьми, дорогу, которую почему-то он не увидел сразу. Обернувшись назад, чтобы понять, как долго они ехали по этой тропе, Иван не поверил своим глазам. Позади них никакой тропы не было, и сколько бы Ифел ни продвигался вперед, она всякий раз начиналась у него под ногами!

– Остановись, Ким! – окликнул мальчика изумлённый диакон – Тут что-то не так.

Я заподозрил неладное, тотчас велел Ифелу остановиться. Остановился и Кимаир. Тогда, к ещё большему удивлению Ивана, тропа растворилась в воздухе, точно тень.

– Я слышал об этом, когда был ещё ребёнком, – припомнил диакон. – Матушка Ксения упоминала о некой тропе, что появляется у берегов Светлояра, только когда по ней кто-нибудь идёт. Она говорила, что эту тропу проложил супостат Батый, когда подступал со своим полчищем к стенам града Сияна.

Кимаир понял, что Иван говорит о городе, за которым я их и отправил сюда.

– Брат Сиан! – позвал он, в надежде, что тот где-то рядом.

– Он тебе не ответит, – предупредил я. – Пропусти Ивана вперёд!

Пусть один идёт к озеру.

– Как я ему это объясню? – недоумевал Кимаир.

– Попроси его напоить коня, – предложил я. – Скажи, мол, твоя очередь. А сам тут подожди, сделай вид, что готовишь привал, разведи костёр...

– Здесь нельзя, – ответил мне Кимаир, и провёл рукой по сухим колосьям.

Затем, он подошёл к Ифелу и прильнул лицом к морде коня.

– Его напоить всё равно надо, – повторил он за мной, как

сумел.

– Да, нужно к воде, Ифел давно не пил, – согласился Иван. – Но к озеру идти он отказывается.

– Идите ты, – предложил ему мальчик.

Он отвязал от седла пустой кожаный мех и протянул Ивану.

– О, ничего себе, раритет! – удивился тот. – Ты где взял такой? Сам что ли сделал?

– Твоя очередь, – неумело произнёс Кимаир, но Иван, похоже, понял его, и спешился.

– Хорошо, подождите здесь, – согласился он. – Я схожу и вернусь, с Божьей помощью.

Сказав это, Крепцов поспешил к озеру через поле и загадочная тропа тотчас протянулась от его ног вперёд, зарастая позади него, будто её и не было. Оставив собрата, я проследил мысленным взором за диаконом, который уже подходил к воде. Берег со стороны высохшего поля был почти отвесным, хоть и не очень высоким. Жёлтой бахромой по самому его краю висела сухая трава. Иван осторожно спустился и, наклонившись, опустил в воду мех.

– Вода здесь такая же чистая, как молитвы и помыслы братии нашей из града Сияна, – подумал он вслух, наполняя мех. – Во истину, имело здесь место быть сие чудо Господне.

Тем временем, в доме Краевых, Катя проснулась от щебета лесных птиц.

– Тихо вы, – пристрожилась на них девочка, быстро вста-

вая.

Она прикрыла окно, и поглядела на широкую застеленную тафту, где спала Амина. За окном, предательски закричал соседский петух.

– Ну, вот... – огорчилась Катя, увидев, что он всё же разбудил девочку.

– Уже утро? – спросила та, потирая глаза.

– Да, только очень раннее, – ответила Катя.

– Это для вас, городских, – деловито сказала Мина. – А мы всегда с петухами встаём, и сразу во двор.

– Тут во дворе кормить некого, – улыбнулась Катюша. – Спи себе...

– А пойдём к лесу? – предложила Амина, уже соскочив с постели – Погуляем, пока там роса и свежо.

Кате эта идея понравилась. Она и сама истосковалась по летней прохладе, но ей как-то и в голову не приходило гулять спозаранок. Девочки быстро оделись, обули кроссовки в сенях, и выбежали на пока ещё свежий воздух.

Набрав воды, Иван поднял мех, распрямился и хотел уже подниматься на берег, как вдруг увидел там кудрявого белокурого мальчика в длинной русской рубахе из белой пеньки, и в таких же пеньковых штанах под нею. На плече у мальчонки висела белая тряпичная сумка, и так сияла в рассветных лучах, что казалось, она была соткана из атласа. Иван немного обомлел от увиденного, но после сообразил, что это, должно быть, один из аниматоров, или помощников в здеш-

нем музея. Я же, в отличие от него, сразу признал в этом мальчике воплощение светлого града Сияна, и только дивился, глядя на его румяное лицо и золотисто-русые, почти жёлтые, кудри. Он подал диакону руку и помог быстрее взобраться к нему на отвесный берег.

– Спасибо, – кивнул Иван мальчику. – А сила-то у тебя, гляжу, богатырская!

– Моя сила в Господе, – кротко ответил тот. Затем, глянув на мех воды, поинтересовался: – Куда путь держишь, отче? Паломник ты, аль скимах есь, по остов грядеши?

Ивана, похоже, позабавило то, как мальчик задал ему вопросы на русском языке трёх различных эпох! Но, на мой взгляд, ничего забавного в этом не было. В каждую из них, этот град поминали, а значит, он в совершенстве владел языком Средневековой Руси, Царской России, и современной. К тому же, он, вероятно, знал и церковно-славянский, но на нём, как известно, не говорят с людьми. А на каком именно языке говорить с Иваном, Сиян, наверное, пока просто не понял.

– Мы с попутчиком в Судный следуем, всю ночь сюда добирались, – ответил Иван. – Остановились только чтобы коня напоить. Сам он к воде не идёт, вот я и набрал для него немного.

Сиян улыбнулся и опустил глаза долу. Потом, он тихонько потянул за шнурок своей белой сумки, и позвал меня по имени вслух.

– Судный? Мы с тобой не знакомы, – произнёс он. – Мои люди никогда не слышали о тебе.

– Мир тебе, светлый град, – поприветствовал я собрата. – Зато я о тебе слышан. Рад, что ты, наконец, вышел на свет Божий, из своих невидимых стен. Что тебя в них так долго держало? Почему ты не отвечал никому из соседей, Сиян?

– Сиян?! – изумился Крепцов, и вопросительно поглядел на мальчика.

Меня, как дождём окатило! Я ведь общался с Сияном ментально, как вышло, что наш разговор услышал Иван?! К моему ещё большему удивлению, этот вопрос был тотчас же озвучен во всеуслышание! Я никак такого не ожидал и даже смутился немного. И тут, неожиданно для себя я вдруг понял, что сумка на плече мальчика воспроизводит всё, что я думаю и говорю...

– Как такое возможно, брат? – недоумевал я.

– Это моя пира, прибор, – пояснил Сиян, показав на сумку. – Устройство, на основе световолоконных технологий минувшего века. Изначально она предназначалась для связи с городами внешнего мира, мои люди создавали её, в надежде связаться с кем-то из вас!

– А я хотел пригласить тебя, но не знал, как с тобой связаться, – смущённо ответил я.

Отойдя немного от шока, Крепцов собрался с мыслями, и спросил:

– Родители называли тебя Сияном?

– Не родители, а основатели, – поправил его мальчик. – Я ведь город, взгляни!

Он показал на воду, в которой отражался Иван, стоящий на берегу. Тот проследил за его рукой, и не увидел рядом отражения мальчика. Вместо этого, в озере ему предстал город с белыми стенами, над которыми возвышались шатры деревянных церквей и резные крыши, а выше всех красовался большой позолоченный купол, увенчанный крестом.

– Что?.. – чуть слышно произнёс Иван, и обернулся на берег.

Мальчик по-прежнему стоял возле него, а вот города нигде поблизости не было видно.

– А ты, почему в озере не отражаешься? – недоумевал Крепцов.

– Так это я отражаюсь, – с улыбкой заверил мальчик. – Не веришь? Смотри.

Он отошёл от края, и диакон увидел, как отражение города поплыло, и скрылось за берег.

– Быть не может! – воскликнул Иван, и догнал мальчишку, ухватив его за руку. – Как? Ведь ты человек из плоти и крови, прообраз Божий, а не каменная постройка людей!

Он поглядел в ясные голубые глаза мальчонки, искренне не понимая, дурачит он его или сам не знает, что говорит. Сиян только улыбнулся ему на это.

– Иди, отнеси своему коню воду, попутчик тебя, наверное, уже потерял, – напомнил он диакону, – а я хотел бы по-

общаться ещё кое с кем из собратьев.

– С кем? – не понял его Иван.

– С Кимаиром, – ответил Сиян. – Он поблизости. Сложно было бы не почувствовать такой мощный город. У него яркий и сильный, мятежный дух.

– Кимаира давно уж нет! – рассмеялся Иван. – А уж на русской земле, ему вовсе и делать нечего!

– Если только, его не пригласили сюда, – предположил Сиян. – Давай с ним свяжемся, и всё узнаем.

Он снова потянул за шнурок своей сумки, и поприветствовал Кимаира. Тот отозвался, не подозревая о том, что кто-то ещё услышит их разговор.

– Почему ты молчал, не откликнулся, брат Сиян? – раздался из пиры его мальчишеский голос. – Я звал тебя, когда шёл к озеру по тропе Батыя в засохшем поле.

– А где ты сейчас? – спросил у него Сиян.

– В поле, у озера, – ответил мальчик. – Я жду Ивана Крепцова, он взял мех и ушёл за водой.

Сиян поглядел на диакона.

– Всё ещё сомневаешься? – улыбнулся Ивану он.

– Выходит, Ким... – Крепцов ненадолго задумался.

Мальчик кивнул и выпустил из руки шнурок.

– Вот что, ребята, дальше сходите с ума без меня, – не выдержал диакон. – Если вы оба из какой-то там секты, то мне с вами точно не по пути.

– Но нам по пути, ведь ты тоже направляешься в Суд-

ный, – возразил на это Сиян – А это он пригласил меня и Кимаира к себе. Значит, теперь у тебя два попутчика!

– Теперь уж, ни одного! – открестился Иван. – Я пойду, пройду по местам детства в посёлке. Узнаю, кто служит теперь при церкви, вместо батюшки Николая. А там уж подскажут, как мне его разыскать, и на чём оттуда можно добраться в Судный.

Не сказав больше ни слова, он сунул мальчику в руки мех, полный воды, и торопливо ушёл в сторону родного села. Мне было грустно от такого его решения, но никакие силы не властны над выбором человека. И само желание Ивана повидать край, где он родился и вырос, было вполне понятно. Поэтому я не стал долго переживать, а помог Сияну отыскать в поле Ифела и Кимаира.

– Вот вода, – сказал он, отдав мех собрату. – Нам с тобой придётся ехать в Судный вдвоём.

– А Иван? – удивился мальчик.

– Он ушёл, – ответил Сиян. – Узнал, что мы города, и не захотел иметь с нами дел.

Кимаир протянул руку, коснулся одежд Сияна, провёл пальцами по его волосам, шее и горловине с вырезом. Ощупью изучая вышивку на воротнике его пеньковой рубахи, он нащупал рядом грубую толстую нитку с подвешенным на ней деревянным крестом.

– Оберег? – спросил он Сияна.

– Не совсем, – уклонился тот. – Просто, не трогай это,

договорились?

Мальчик молча кивнул, и перестал изучать одежды и атрибуты собрата, старательно делая вид, что и сам утратил к этому интерес.

– Значит, ты воплотился слепым, – задумчиво произнёс Сиян. – Прости, пожалуйста. Мне кажется, я знаю, что стало тому причиной. Но, знаешь, это ничего не меняет! Ты всё равно сможешь взглянуть на мир! Подожди... Я дам тебе одну вещь...

Он развязал шнурок своей сумки, и достал из неё небольшую дощечку со светящимися краями. Затем, оттуда же вынул какую-то медную палочку с мерцающим заострённым концом, и принялся аккуратно выводить ею на дощечке имя Ивана Крепцова, буква за буквой. Я присмотрелся к этим предметам в его руках.

– Что это такое? – поинтересовался я у Сияна.

– Тоже полезный прибор, – ответил он мне. – Изобретение моих жителей для поиска потерявшихся близких. Стоит написать в строке имя нужного человека, и коснуться края этой строки рукой, как увидишь его глазами всё, что он видит перед собой в эту минуту.

Кимаир тоже слышал его разъяснения, и был явно заинтересован. Сиян аккуратно передал ему дощечку с именем дьякона, и сам установил его палец на краешек нужной строки. Буквы в имени сразу же засветились ярко-голубым светом.

– Что ты видишь? – любопытствовал я.

– Здание, сложенное из брёвен, – ответил мальчик. – Деревянные ступени, крыльцо.

Иван Крепцов поднимался ко входу сельской церкви. Утренняя служба ещё не началась, священник сам только что пришёл, и не успел ещё облачиться в рясы. Женщина, зажигающая лампы и свечи у высоких икон, поприветствовала его и спросила благословения. Крепцов нечаянно хлопнул тяжёлой дверью и они оба тотчас же обернулись на стук.

– Простите, если я помешал, – извинился Иван, перекрестившись в притворе.

Увидев на нём орарь и подрясник, настоятель жестом пригласил его за собой в Алтарь. Крепцов последовал за ним, южными воротами, как водится, приложившись к образу.

– Помню тебя, помню, Ваня, – начал наперёд иерей. – Не надо, не говори ничего. Ты меня, видать, не признал... Игорь я, звонарь, у которого, говорили, крыша поехала ещё в семинарии. Слышал обо мне, наверное? Не говори – знаю, скзывали такое, хоть оно и неправда. Ты, не иначе, как к отцу Николаю пришёл? Не говори, сам знаю, к нему... К кому же тебе ещё.

Крепцов всмотрелся в рыжую бороду и уже немолодое лицо нового батюшки, но, как ни пытался, и вправду не мог его вспомнить.

– А новый адрес Николая и Ксении, в Судном, можете подсказать? – осведомился он.

– И там они при церкви, это я знаю точно, – ответил ему отец Игорь. – Большой у них в Судном приход! А церковь маленькая, как в старину строили, с гульбищем, с отдельной колокольней, крестильной, и кануном в отдельной комнате. Одна она там такая, легко найдёшь.

– Спасибо, – от души поблагодарил Иван. – А как мне к ним в Судный отсюда добраться?

– Пешком можно, когда ноги молоды, как у тебя, – вздохнул иерей. – Но ты не спеши туда, походи тут, с людьми по-видайся. Хочешь, в дом постучись, где с Николаем и с Ксенией раньше жил. Хорошим он людям достался, они не прогонят.

– Даст Бог, загляну, – обещал Иван. – Но Вы, всё же укажите мне в Судный дорогу.

Настоятель вздохнул, потом покряхтел и принялся зажигать семисвечник.

– Вот выйдешь за наше село, пройди на восток через большое сельское кладбище, – стал объяснять он Ивану. – Долго идти придётся, два посёлка оно собрало, а за ним увидишь большую просёлочную дорогу. Она тебя в Судный и приведёт. Как реку перейдёшь, так сразу и окажешься в этом городе.

– Ещё раз, большое спасибо, батюшка Игорь, – с теплотой произнёс Иван.

– Не говори ничего, не надо. Плохой это грех пустословие, – проворчал тот себе под нос – Ступай, ступай, пока на-

род не собрался. Сейчас пономарь и служка придут, а я тут, нет бы Часы начинать – с тобой праздно беседую. Некрасиво будет.

Крепцов понимал его беспокойство и, конечно, покинул алтарную комнату. В дом, где вырос, стучаться не стал, а лишь постоял молча возле его калитки. Две сторожевые собаки облаяли его через забор, но хозяева во двор и не глянули. Возможно, их не было дома. Знакомая ему с детства старая облепиха всё так же росла на заднем дворе, правда в этом году на ней почти не было ягод. И грядки, за которыми некогда так старательно ухаживала матушка Ксения, пустовали у новых хозяев. Иван с нежной грустью поглядел на высокую садовую бочку, в которую любил окунаться, когда ещё помещался в ней целиком. А возле неё, по-прежнему, торчал пень, с которого он туда забирался.

Мимо дома, по сельской улице, пронеслись трое ребят-шек, два мальчика и девочшка. Увидев незнакомого человека в церковных одеждах, они в недоумении оглянулись.

– Здравствуйте, – на всякий случай поздоровался с ним загорелый чернявый мальчик.

– А я вас в церкви не видела никогда, – сказала за ним девочка, лет восьми, с тёмными хвостиками.

Крепцов улыбнулся им, и хотел было объяснить, что родился здесь и когда-то жил в этом доме, но сразу поймал себя на мысли, что почему-то не помнит этих детей. А ведь, до своего отъезда, он знал на селе каждого человека, и узнал

бы любого даже сейчас.

– Вы сами-то, чьи ребятишки? – спросил их Крепцов. – Я тоже что-то вас не припомню...

– Меня Вика зовут, – сразу представилась ему девочка.

– Я Антон, из Марусино, – сообщил мальчик с шоколадными кудрями, и показал на загорелого друга. – Это Егорка Сапожников, он вообще не здешний, из Вереи.

– А в Верее тоже лес горит, – не к месту сказала Вика. – И даже ещё, чем у нас, сильнее!

Их смуглый, наголо бритый товарищ ничего не ответил, и даже одёрнул друзей.

– Пойдёмте, – сказал он ребятам. – Вас что, родители ничему не учили?

Дети пошли дальше, казалось, уже позабыв о встрече, а Крепцов с грустью поглядел им в спины и молча вздохнул. В родном посёлке он теперь ощущал себя совершенно чужим, и не было больше здесь для него места.

Кимаир видел всё это глазами Ивана, и у него самого вдруг что-то кольнуло в груди.

– Всё, хватит, – решительно произнёс он, убрав со строки руку.

Буквы в имени на строке моментально погасли. Кимаир протянул дощечку Сияну.

– Положи к себе, – сказал он – Всё равно ты не отвяжешься от меня, пока мы не приедем в Судный.

Глядя на них мысленным взором, я понимал, что Сиян и

по прибытии ко мне, от него ни за что не отвяжется, но торопить события сейчас было совсем ни к чему. Они вместе напоили коня, и уселись на него вдвоём, точно братья. Такие разные, и такие похожие, как бы ни было это странно. Я с нетерпением ждал у себя их обоих, и указал Ифелу самый короткий путь. А он пролегал через рощу, в которой росли дубы, и на деревьях было полно надсечек. Это было красивое безлюдное место. Берёзы белели там, среди стройных рябинок и пышных клёнов, а у подножия их стволов густо росла крапива и лебеда. Единственная тропинка тянулась к востоку, через овраги и рытвины, заросшие лопухами. Её то и дело преграждали коряги и ветки, покрытые мхом. Но Ифелу были нипочём такие препятствия, он продвигался вглубь леса, как вольный олень, перескакивая через ручьи и канавы.

Дубовые заросли постепенно редели, тропинка стала ровнее и шире, и привела коня к большой раздвоенной берёзе, которая разделяла надвое и тропу. Казалось, три дороги срослись у корней этого высокого и развесистого дерева. Ифел остановился под сенью его пышной кроны.

– Куда теперь? – спросил у меня Сиян.

– Ифел устал, – подсказал ему Кимаир, слезая с коня.

– Вы же ферезеи! У вас кони должны быть выносливее верблюдов! – усмехнулся Сиян. – Я думал, само слово «ферь», то есть, добротный конь, происходит от названия вашего народа.

– Наоборот, – поправил его Ким, – твой народ стал нас

называть фerezеями, потому что мы славились лошадьми. Но не тяговыми и ратными породами, а скакунами.

– Ясно, – усмехнулся Сиян. – Стало быть, и кони у вас, такие же, как вы сами! Лоска много, а силы чуть! Не удивительно, что вы проиграли войну с Эламом.

– Слезай, я покажу тебе, у кого силы чуть! – обиделся Кимаир.

– Не, – рассмеялся Сиян, – я не любитель махать кулаками. Говоришь, быстрые кони?

Он наклонился вперёд и сжал бока скакуна.

– Да ты трус! – крикнул им вслед Кимаир.

– Сам хотел, чтобы я от тебя отвязался, – напомнил ему Сиян, развернув коня. – Ну, и кто из нас трус? Это ты боишься остаться один в незнакомом месте! Где Бириссу потерял? Я думал, вы неразлучны?

– Лучше бы ты думал, прежде чем шутки со мной шутить! – грозно произнёс тот.

Сказав это, Кимаир сдёрнул его с седла, ухватив за пояс рубахи, и повалил на землю.

– Ты не над тем городом решил посмеяться, утопленник! – процедил он сквозь зубы.

Не знаю, чем бы это закончилось, если бы их не окликнула Катя, гулявшая с Аминой неподалёку.

– Вы что, лошадь не поделили? – спросила она.

– Ух, ты! – восторженно протянула Амина. – А дадите нам покататься?

Кимаир выпустил из рук рубаху Сияна, но только тот попытался встать, тут же толкнул его на траву.

– Я вас покатаю, – сказал он девочкам. – А этот здесь пождёт. Поможете привязать его к дереву?

– Что, сам не справишься? – усмехнулся Сиян, поднимаясь с травы.

Он принялся поправлять рубаху, и тут, Амина случайно заметила, что у него на животе нет пупка. Глаза у неё так и расширились от удивления.

– Катя, – тихо сказала она, потянув за рукав подругу, – смотри.

Сиян уловил на себе их настороженные взгляды. Не совсем понимая, в чём дело, он сам глянул на свой живот, и тут же одёрнул рубаху, подвязав её поясом.

– Это всё ты виноват, – сказал он Кимаиру. – Вскую отроковиц испужал?

Девочки недоумённо переглянулись.

– И говорит не по-нашему, – шепнула Катюше Амина.

– Кто вы такие? – спросила та, прикрывая её собой.

Глава 6. Интриги большие и малые

– У нас в Судном, знаете ли, кого только не повстречаешь! – рассказывала по пути к дому ребятам Катя, поняв, что они никакие не монстры и не пришельцы – Я ведь только на этой неделе, видела НЛО в небе, над местом, где горел лес. Всё небо заволокло дымом, и звёзды погасли!

– Это было никакое не НЛО! – возразила следом Амина. – А дракон, больше на птицу похожий. Спереди, голова с клювом, тело змеи, а глаза страшные-страшные! Это он поджог лес!

– Тогда это Василиск, – догадался Сиян. – Это его так обычно изображают.

– Вот, я как увидела, что у тебя пупка нет, даже подумала, не из его ли яйца ты вылупился! – засмеялась Катя. – Потому и насторожилась. Значит, вы древние города?

Сиян вовсе не считал себя древним, но не стал спорить.

– Разве город может вот так сделаться мальчиком? – не понимала Амина.

– И девочкой может, – улыбнулся в ответ Кимаир.

– А девочка может стать городом? – тут же спросила Амина.

– Нет, человек творение Бога, – ответил Сиян. – А города – это творения человек. Люди вкладывают в нас душу, и они же дают нам имена. А человеку имя и душа Богом да-

дены.

Катя с умилением поглядела на подругу.

– Не огорчайся, Амина, – сказала она ей. – Если, допустим, ты в своей жизни совершила бы что-то большое и важное, то твоим именем могли бы назвать какой-нибудь город.

– И обязательно совершу! – загорелась та. – Я стану политикой, обо мне все бабушки говорить будут!

Катюша сдержала смех.

У меня политикой интересовались не только бабушки, но и молодые особы, в частности, Елена, которая после первого дня на смене всю ночь не могла уснуть. В результате, она просидела за ноутбуком в Интернете, не заметив, как наступило утро. В комментариях к новостям о пожарах в Нижегородской области некто под ником Профессор винил во всём действующую власть. Елене подумалось, что в действительности, он такой же «профессор», как она «балерина», однако, этот человек выдвигал интересную версию.

«Это следствие масштабного сокращения лесничих!» – утверждал он – «Не удивлюсь, если завтра начнут гореть города, когда власти сочтут нерентабельными и пожарные части!»

А чтобы не быть голословным, Профессор разместил ссылку на сайт. Перейдя по ней, Елена прочла там о недавнем сокращении большого числа лесников в регионах, которые теперь охвачены лесными пожарами.

«Что ж, в этом есть смысл», – мысленно согласилась она.

Елена привыкла считать, что властью сегодня довольны все, и её искренне удивил такой громкий выпад в адрес правительства. Наверное, из женского любопытства, ей захотелось пообщаться с этим Профессором по сети. Она заглянула к нему на профиль и оставила там сообщение. Оказалось, он в самом деле профессор в вузе, и зовут его Кондрат Львович Рамкин. На сообщение он вскоре ответил, так они всю ночь и проговорили...

– Я сам пострадал от политических репрессий, – признался он. – Я потерял работу и нажил врагов, когда пытался донести идеи марксизма до сегодняшней молодёжи.

– Какие репрессии на коммунистов? – не понимала Елена. – Мы ведь не в Царской России!

– Видите ли, Елена, – попытался объяснить ей Профессор, – власти всегда рады активному участию студентов российских вузов в митингах и мероприятиях в поддержку президента страны. Их охотно снимают с пар, и строем ведут на площади, в футболках и кепочках с логотипом правящей партии. А когда я решил удивить и порадовать своих студентов тем, что сегодня тоже есть комсомол, и в него может вступить каждый желающий, то мне в деканате сказали: «Молодёжь вне политики!». Мол, это не должно отвлекать их от учёбы.

– Как интересно, – усмехнулась Елена. – Сами же говорите, их даже от занятий освобождали!

Профессор прислал ей смайлик.

– Теперь видите, какая у нас демократия? – продолжил он. – Но я не стал перечить коллегам, а просто предложил ребятам самим познакомиться с современными комсомольцами на их мероприятии в выходной день, когда занятий не будет. Сам я тоже пришёл, и был приятно удивлён, встретив там многих своих студентов!

– И Вас уволили из-за этого? – изумилась Елена.

– Нет, не совсем, – уточнил Кондрат Львович. – Я бы отделался выговором, но тут было ещё одно обстоятельство. Один из моих студентов, Иглов, очень бойкий и острый на язык паренёк... Он провалил у меня экзамен и, чтобы его не отчислили, пожаловался декану. Только (с обиды, видимо) Иглов преподнёс всё так, будто я принуждал их участвовать в том мероприятии, и грозился не поставить зачёт тем, кто туда не пойдёт. Вот у меня и возникли проблемы, сразу встал вопрос о моём увольнении, который был довольно скоро решён.

– Сочувствую, – отписалась ему Елена. – Только, причём же тут политические репрессии? Это обыкновенная подстава! Меня саму недавно жестоко подставили на прежней работе.

– Как? – поинтересовался Рамкин.

– Представляете, – рассказала она, – кто-то написал жалобу на нашего главврача, только не от своего, а от моего имени. И Вы ни за что не догадаетесь, куда он её послал.

– В госдепартамент США? – в шутку предположил Про-

фессор.

– Нет, в приёмную президента, по Интернету! – гневно настроичила Елена. – А в качестве обратного адреса, этот трус просто указал мою старую электронную почту, на которую я уже больше года не заходила. И этого оказалось достаточно, чтобы я потеряла лучшую в моей жизни работу. Как Вы понимаете, я ничего не смогла доказать заведующей и коллегам.

Я увидел, как на глазах у неё навернулись слёзы, и буквы на мониторе задрожали в них, так, что стали неразличимы. Елена приподняла очки и аккуратно протёрла ресницы.

– Конечно, те и не стали ни в чём разбираться, – с пониманием ответил ей собеседник. – Зачем? Если уже нашли, кого во всём обвинить.

– В тот день я пришла домой раньше, в расстроенных чувствах, – продолжала изливаться душа Елена. – И представляете... Застала своего мужа в спальне с какой-то девицей! Вот я ей в волосы и вцепилась, со злости. А он за неё ещё заступаться стал и меня по лицу ударил! После этой драки, я взяла все деньги, документы, косметику... Сунула в сумку с ноутбуком, и выбежала из квартиры в слезах! Пошла на автостанцию, села там в первый междугородний автобус, даже не глянув, куда... Мне было всё равно. Расплатилась с водителем, и всю дорогу рыдала, как ненормальная.

– И куда же привёз Вас этот автобус?

– В Судный.

– Так Вы сейчас там?

– Здесь.

– Подождите, я посмотрю по карте.

Конечно, на карте он меня не нашёл, поскольку городом, как таковым, я по сей день там не значился. А посёлков в нашем районе так много, что среди них очень легко затеряться. Пока этот Профессор меня там искал, Елена вдруг почувствовала, что её клонит в сон, быстренько с ним попрощалась, и закрыла ноутбук. Взглянув на часы, она даже порадовалась тому, что ей сегодня в ночную смену. А значит, святое дело – проспять весь день! Тем временем, весь мой народ просыпался, на моих улицах уже всюду гудел транспорт, а по Калининскому мосту через Летку, со звоном катился одинокий трамвай.

– Двери закрываются! Следующая «Мира», – объявил в микрофон водитель.

Сутулый медлительный старичок, тяжело приподнялся с места и, шаркая сандалиями по салону, направился к дверям. На улице Мира в моём Калининском районе, было множество общежитий, в которых мир царил далеко не всегда. Там всё время кто-нибудь напивался и дрался, ломился к соседям в двери, орал, выяснял отношения, или вовсе швырял камни в окно. Но этому тихому старику повезло. Он жил на шестом этаже одного из тех общежитий, так что, камни до его окон не долетали, а дебоширам и пьяницам подниматься туда было лень. Надо сказать, лифты, там почти никогда не

работали. Соседи не знали его имени, все звали его между собой просто Дед, а подростки прозвали «сомом» за длинные тонкие усы, и большой рот, как у одноимённой рыбы. На лавочке у подъезда, Деда уже дожидался Чёрт.

– И где же это мы по ночам прохлаждаемся? – насмешливо поприветствовал он старика.

– Сторож я, гаражи на том берегу теперь охраняю, – ворчливо ответил Дед.

– Ты наш уговор помнишь?

– Я всё сделал, как ты просил.

Сказав это, он протянул Беспятову цифровой фотоаппарат.

– Так-так... – злорадно произнёс тот, листая последние фотографии. – Стало быть, у нашего кандидата в мэры появилась белобрысая баба в очках! Постой, где-то я её уже видел... Ну, хорошо. Уже то, что они идут под руку, меня очень радует. Я тобой сегодня доволен.

Он сунул руку в карман, достал оттуда три ампулы, и вложил их в ладонь старику.

– Ты обещал заплатить, – напомнил ему Дед.

– Я и заплатил, – ухмыльнулся парень. – Денег ты теперь и сам зарабатываешь, да вот только здоровье на них не купишь! А как бы ты жил, да ещё и работал, без этих моих лекарств?

– Ты и вправду Чёрт! – выругался старик и, ворча, поплёлся в подъезд, убирая в кармашек ампулы.

Я знал, что Беспятовы собирают всяческий компромат на

Афанасия Коршунова, с чего имеют немалую прибыль от его главного конкурента. Но сам Афанасий об их интригах пока не подозревал. Он и не обратил внимания на деда, собиравшего во дворе бутылки, который несколько раз проходил возле его гаража. Общаясь с Еленой, которую тем утром предложил подвезти до работы, Коршунов не замечал ничего вокруг. Какое же ему было дело до старика, занятого, казалось, совсем не ими?

Сегодня он, как обычно, вышел погулять с Баргестом и подошёл к гаражу. Тот был заперт изнутри на задвижку и Афанасий решил не будить Елену. Подмигнув четвероногому другу, он приложил палец к губам, и тихонько ушёл. Баргест последовал за хозяином.

Амина и Катя, верхом на Ифеле, тем временем, добрались до дома.

– Вот тут мы живём, – показала Амина мальчикам.

– Спасибо, что покатали, – поблагодарила их Катя, первой слезая со скакуна.

Потом она протянула руки, и помогла спуститься Амине.

– Куда вы теперь? – поинтересовалась она у ребят.

– Я должен найти сестру, – ответил ей Кимаир.

– А я хотел бы разыскать здесь Иоанна, с которым мы так нехорошо простились у озера, – вздохнул Сиян. – Ким, ты ведь не будешь против, если я пока оставлю лист виденья у себя? Там его имя, а значит, я всегда смогу увидеть, где он находится.

– У тебя есть пира, – напомнил ему Кимаир. – Разве Судный не может тебе подсказать?

– Сказать-то он скажет, да только вот я здесь пока ничего не видел, и не пойму о чём речь, – пояснил тот. – А так, посмотрю и спрошу у него, где это. Сам подумай, тебе-то зачем сейчас этот лист?

– Ты мог бы вписать туда имя Бириссы, – ответил Ким. – А я потом так же спросил бы, где её искать.

– Ничего не выйдет, – разочаровал его Сиян. – Лист виденья настроен только на крёстные имена.

– То есть, на человеческие?

– Да, можно сказать и так...

– Ну, и ладно! – обиделся Кимаир. – Обойдусь я и без этих твоих игрушек!

Он впрыгнул в седло, и я поспешил подать голос, пока он не уехал.

– Ким! Ким! – закричал я, что было мочи, из пиры. – Подожди. Должен тебя предупредить, что в кольце реки Летки будет намного сложнее услышать меня без этой вот штуки. Это будет возможным, но лишь в моменты особого внутреннего настроения, в полном одиночестве и в тишине. А ещё сложнее это будет сделать коню, для которого на моих улицах всё окажется новым и непривычным. Я могу подавать знаки, как всякий город, но как же ты их увидишь?

– То есть, от тебя мне тоже помощи ждать не стоит? – переспросил тот.

– А не проще ли будет тебе смирить свою гордость, и остаться с Сияном? – предложил я.

– Не проще, – в один голос ответили мальчики.

– Что ж, – опечалился я, – тогда мне придётся свести вас с сестрой более долгой дорогой. Но, обещаю, вы встретитесь, как только она прибудет ко мне.

Похоже, что этот ответ Кимаира устроил. Он взял в руки повод, сжал ногами бока скакуна, и скрылся с ним вместе из виду, даже не попрощавшись с Сияном и девочками. Может это и правильно, ведь я сам не хотел их теперь разлучать, и очень надеялся, что они не раз ещё встретятся снова.

Амина и Катя вместе поспешили домой, пока их не хватились взрослые. А Сиян, достав из сумки лист виденья, приложил палец к строке с именем Иоанна. Тот ещё находился в селе Владимирском, и шёл от него по знакомой улице Советской, к сельскому кладбищу. За ним, как указал ему новый настоятель сельского храма, Игорь, находилась просёлочная дорога вдоль пшеничного поля, которая и должна была привести Ивана ко мне.

– Куда он направляется, Судный? – спросил у меня Сиян.

– Тот, кто ему нужен, служит в единственном у меня православном храме, – ответил я. – Это на улице Храмовой, недалеко от моего вокзала.

– А что такое вокзал? – поинтересовался мальчик.

– Такое место, куда автобусы приезжают.

– Кто-кто?

– Автобусы. Поезда и электрички ко мне не ходят, нет железнодорожных путей. Так что, вокзал у меня тоже только один. Может быть, до поры до времени.

Вообще-то, у меня хотели проложить железную дорогу, ещё когда я был советским селом. Мне даже платформу построили, уже вбили шпалы, и прикрутили к ним рельсы. Всё шло нормально, я помню, как в 1988 году устанавливали двуглазый светофор и сигнальный звонок, и как подключали их к электричеству. Потом привезли шлагбаум, и перегородили проезжую часть, где как раз собирались залить асфальт. Вот, его залили. Но шлагбаум так ни разу и не опускался, и я не уверен, что он вообще рабочий. Словом, всё железнодорожное сообщение у меня так и осталось на уровне той платформы, светофора и рельсов, по которым ко мне так и не пришла ни одна электричка.

– Да, сложно мне будет отыскать у тебя Храм Божий, – озадачился Сиян, который и близко не имел представления обо всех этих видах транспорта.

– Я для того и позвал тебя, чтоб познакомить с сегодняшним миром, – подбодрил я собрата. – Так иди, начинай знакомиться, и понемногу во всём разберёшься. А я, если что, подскажу.

Олег Краев в эту ночь дома не ночевал, к большому разочарованию Адоневича. Дежурный врач не вышел на смену, а работы было невпроворот, вот ему и пришлось остаться на сутки. Жене звонить, конечно, не стал, потому что знал,

как никто лучше, сколько времени длится начавшийся разговор с Алёной по телефону. Он просто скинул ей смс, и сразу же отключил свой мобильный. Теперь же, он поймал самую редкую у меня маршрутку с номером 40, единственную, на которой можно добраться до улицы Базовой. Правда, на Заречную она не сворачивала, но там нетрудно было дойти пешком.

Алёна Демидовна, тем временем, уже накормила своих гостей завтраком, и Катя помогала ей убирать со стола посуду. Окно в кухню было открыто настежь и, войдя туда с тарелкой в очередной раз, она увидела сороку на подоконнике. Та сверкнула одним жёлтым глазом, взглянув на девочку.

– Убирайся, – велела ей Катя. – Тебя только здесь не хватало!

И, схватив кухонное полотенце, она в раз прогнала птицу прочь, после чего закрыла окно.

– Ну, зачем же ты так на птичку? – удивилась Алёна. – Ты знаешь, вот я всегда со всеми животными ласкова! И они меня любят, ты знаешь, вот даже синички, всех боятся, а меня нисколечко! Мне прямо на руку могут сесть! Или на плечо, точно попугайчики!

– Это не синица, и не попугай, – напомнила маме Катя. – С ней шутки плохи, та ещё бестия!

Адоневи́ч поднялся из-за стола, и пришёл к ним в кухню, чтобы поблагодарить хозяек.

– Вам большое спасибо за ночлег, за такой радушный при-

ём, – произнёс он. – Но скажите, когда-таки уже придёт Ваш отец семейства?

– Да скоро должен быть дома, – ответила Катя.

– Ой, Вы знаете, он у нас такой работающий, – сразу принялась хвалить мужа Алёна, но Иосиф Залманович уже вышел из кухни, и быстро удалился во двор, чтобы покурить.

– Я тоже хотела бы повидаться с твоим Олежеком, – сказала Вера из прихожей.

– А я больше всех! – поддержала маму из-за стола Амина. – Дядя Олег хороший, я помню, как он лечил моего любимого дедушку.

– Как будто, у тебя другие дедушки есть, – рассмеялась Алёна Краева, но тут же поняла, что могла задеть за живое сестру, и повернулась к ней, – ой, прости, моя дорогая...

Вера с укоризной глянула на сестру.

– А мне одного хватало! – спасла ситуацию Аминка и, вскочив из-за стола, подбежала обнять маму. – Mamочка, если другой дедушка был по отцу, то мне такой и не нужен. Ведь папа на тебе не женился!

– Милая, – вздохнула Вера, – твой папа вовсе не был плохим человеком. Но жениться на мне не мог. У него уже была семья, были дети... – Так у меня есть сестрёнки и братики? – изумилась девочка.

Вера больше не могла сдерживать слёзы. Катя, слышавшая этот их разговор, подошла к Амине.

– Теперь я у тебя сестрёнка, – сказала она. – А другие,

наверное, ещё старше тебя, и играть с ними всё равно неинтересно. Особенно, если это мальчишки! Давай, лучше, торт есть?

– Я сладкое не ем, – отказалась девочка, и сразу утешать маму. – Не плачь, я больше не буду, честно!

Стоявший на крыльце Адоневич нервно курил вторую подряд сигарету, когда со стороны улицы Базовой, из-за угла, показался Олег. Чтобы не выяснять с ним отношения дома, при его близких, Иосиф Залманович затушил, и сам подбежал к нему.

– Здорово, Олень! – поприветствовал он давнишнего друга.

– Ёж, ты, что ли? – устало ответил тот – Ну, привет.

– Что с тобой? Ты мне-таки не рад? – съязвил Адоневич. – Повесил на меня, значит, кредит свой, а того, кто его за тебя до сих пор выплачивает, даже не рад увидеть?

– Да верну я тебе деньги, отстань! – безучастно отмахнулся от него Краев. – У меня просто семья теперь, а зарплата, сам понимаешь какая.

– Ну, ты Олень! – протянул Иосиф Залманович, поражаясь его наглости – У тебя вообще, что ли, нет никакой совести, даже в зачатках?! Да у меня чуть квартиру не отобрали из-за тебя!

– Ну, не отобрали же?

– Да, слава Гиппократу, я её на сына успел-таки переоформить! Он теперь там с молодой женой живёт, а мне где при-

кажешь жить? На помойке?

Краев обернулся и показал рукой на противоположную сторону улицы.

– Вон, видишь, тот дом на два хозяина? – спросил он. – Там хозяин один всего, вот и сними у него полдома. И я у тебя буду под боком, и ты под крышей.

– Смеёшься? Я и печь там разжечь не смогу, угорю раньше, и выгонит меня этот хозяин!

– Тогда где-нибудь на Калинке жильё присмотри.

– У меня денег, только на бензин!

Надеясь решить вопрос миром, Краев вынул из бумажника пару тысяч и даже все сотни ему отдал.

– Тут цены другие, – пояснил ему Краев. – Этого хватит не только на съём жилья. А остальное, я тебе потом, со временем, выплачу, честное слово!

– Жильё я сниму, – сквозь сжатые зубы процедил Адоневич. – Но вот тебе, Олень, и твоему слову я теперь ни за что не поверю! И никогда не прощу! Слышишь?

– А ты меня слышишь? Сказал, верну! – повторил Краев. – Я и не жду, что ты мне долг простишь.

Видя, что слов тот не понимает, Адоневич двумя руками ухватил его за грудки, и поднял Краева над землёй, сантиметров на пять. Затем, прижал его спиной к придорожному фонарю, надавив костяшками в грудь со всей силой.

– Знаешь, почему я лишился работы? – с ненавистью произнёс, дыша в лицо должнику. – Потому что коллекторы на-

званивали туда и рассказывали начальству, какой я у них ненадёжный! Тебе известно, сколько лет я этой клинике посвятил! 15 лет! Она ровесница моего стажа, это ты понимаешь? И меня попросили оттуда, из-за тебя! Так что, теперь, Олень, даже если ты выплатишь мне больше, чем должен... Всё равно сколько! Клянусь щелевой лампой, я тебе твоей подлости не прощу!

– Успокойся, Ёж! – тщетно отталкивал от себя его руки Краев, и пинал его в голень, но не мог справиться, так как чересчур сильно устал за минувшие сутки.

Адоневич и сам несколько подустал так его держать, когда уже выпустил пар, но злости в нём было ещё достаточно много. Я не знаю, чем бы всё кончилось, если бы в этот момент к ним не подоспел Иван Крепцов, который как раз добрался до моей окраины через рошу.

– Отпустите его, что Вы делаете! – вступился он за Олега.

– Не лезь, поп, – ответил ему Адоневич. – Я слишком долго этого ждал!

– Сейчас же уберите от него руки! – не отступал Крепцов, и принялся сам оттаскивать его от Краева.

Я связался с Сияном, который уже поднимался по лестнице на пешеходную дорожку над тоннелем через реку Летку. Это было достаточно далеко, две автобусных остановки, но при желании, пробежать можно было довольно скоро.

– Ты рано ушёл, братец! – сказал я ему. – Вернись к тому дому, тот, кого ты ищешь, сейчас там, разнимает двоих

мужчин.

– Ты же знаешь, я в драки не вмешиваюсь, – отозвался он. – Если Иван идёт по моим следам, лучше, я просто подожду его здесь. Он ведь всё равно не пройдёт мимо этого перехода.

Решив так, он остановился и присел на одной из площадок лестницы. Потом достал из сумки лист виденья, и принялся наблюдать за событиями у дома Краевых, глазами Ивана.

Тому, тем временем, уже удалось помочь Краеву, теперь все трое могли немного перевести дух. Я тоже вздохнул с некоторым облегчением.

– Что на Вас нашло? – спросил Иван их обоих.

– Накипело! – ответил на выдохе Адоневич. – Да этот Олень всю жизнь мне переломал! Я доверял ему, как лучшему другу! Чем он и воспользовался, токсикароз собачий! Скинул на меня свой кредит, сам скрылся, купил тут дом, а я из-за него остался теперь без квартиры! Сколько судов я прошёл! Сколько потратил денег и нервов за эти годы!

– Как Вас зовут? – поинтересовался Иван.

– Иосиф, – представился Адоневич.

– Я Олег, – следом назвалсЯ Краев и пояснил: – Это у нас со студенчества клички такие, Ёж и Олень. Мы ещё с аспирантуры дружим.

– Дружили! – поправил его Адоневич.

– Иосиф, – улыбнулся ему Иван, – и как же Вы, с таким именем, прощать не умеете? Знаете, один Ваш тёзка, прощал

своим обидчикам куда большее зло.

– Сравнили! – рассмеялся тот. – Он во дворце жил, а я третий месяц в машине ночую! Пока работал, спал на стоянке у клиники. А как уволиться попросили, поехал разыскивать этого паразита!

– А Вы оба крещёные? – поинтересовался Крепцов. – Вам бы о примирении враждующих заказать молебен. И об умягчении злых сердец, Богородице.

– Я – нет, – сказал Краев. – Я атеист.

– Ну, меня макали в купель, ещё сосунком, – ответил Иосиф Залманович. – Мать с бабушкой настояли. Только я тоже атеист, и в сказки не верю. Но Библию прочитал, ради интереса.

– А послание Ефесянам, четвёртую главу, читали? – напомнил Иван, – где говорится: «Гневаясь – не согрешайте: да не зайдёт солнце во гневе вашем!»

– Так это же Ефесянам сказали, не нам! – отшутился в ответ Адоневич.

Иван Крепцов очень искренне рассмеялся, оценив его чисто еврейский юмор.

– Нам этих проповедей тут не надо, – продолжил тот, – проблему ими решить всё равно не получится.

– Но Вы можете изменить своё отношение к ней, – предложил Крепцов – Когда кажется, что простить нельзя, вспомните, сколько прощено было вам, и ведите себя достойно!

Не знаю, повлияли ли эти слова как-нибудь на Адоневича,

но страсти немного остыли.

– Дай мне свой номер, – попросил у него Олег Краев. – Я позвоню, когда у меня появятся ещё деньги. И ты мой телефон запиши, на случай, если вдруг я тебе понадобится.

На этом и попрощались. Адоневич сел за руль и поехал искать жильё в районе Калининском, а Краев пошёл домой отсыпаться после тяжёлых суток. Иван же, продолжил свой путь ко мне, за реку, и встретил на лестнице уже знакомого ему мальчика в русской рубахе.

– Ты что, преследуешь меня? Не пойму, – удивился он.

– Подожди, не уходи, – остановил его Сиян, видя, что Иван собирается пройти мимо. – Если ты не хочешь меня видеть, я пойду с тобой так, что никто не увидит меня.

С этими словами, он сжал в кулаке свой нательный крестик, и на глазах у диакона тотчас же растворился в воздухе. А разжав руку, снова возник перед ним, с довольной улыбкой.

– Да кто ты?! – изумился Иван. – Не смущать ли меня поставлен?

– Нет, не бойся, – заверил его Сиян. – Пойдём в Божий Храм вместе, а то, самому мне его тут долго придётся искать. А я обо всём расскажу тебе по дороге.

Глава 7. Медовая плазма

Кимаир не знал, как ему быть одному в незнакомом месте, которого он даже не видел, но отчаиваться и опускать руки не собирался. Его гордая и уверенная осанка говорила сама за себя. Не знаю, было ли ему страшно, но в том, что он отнюдь не считает свои возможности ограниченными, я нисколько не сомневался. Сейчас они с Ифелом были у фонтана в моём Привокзальном парке. Кимаир привёл к нему своего скакуна, услышав шум воды, а уж тот сам подсказал ему, как безопаснее подойти к источнику. Мальчишеское воображение Кимаира нарисовало образ небольшого речного каскада. А брызги воды, вблизи долетавшие до его лица, дополнили эту картину крутым каменистым спуском. Но Ифел уверенно шёл вперёд, не видя преграды, и мальчик полностью ему доверял. Он протянул руку и опустил пустой мех в холодную проточную воду, к которой наклонил морду его верный конь. Фыркающая над ней, тот подёргивал ушами, словно его что-то смущало.

– В чём дело? – спросил у него Кимаир. – Почему ты не пьёшь?

Конь затряс головой, и издал тревожное ржание. Тогда, Ким понял его, и бросил на землю мех.

– Вода отравлена, – догадался он. – Нужно предупредить горожан.

– В этом нет необходимости, – послышался у него за спиной насмешливый женский голос, – тут все и так давно знают об этом.

– Вам известно, кто мог это сделать?

– Конечно. Целлюлозная фабрика и фармзавод.

– Они просто безумцы, если пошли на такое!

Близилось время обеда и Афанасий Коршунов, чтобы прогулять аппетит, как раз приехал в этот же парк на машине, вместе с Баргестом. Тот, бегая, как обычно без поводка и намордника недалеко от фонтана, почему-то счёл своим долгом порычать на неведомое ему большое животное. Афанасий поспешил подойти, чтобы успокоить его, но сделал это крайне неосторожно. Когда он приблизился к скакуну сзади, тот, и без того напряжённый лаем крупной собаки, в миг изогнулся и лягнул его копытом в живот с такой силой, какая есть в ногах каждого скакуна. Афанасия отбросило назад метра на три. Поняв, что произошло, Кимаир метнулся к нему. А Баргест, решив, что виновник этого происшествия теперь ещё и сам покушается на его раненого хозяина, догнал мальчика и впился ему зубами в ногу. Кимаир вскрикнул, сначала от неожиданности, но уже в следующую секунду истошно орал от боли. Седой мужчина в очках первым подошёл к нему. Отгоняя пса, он стал хлестать того тростью по морде, но пёс не сдавался. Вскоре на крик мальчика обратил внимание весь гулявший в парке народ, но никто из них не решался подойти и близко к разъярённой большой собаке.

Вместо этого, сразу несколько моих граждан, гулявших в парке и видевших это, пришли на помощь хозяину этого пса, корчившемуся на земле от боли. Но тот, к огромному удивлению очевидцев, уже сам пытался подняться, лишь стиснув зубы, и держась за живот.

– Вы в порядке? – участливо суетились люди. – Я звоню в «Скорую»!

Он Вас чуть не убил!

– Нет, этим меня не убьёшь! – заверил их Афанасий. – Всё равно, большое всем вам спасибо.

Почти все те, кто видел произошедшее в считанные мгновения, так испугались за мужчину, и за этого мальчика, что оцепенели на месте. Другие, стали расходиться, уводя из парка детей.

Немного придя в себя, Коршунов подошёл и унял своего пса в мгновение ока.

– Сильно укусил? – побеспокоился Афанасий, осматривая рану на ноге Кимаира. – Нужно в больницу!

Он прикоснулся пальцем к краям рваной раны мальчика и тот вдруг почувствовал, как боль в ноге сразу же унялась, будто этот человек знал какую-то особую точку. А люди, ещё оставшиеся на месте событий, увидев его, без страха присевшим рядом с собакой, вдруг признали в мужчине кандидата на пост мэра города.

– Да это же сам Афанасий Коршунов! – крикнул кто-то из горожан. – Тогда всё понятно!

– О Вашей исключительной неуязвимости ходят легенды! – воскликнула следом женщина в белой шляпке. – Я по телевизору видела, как Вы через окно залезли в горящий автомобиль и помогли выбраться водителю, которому в той аварии ноги сдавило!

– А я читал, что Вы прыгали в реку с Калининского моста! – продолжил за ней какой-то парнишка. – Там любой бы разбился насмерть!

– Поверьте, я просто купался, – смущённо улыбнулся на это Коршунов, – к тому же, Баргест ждал меня внизу, у воды. Он точно не дал бы мне утонуть. Это мой ангел-хранитель!

– Вы удивительный человек! – наперебой зашумели граждане. – Настоящий феномен!

Но когда у них на глазах, Афанасий, только что получивший удар такой силы в живот, ещё и взял на руки мальчика, которого покусала его собака, люди сразу притихли, и стали молча ему аплодировать.

– Никого не смущает, что его зверь чуть ребёнка не растерзал?! – раздался позади них тот же звонкий женский голос с ядовитой усмешкой – Тоже мне, «ангел»! Этот пёс монстр, следует усыпить!

Коршунов обернулся и увидел Анчуту Беспятову, стоящую у фонтана, играя монеткой в руке. В этот раз, она оделась не так женственно, как на митинг: в короткую жёлтую блузку и чёрные шорты, которые идеально прилегали к её стройной талии, ни от кого не скрывая не менее стройных

ног. К тому же, она распустила свои длинные рыжие волосы, и те, как медь, искрились на солнце. На её лице светилась улыбка, неизменно алых сомкнутых губ.

– Разве на таких собак не полагается надевать намордник в общественном месте? – спросила она, даже не притворяясь, будто опечалена тем, что произошло. – Вы нарушаете закон, гер Коршунов! Или считаете всех столь же неуязвимыми, как Вы сами?

– Баргест – наполовину волк, – напомнил ей Афанасий. – А волкам нельзя сковывать пасть, иначе они будут чувствовать себя пленниками, и хозяина считать своим главным врагом.

– Тогда его нужно держать в зоопарке! – рассмеялась Анчута. – Куда смотрит милиция?

На самом деле, ей было известно, почему Афанасий не держит Баргеста на поводке. Этот пёс был так же неуязвим, как и его хозяин. Пуля прошла бы сквозь него, как сквозь тень, а яд не подействовал бы и вовсе, пока тот оставался свободным от клетей и цепей.

– Я отвезу пострадавшего в больницу и если его родители решат подать на меня в суд, там знают, куда присылать повестку! – ответил на это Коршунов и, более не обращая внимания на Анчуту, понёс мальчика к своей машине, припаркованной за малыми воротами парка. Баргест последовал с ними.

Но Кимаир тут же потребовал его отпустить.

– Как же мой конь? – беспокоился он. – Как же Ифел?

– Малыш, с такой раной ты вряд ли сможешь сейчас ехать верхом, – заверил его Афанасий.

– Но идти-то я сам могу! – сказал Кимаир. – И никакой я Вам не малыш!

– Ну, как скажешь, – уступил ему Коршунов. – А ты не боишься мою собаку?

– Да что я, по-Вашему, трус?

– Я этого не говорил.

Афанасий поставил его на землю.

– О твоём коне позаботятся, не волнуйся, – пообещал он мальчику. – А в больницу тебе обязательно нужно. Это так просто не заживёт!

– А Вам, почему ничего не сделалось? – недоумевал Кимаир. – У Ифела ведь очень сильные ноги! Вас самого сейчас должны на руках нести, а Вы меня носите! Вы, правда, неуязвимы?

Коршунов загадочно улыбнулся.

– Нет, конечно же, как и все, я смертен, – ответил он. – А неуязвимым меня отчасти делают те, кто так искренне за меня переживает. Ведь все так испугались, когда меня лягнул конь, что я просто не мог пострадать от этого! То же самое было и прежде. Но, разумеется, я и сам всякий раз запрещаю себе попадать в больницу, и тем более погибать. Кто же тогда будет заботиться о моём Баргесте? Ну, пойдём в машину, а то, ты сейчас истечёшь кровью.

Я искренне восхищался его редким умением уходить от ответа, уводя разговор в сторону. Без этого, Афанасий никогда не стал бы успешным предпринимателем и политиком. Он умел отвечать на вопросы правдиво, но так, будто на них и не отвечал, и мог не ответить так, будто уже ответил. Причём, все оставались этим довольны. Потому что Коршунов обычно переводил разговор, касающийся своей персоны, на разговор о том, что куда больше должно волновать собеседника – то есть, на него самого. И это всегда срабатывало.

А вот Иван Крепцов явно не обладал такой способностью и на все расспросы Сияна по пути к храму отвечал открыто, как на духу. Он показал мальчику городской транспорт и немного ознакомил его с правилами уличного движения. На словах объяснил, что такое трамваи и поезда. Сиян с интересом слушал, глядя по сторонам, и всему дивился.

– У моих людей тоже есть техника, но другая, – сказал он диакону. – Им нет особой необходимости передвигаться на больших скоростях. Зато, чтобы не заблудиться в лесу, они сделали себе пару незаменимых приспособлений.

Он вынул из сумки какой-то небольшой плоский предмет круглой формы. Задняя стенка его была сделана из меди, а спереди в него была влита стеклянная линза. Сиян надавил на край этой штучки пальцами, и она раскрылась у него в руках, точно пудреница, или такая шкатулка. И, хотя сама эта вещь была почти плоской, внутри неё, к удивлению Ивана, оказался белый шарик, величиной со среднее яблоко.

– Что это такое? – не понял Иван.

– Это световолоконный прибор, путеводный клубок, – пояснил ему Сиян. – Он может указать путь, но не ко всем и не всякому. С его помощью, можно без труда найти любого кровного родственника, а также крёстных родителей, или наоборот, своего крестника. Супруги, если они повенчаны, тоже найдут друг друга. Но чужие друг другу люди – уже не смогут.

– Интересная вещь, – оценил Крепцов. – Давай её прямо сейчас и испробуем! Отец Николай мой крёстный, и приёмный отец.

– Ладно, – согласился Сиян. – Но учти, что клубок поведёт тебя кратчайшим путём, огибая лишь рытвины и канавы, а с вашими правилами дорожного движения его не ознакомили!

– Тогда не надо, – рассмеялся Иван, и полюбопытствовал. – А он быстро движется?

– Скорость можно отрегулировать с помощью его короба, – объяснил Сиян. – Ещё, можно подсветку включить, чтобы клубок был хорошо виден в тёмное время суток. Правда тогда силушка у него быстрее иссякнет, и придётся потом его в коробе некоторое время держать.

– А там что, какой-то источник питания? – поинтересовался Крепцов.

– Там слова, – пояснил Сиян. – В них и есть его сила. Он от слов одухотворённых работает.

– Так можно ведь, просто их над клубочком произнести?

Слова эти, – предположил Иван.

– Нет, – улыбнулся Сиян. – Ты не понимаешь. Это тебе не чудесничество, чтоб шептать. Там другое... Эти слова выстроены в определённом порядке, с заданной для них частотой.

– У нас это называется кодом, – подсказал я собрату.

Иван ненадолго задумался.

– У меня здесь ещё много полезных устройств, – признался Сиян. – В основном такие, чтобы не потеряться. Ведь согласишься, что и ты не пошёл бы в неизвестный тебе другой мир, не взяв с собой каких-нибудь нужных тебе предметов?

– А что там ещё у тебя? – поинтересовался Иван.

– Разное, всего сразу и не покажешь, – ответил мальчик. – Вот, листом видения могу научить тебя пользоваться. Только в нём пока всего одно имя, твоё! А впиши в него крёстные имена других людей, и сможешь увидеть мир их глазами.

– Такое возможно? – усомнился Крепцов.

– Это один из самых простых приборов, – рассмеялся Сиян. – Даже Кимаир, и тот справился!

Он показал Ивану лист видения, и достал медную спицу со светящимся острым концом.

– Чьё имя здесь начертать? – спросил он диакона.

– Знаешь, есть один человек, за которого я, признаться, немного волнуюсь, – ответил тот. – Его зовут Иосиф. Посмотреть бы, чем он сейчас занимается, и не готовит ли он план мести своему должнику.

– Крещёный?

– Да.

– Что же, давай посмотрим.

Иосиф Залманович, чьё имя Сиян выводил в эту минуту ровными буквами на листе, только что нашел для себя недорогое жильё в моём Калининском районе, на улице Мира. Комната, которую он решил снять, находилась на 8 этаже общежития, и плата за месяц была действительно небольшой.

Адоневи́ч таких цен нигде никогда не видел.

– А в чем-таки, подвох? – спросил он с недоверием пожилою вахтёршу в платочке, пока та вносила его данные в журнал проживающих. – Что здесь? Крысы? Клопы? Тараканы?

– Общий санузел, душ, и кухня, на весь этаж – ответила та, не отрывая карандаша от листа. – Вы сами всё видели, чего тогда спрашиваете? Вот вам ключ.

Она положила ему в руку длинный железный штырь с зубьями, по виду напоминавший пилку с отверстием для кольца.

– Спасибо, – поблагодарил её Адоневи́ч, и отдал ей полторы тысячи за первый месяц.

Условия проживания там, конечно, были не сказка. В комнате, которую он снял, из всей мебели был только диван, облезлый табурет и небольшой столик с полочкой для журналов. Под окном с почернелыми двойными рамами протянулась ржавая конверторная батарея. С потолка свисала лампа без абажура, на изогнутом проводе. У стены лежал свёрну-

тый в рулон половик, а за стенкой храпел сосед, да так громко, что казалось, будто его прямо в этот рулон закатали.

– Да... – протянул Иосиф Залманович, поглядев ещё раз на это убранство. – Удружил Олень, спасибо тебе, век не забуду! Чтоб тебя, с особняком твоим смыло, как Тонис-Гераклиос, нажившийся на разорённых македонцами землях!

Я внимательно вслушался в слова этого проклятия. Оно показалось мне даже поэтичным, и произнесено было не столько с ненавистью и злобой, сколько с болью, обидой и горечью. От этого, красивые сами собой образы и слова, оказались пропитаны гаввахом высочайшего качества, как бисквит – медовым сиропом. Мне даже сделалось страшно за Адоневича, когда я представил, какие мухи слетятся на этот мёд! Оставалось надеяться, что хотя бы красота речи разбавит собой негатив и тем самым задержит поток гавваха, снизив его мощь и силу.

Иосифу Залмановичу повезло, что самые опасные из этих мух, были на тот момент далеко за рекой, в моём Привокзальном парке. Настоящие очевидцы произошедшего там уже разошлись по домам, к тому времени, как на место прибыл лейтенант Волюка. Но свидетелей, готовых дать ему показания, было достаточно и без них.

– Я стояла здесь, у фонтана, и видела, как мальчик пытался напоить из него своего коня, – говорила Анчута. – Конь был спокоен, пока его не обляял пёс Афанасия Коршунова. Потом, он и вовсе укусил мальчика, да так сильно, что чуть

не отгрыз ему ногу!

– А какой породы была собака? – уточнил лейтенант.

– Это ужасный пёс-полуволок, но от собаки он только чёрный окрас унаследовал! – пояснила Анчута. – А в остальном – самый, что ни на есть, волчище! На нём не было намордника, и хозяин даже не думал выгуливать его на поводке! Бегай, где вздумается, кусай, кого хочешь!

– И этот человек ещё в мэры города баллотируется! – воскликнул тот седовласый мужчина с тростью, что первым пришёл ребёнку на помощь. – Он нарушитель общественно-го порядка!

– Именно! – поддержала его Анчута. – Именно! Закон, будто написан, вовсе не для него!

– Для всех, кроме него! – буркнула рядом с ней какая-то старушка в зелёном платочке.

Нил Иванович Волюка всё записал с их слов, и поглядел на коня.

– А это, конь потерпевшего? – спросил он Анчуту.

– Да, того мальчика, – ответила та. – Которого, всего в крови, сразу же увезли в больницу!

– Должно быть, он из клуба верховой езды посёлка Конезаводского, – предположил Волюка. – Что же, я с ними свяжусь. Коня нужно вернуть, вот и спрошу о мальчике. Как он выглядел?

– На вид, лет 12-13... Прямые чёрные волосы, смуглая кожа, – припоминал мужчина в очках. – Одет он был странно.

Может, у них теперь форма такая в клубе? Прямая, синяя, похожая на сорочку без рукавов, и с ремнём из металла.

– Это называется хламида, – просветила его Анчута. – Простая и удобная одежда, в самый раз для такой жаркой погоды. А в больницу его увёз сам же Коршунов, чтобы все кругом только и говорили, какой он заботливый и хороший!

– Понятно, спасибо за информацию, – кивнул Нил Иванович, всё записав в блокнот.

Потом, он подошёл к вороному коню, и с серьёзным видом наклонил к его морде ухо.

– Ну, а ты, что скажешь, дружок? – спросил он у скакуна. Ифел насмешливо фыркнул, подёрнув ухом.

– Эх, макароны для короны! – рассмеялся сам над собой Волюка. – Умел бы ты ещё говорить!

– У меня есть телефон клуба в Конезаводском, – сказал лейтенанту седой человек в очках.

– Диктуйте, – принялся записывать Нил Иванович.

Близился вечер, на часах уже был пятый час, и Елена Дугина, хорошо выспавшись за день, теперь заступила на смену. В отделении было, как всегда, шумно, из игровой комнаты по всему этажу разносились детские визги и голоса.

– К нам днём поступил слепой мальчик, его в седьмую палату определили, – сообщила ей медсестра дневной смены, передавая журнал. – Аир, 13 лет, рваная рана на ноге, сильно покусала собака. И знаешь, кто его к нам привёз? Сам Коршунов! Ну, тот, кандидат в мэры!

– Понятно... Аир, это что, его имя? – не поняла Елена.

– Фамилия, как мы поняли, – пояснила ей сменщица. –
Зовут его Ким, вроде бы.

– Забавное сочетание имени и фамилии, Ким Аир! – от-
метила Дугина. – Вместе созвучны с названием древнего го-
рода Кимаира.

– Точно, – рассмеялась её коллега, – я и не обратила вни-
мания. Все больше Коршунову удивились! В общем, маль-
чишке этому прививку от столбняка поставили и от бешен-
ства первую. В перевязочной наложили 6 швов! Страшная
рана.

– Какой-нибудь антибиотик назначили? – спросила Елена.

– Да, пока стандартный четырёхдневный курс бензилпе-
нициллина, – ответила медсестра. – Но врач сказал ещё на
ночь сделать пробу на цефуроксим. Суспензия есть в проце-
дурном, в стеклянном шкафу, на второй полке слева.

– Спасибо, – кивнула Дугина, взяв у неё из рук журнал
смены – Температурыщих нет?

– Только с утра, 38, 2 у Петрова. А так всё нормально.

– Ясно.

– И, вот ещё что... Проследи, пожалуйста, чтобы Кашина
не отдирала повязку! Она всё время смотрит на свою руку,
как там ожог заживает. Может, чешется он у неё. Краев вчера
ругался.

– Хорошо, Крисенька, прослежу. Ты иди!

– Ладно. Удачи!

Елена и не подозревала, что кандидат Коршунов – и есть тот самый Афанасий, в гараже у которого она поселилась. И то, что это его собака могла покусать мальчика, ей даже в голову прийти не могло. Она обошла все палаты, но в итоге, нашла новенького в холле, где тот, с другими детьми примерно того же возраста, сидел перед телевизором. О нём уже говорили в новостях на местном телеканале.

– Да ты знаменитость! – с шутливой завистью сказал один из ребят, хлопнув по плечу Кима.

– А почему тебя самого не показывают? – поинтересовался другой.

– Потому что это прямой эфир, – пояснила детям Елена. – Репортёры там, а Ким здесь.

В кадре, действительно были только очевидцы произошедшего.

– Мы намерены добиваться, чтобы пса усыпили! – распялась перед камерой Анчута Беспятова.

– А Коршунова к ответу! – подхватил за ней седой мужичок, гневно размахивая в воздухе тростью. – Что это за безобразие?! Его судить следует, а не избирать в мэры!

Елена переключила канал и, на удачу, попала на забавный мультфильм про казаков.

– Смотрите мультфильм, – сказала она. – От предвыборного балагана тошнит уже даже взрослых.

– Но Ким ведь не может смотреть это с нами, – напомнила медсестре девочка с марлевым тампоном на глазу. – Тут одни

действия под музыку, а у него оба глаза не видят.

– А я тоже не могу это смотреть, – усмехнулся с ней рядом самый старший среди мальчишек. – Такой отстой... Ты не много потерял, Кимми!

– Давно ты потерял зрение? – поинтересовалась Елена у новенького. – Давно, – честно ответил тот.

– А как?

– Меня ослепили пришельцы.

Дети разом расхохотались, услышав такой ответ, а ребята постарше были горды за Кима. Им очень понравилось, что он не плачется о своей болячке, а даже шутит по этому поводу.

– Круто! – поддержал новенького старший мальчик. – Много их было?

– Я видел двоих, – признался тот. – Может, их было и больше.

– А на кого они были похожи? – принялись расспрашивать дети.

– Они приняли облик людей, но способности у них были не человеческие, – пояснил Ким.

– Всё понятно, – перевела для ребятшек Елена. – Играл в шлеме виртуальной реальности. Сражался с пришельцами, напрягал зрение, пытаюсь разглядеть их в темноте... Тут они и ослепили игрока своими яркими бластерами. И мрак наступил уже не в игре, а в жизни.

Она не заметила, что за спиной у неё стоит Олег Краев, который, толком не отоспавшись днём, всё же вышел дежу-

рить в ночь, так как его самого подменить оказалось некому. Краев был явно не в духе, усталый и злой на весь мир, он не упустил возможности в очередной раз указать место младшему персоналу.

– Да Вы, талант, Дугина! – съязвил он. – На духу сочинили историю болезни моему пациенту!

– Я лишь предположила, – смутилась Елена. – Где, как не в компьютерной игре, его могли атаковать пришельцы из космоса?

– У ребёнка богатое воображение, – осёк её Краев. – Не удивлюсь, если он скажет, что и ногу ему покусал не пёс, а зомби, вылезший из-под земли. А Вы и уши развесили! Идите, займитесь делом!

Елена уже собиралась удалиться на сестринский пост, но врач задержал её.

– Если Кашина ещё раз разматывает бинт, я ей руку по локоть отрежу, так ей и передайте! – процедил он сквозь зубы. – Будто мне больше делать нечего, как перевязывать её по сто раз на дню! Медсёстры ведь, у нас этим не занимаются!

Сказав это, Краев сам удалился с её глаз, быстрым размашистым шагом. Само собой, Елена не собиралась пугать девочку его чёрным врачебным юмором. Детей как раз позвали на ужин, и больничный холл быстро опустел. Мальчишки вперёд всех побежали в столовую, а девочки – в умывальник. Кимаир тоже поднялся с кресла в холле, и пошёл поза-

ди других.

– Давай, я тебя провожу, – предложила Дугина, заботливо взяв его за плечо.

– Да не заблужусь я в прямом коридоре! – отказался Ким, и резко отдернул руку.

«И правда, гордый Кимаир!» – отметила про себя Елена, поглядев ему в спину.

Стоило ей отвернуться, как из коридора донёлся звон железных тарелок, опрокинутых с передвижного столика для посуды. Раздатчица составила их там большой стопкой, которую Ким случайно задел на входе в столовую. Причём, некоторые тарелки оказались в бачке с жидким соусом и гуляшем. По архимедовому закону, гуляш уступил им место внутри бачка, а сам оказался снаружи. И всё бы ничего, вот только снаружи – стояли кружки, подготовленные под компот. Теперь же, вместо компота, в них была эта горячая жижа с кусочками мяса.

Детей это очень развеселило.

– Ким, садись к нам, – позвали новенького мальчишки. – И мясной компот захвати!

– По-вашему, это смешно?! – рассердилась на них раздатчица. – Живо, тряпки взяли, и всё вытерли, раз такие весёлые! А ты... – она повернулась к Киму, – марш в палату, будешь есть там, как лежачий. И чтобы больше в столовую – ни ногой!

Пожав плечами, тот пошёл вдоль стены в седьмую палату.

От столовой она была вторая и носить туда еду не составило бы труда. Наложив ему порцию, раздатчица сама отнесла её мальчику, пока двое ребят вытирали в столовой пол.

Тем временем, в Конезаводский посёлок, к детско-юношескому клубу верховой езды прибыл милицейский автозак, с единственным «заключённым». Тренер клуба, стройная молодая женщина с коротко остриженными кудрями, выбежала открыть высокие ворота на территорию. Но сидевший за рулём капитан Лагерев не видел необходимости загонять за ограду сам автозак, чтобы потом не искать, как лучше там развернуться и выехать. Вместо этого, он толкнул в бок сидевшего с ним рядом лейтенанта Волюку, и тот вылез из кабины, поприветствовав тренера и представившись по уставу.

– Здравствуйте, это Вы нам звонили? – звонко спросила женщина. – Вы привезли жеребца?

– Так точно, – кивнул Нил Иванович. – Пойдёмте, сами посмотрите.

Он обошёл фургон и, открыв дверцу, поднялся внутрь. Однако, вороной конь был чересчур напуган, ведь его раньше не перевозили рычащих грохочущих и дурно пахнущих фурах, так что теперь, он упрямился, и не желал выходить. Мало ли, что ещё могло ждать снаружи?

– Нет, ну, как осёл! – смеясь, сообщил тренеру Волюка, оставив тщетные попытки вывести Ифела из фургона. – То залезать не хотел, теперь вылезать не хочет!

– Он Вам не доверяет, – догадалась та.

– А давайте я попробую, – раздался из-за спины лейтенанта звонкий девчачий голос.

Нил Иванович аж завертелся влево-вправо с растерянным видом, пока не увидел стоящую позади него загорелую девочку, лет четырнадцати. Я сразу узнал её по веснушкам, и по этим кудрявым каштановым волосам, которые не расчесать... Это она прогуливалась тогда на гнедой кобылице, вдоль просёлочной дороги в моих окрестностях.

– Моя дочь, Регина, – представила её лейтенанту тренер. – У нас нет такой лошади, к которой она не нашла бы подход.

Девочка забралась в фургон и, тихонько окликнув коня, приблизилась к его морде. Тот сразу попятился, и принялся нервно хлестать себя пышным хвостом по крупу.

– Кто же так коротко остриг тебе гриву? – сочувственно спросила Регина, проведя ладонью по холке Ифела. – Видно, ленивые у тебя были хозяева. За твою стрижку, я пока буду звать тебя Стрижиком. Это такая быстрая чёрная птичка. Видел таких?

Конь затряс головой.

– Не видел? – заулыбалась девочка. – Ну, пойдём, покажу. У нас их тут много. Идём наружу.

Потом она взяла его за короткий повод, и плавно повлекла за собой. Уж, я не знаю, какой магией владела эта девчонка, но конь послушно последовал с ней к выходу, хотя навряд ли его взаправду интересовали стрижи.

– Он не из нашего клуба, – с уверенностью сказала лейтенанту мать девочки.

– Ну, коржики-моржики! – с досадой протянул тот. – Куда же я его тогда дену?!

– А может, ему остаться у нас, пока Вы не найдёте его хозяев? – предложила Регина.

– С меня мороженное! – тут же воскрес улыбкой Волюка, и надеждой поглядел на тренера.

– Что ж, – согласилась та, – почему бы и нет. Помогать милиции гражданский долг каждого.

Радостный, как при виде торта, Нил Иванович от души поблагодарил их обеих, и, точно мяч, заскочил в кабину громоздкого автозака. Капитан Лагерев, по всей видимости, слышал каждое слово, поскольку не задавал вопросов по поводу скакуна.

– Как Вы долго, – сухо сказал он лейтенанту. – Вам ещё нужно поговорить с потерпевшим.

– Это можно и завтра, – отмахнулся Волюка. – Ведь поздно уже, и есть очень хочется.

– Согласен, – кивнул капитан, – пока доберёмся, пока машину вернём, в больнице уже и отбой будет. Но завтра, чтоб не позднее 12-ти! Работы много.

– Что я Вам, Золушка? – рассмеялся Нил Иванович. – А как же обед?

– Лейтенант Волюка, – с негодованием одёрнул его Лагерев.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – со вздохом ответил Волюка.

Правда, в моей многопрофильной детской больнице спать пока ложиться не собирались. Спустя примерно полчаса после ужина, Елена зашла в палату, откуда доносился чей-то безудержный плач. Узнав в заплаканной белокурой девочке самую маленькую пациентку в отделении, Аню Кашину, Елена подошла и присела возле неё.

– Кашина? – обратилась она к малышке. – Кашина, что случилось?

– Мальчишки сказали, что доктор отрежет мне руку, – ответила та, захлёбываясь рыданиями, и вдруг заревела в голос на выдохе. – До локтя! А может, и по плечо!

– Что ты! – обняла девочку медсестра. – Нашла кого слушать! Они просто глупости сочиняют!

– А они все говорили, что сами слышали, – не унималась девочка, – что он так сказал!

– Неправда, – ласково заверила её Дугина. – Это они специально тебя пугают. Не плачь!

Заведующая отделением, Гордея Васильевна, которая изрядно задержалась в отделении, и как раз уходила домой, тоже услышала рыдания из пятой палаты.

– Это кто у нас так сладко плачет? – поинтересовалась она, глянув на девочку. – Кашина? Что с тобой? Ты же такая храбрая девочка!

– Но мне страшно! – рыдая, призналась та. – Доктор ска-

зал мальчикам, что отрежет мне руку!

– Страшно? – заинтересовалась Стражникова. – Я никуда не уйду, пока ты не успокоишься, и не расскажешь, кто тебя так испугал.

– Но Вы же и так задержались, Гордея Васильевна, – побеспокоилась Елена, – я её успокою.

– Нет-нет, – настояла та. – Если её испугал кто-то из врачей, я первая должна знать об этом. Тем более, мой рабочий день уж закончился, а у Вас, Дугина, и так работы невпро-ворот.

Выпроводив из палаты Елену, Стражникова сама подсе-ла к Кашиной вместо неё, и нежно погладила девочку по воло-сам.

– Ты ведь со мной поделишься, правда? – спросила она плачущую навзрыд пациентку.

– Угу, – кивнула та, не переставая всхлипывать и нервно теревить бинт на руке.

Ей действительно не составило труда успокоить девочку. Когда Стражникова вышла из пятой палаты, Аня уже тихонько дремала на мокрой от слёз подушке, небрежно разбросав по ней свои белесые волосы. Взглянув на неё с нежностью, Гордея прикрыла в палату дверь, и направилась к лестнице, стараясь сильно не стучать каблуками.

Глава 8. Затонувший город

Может, мы с Сияном в чём-то даже похожи. Интересно, оценил бы он мою коллекцию храмов, церквей, мечетей, дацанов и синагог? У него ведь у самого, наверное, всюду соборы, монастыри и часовенки. Вот бы взглянуть! А я бы ему показал свои. У меня они, конечно, все маленькие и скромные, но зато разные: каждой вере – свои двери! Есть католическая церковь, и молитвенный дом баптистов, небольшая мечеть, и даже скромный дацан, при котором, кстати, сейчас и живёт мой друг Кинди Кут Шари. Он помогает готовить вегетарианские угощения для прихожан, для учеников, и для их духовных наставников, а также, сшивать бусы из розовых лепестков. Похоже, ему это по душе, и я всегда радуюсь, когда гляжу на него.

А Иван Крепцов в этот вечер нашёл себе кров в домике батюшки Николая и матушки Ксении, вместе с Сияном, которого он представил просто как Яна, своим старикам. Их дом находился на улице Храмовой, совсем неподалёку от моей православной церкви. Надо заметить, она тоже невелика и скромна. Небольшая бревенчатая церковь, увенчанная восьмигранным шатром с крестом на макушке. Над крыльцом главного входа – двускатный навес на резных столбиках с небольшой луковкой на коньке, окрашенной в жёлтый цвет, с православным крестом из латуни. Зато она окружена

гульбищем, как в старину – не часто такое встретишь! С севера от неё стоит деревянная колокольня. Самая вершина её на две трети поравнялась с шатром, но всё же не смела превзойти в высоте храма Божьего. А с южной стороны, на территории этой же церкви, есть неприметное кирпичное строение с покато́й крышей, довольно большими окнами с обеих сторон, и с боковой дверью. Луковиц и крестов на нём нет, только Оранта висит над входом. Когда церковь строилась, это здание было у меня временным храмом, и Богородица, Нерушимой Стеной, стояла на Горнем Месте. Теперь же, когда эта постройка сделалась при церкви крестильней, её водрузили над входом.

– Много ещё работы, – вздохнул пожилой иерей, только что рассказавший Ивану об этой молодой церкви. – Досадно, что делают наспех, не по уму, на всём экономят. Вон, колокольню нашу, видал?

– И видал, и слышал, батюшка, ещё издали, – улыбнулся ему Крепцов. – Ваш Благовест на обоих берегах Летки звучит, точно с неба откуда-то звон доносится.

– Это верно, на колокола наши спонсоры не скупились, – кивнул Николай. – А вот на материалах для её постройки, и на людях, толковых работниках, они хорошо сэкономили. Срубили её кое-как, из какого-то низкосортного дерева, так что теперь, хоть и не слышать треска при звоне колоколов, но прихожане всё же держатся от неё подальше. Качается Благовест – и колокольня покачивается. Но стоит, с Божьей по-

мощью...

– В Пизе не один век стоит, – успокоил его Иван. – А чуть покачиваться, она и должна немного.

– Пойди, объясни это людям, – усмехнулся старик.

– Ты почему не ешь ничего, Яшенька? – побеспокоилась Ксения, наливая мальчику чашку чая.

Сиян задумчиво поглядел на предложенное ему угощение.

– Подожди-ка, – вдруг заметила Ксения, – это что у тебя за крестик? Никак старообрядческий? Так ты, может, потому и еду нашу не берёшь?

– Так принеси ему груши из подпола, – подсказал иерей супруге. – От земли им брать можно.

Когда та ушла, Иван вопросительно посмотрел на Сияна, встретившись с ним взглядом. И ему на миг показалось, что тут дело вовсе не в его религиозных убеждениях или принципах, а скорее в чём-то другом. В голубых глазах мальчика он прочёл некую растерянность, которой не находил причин, поэтому подсел к нему ближе – узнать, что его смущает.

– Что-то не так, Сиян? – спросил он тихо, в полной уверенности, что батюшка их не слышит.

– Я никогда этого прежде не делал, – признался мальчик.

– Не ел печенье? – удивился Крепцов. – Ну так попробуй, за чем дело стало?

– Я с трудом представляю, как... Вообще едят, – пояснил Сиян. – Вчера я ещё человеком не был.

– Вон оно что... – наконец понял диакон. – Ну, ты откуси немножко, как мы, потом разжуй, и проглоти.

– Но как я пойму, когда уже можно глотать? – недоумевал тот.

– Ты поймёшь, – с теплотой заверил его Крепцов, – это как-то само понимается. Пробуй.

Сидевший напротив них батюшка с умилением улыбнулся, глядя, как мальчик робко берёт со стола печенюшку, и осторожно кусает за самый краешек.

– Вот, молодец, – одобрил он, подвинув Сияну мисочку с мёдом.

Говорить Николай привык громко, но это вовсе не означало, что к старости у него ослаб слух. Скорее наоборот, за долгие годы службы при церкви, он привык различать даже самый тихий невнятный шёпот, о чём и решил издали намекнуть Ивану.

– Знаешь, Ванечка, что самое, на мой взгляд, печальное, – произнёс он со вздохом. – Очень меня огорчает на исповедях неискренность прихожан. Я не могу утверждать, что они лгут, поскольку лишь Господу Богу известно, насколько правдивы их речи. Но умом-то я понимаю, что многие из этих грехов они себе просто придумали, в попытке замаскировать настоящие.

– Бог им Судья, батюшка, – пожал плечами Иван. – А о чём же рассказывают, что Вам это кажется вымыслами и ложью?

– Когда человек не желает признать, кто он на самом деле есть, – пояснил Николай. – Он иногда выдаёт себя за какого-нибудь героя-любownika, хотя с виду по нему этого точно не скажешь. Кто-то строит из себя бывшего сатаниста, недавно обращённого в веру истинную. А некоторые, говорят, что занимаются колдовством, и владеют магией. У кого на что фантазии хватит. Плохо, что я и вразумить-то их не могу. Знал бы я точно, вымысел их слова, или правда, напомнил бы, что они не со мной говорят, не мне сказки рассказывают. А Господь ведь, осуждает всякую ложь, обман и притворство. В отличие от меня, Он видит, когда человек не тот, за кого себя выдаёт! Так допустимо ли согрешать прямо во время исповеди?

К столу подошла Ксения и поставила перед Сияном тарелку мытых нарезанных груш.

– Ешь на здоровье, – улыбнулась она мальчику.

– Благодарствую, – вежливо отозвался тот.

Николай приспустил очки, и взглянул на него поверх линз.

– А ты, что скажешь по этому поводу? – спросил он Сияна.

Но вместо того, чтобы ответить батюшке, тот просто развязал свою сумку, заглянул внутрь, и нашёл там какой-то перстень, вырезанный, не то из стекла, не то, из какого-то прозрачного камня. Печатка на нём тоже была прозрачной, и её грани переливались на свету, как хрусталь.

– Вот, возьмите, – предложил он иерею. – Наденьте на

правую руку, и когда в следующий раз рядом прозвучит ложь, перстень не сможет при ней оставаться прозрачным.

– Интересно, – улыбнулся батюшка Николай, с нарочито заинтересованным видом взглянув на диковину в детской руке Сяна. – И каким же тогда станет этот волшебный перстень?

– Не волшебный, – поспешил разубедить его тот. – Это такой прибор, на основе руфина. Искусственно созданного прозрачного материала, способного сопоставлять слова с мыслями, и измерять степень их соответствия. В печатке есть маленькие мембраны, улавливающие речь и думы того, на кого они будут направлены. А руфиновое кольцо под ней, сравнит одно с другим и покажет, насколько они совпадают у Вашего собеседника.

– А как он покажет? – полюбопытствовала Ксения.

– Если это будет просто невинный вымысел, руфин делается мутным, как вода с молоком, – пояснил Сян. – Неправда, сказанная по неведению, ошибка, глупость, вздор и напрасный слух, делает его жёлтым. Когда ложь направлена во оправдание себя или кого-либо другого, но при этом не призвана кому-либо навредить, руфин мутнеет и зеленеет. А если ложь во спасение – он становится голубым, как сапфир, при этом не теряя прозрачности. Только учтите, у него есть...

– Меры предосторожности при эксплуатации? – подыграл ему Николай.

Сиян вдруг понял, что тот ему просто не верит, но всё же счёл своим долгом предупредить.

– Руфин имеет такое свойство, – продолжил он. – Навсегда чернеет от клеветы. То есть, если кто, уже не в шутку, и не по ошибке, а злонамеренно оговорит ближнего, тем самым нарушив 9-ю заповедь, руфин послужит Вам в свой самый последний раз. Но зато, не придётся страдать без вины тому, кого оболгали, как Руфь, или как Сусанну. Этот материал потому и был назван руфином.

– Ну, что же, спасибо, – порадовался иерей, принимая подарок мальчика. – Правда, мне этот перстень налезет, разве что, на мизинец. Но я обещаю, что буду всегда надевать его перед таинством исповеди, чтобы лучше понимать здешних прихожан. Признаюсь, понять их бывает и вправду сложно, а помочь им всё-таки хочется от души.

Сказав это, он сразу примерил подаренный перстень на палец, и подмигнул Сияну.

– Тут уже мне самому в пору покаяться, – улыбнулся старик. – Услышав твой разговор с Иваном, я чуть было не решил, что и ты не тот, за кого себя выдаёшь. И совсем забыл, что тебе 11 лет!

– Ты, главное, цени это время, и не спеши взрослеть, – поддержала супруга Ксения.

Крепцов неслышно и медленно выдохнул с облегчением.

– Ян, разве тебе самому не нужна больше эта игрушка в твоей коллекции? – спросил он мальчика, чтобы у его стари-

ков не осталось и тени сомнения, что Сиян всего лишь ребёнок.

– Батюшке руфиновый перстень нужнее, он будет применять его, чтоб дать каждому верный совет, – ответил тот. – А мне этот прибор больше навредит, чем поможет. Я должен сам научиться отличать ложь от правды, и решать, когда верить людям, а когда нет.

– Разумно, – согласился Иван. – Но зачем же ты тогда его с собой взял?

– Так, на всякий случай, – смутился Сиян. – Немного не был в себе уверен.

– Как мне это знакомо! – протянул Николай. – Я тоже, в твоём вот возрасте, когда переходил в новую школу и не был уверен, что меня примет класс, брал с собой на первый урок маленького оловянного солдатика со штыком. Так мне было спокойнее, ведь если что, он сразу же оживёт и больно уколёт любого, кто станет ко мне задираться!

Ксения сдержанно рассмеялась, и Николай с удовольствием посмеялся над этим сам.

– И однажды, настал момент, когда солдатик этот мне стал больше не нужен, – продолжил он. – Тогда я, вот так же, подарил его кому-то из новичков, а сам и без него научился решать любые конфликты с мальчишками новой школе.

– Вот и мне предстоит здесь учиться, – кивнул Сиян. – Только со своими новыми одноклассниками я пока ещё не знаком.

Мне было приятно слышать, что Сиян воспринимает меня, как школу предстоящей ему новой жизни. Он и не представлял, как скоро ему предстояло знакомство с остальными учащимися! Как раз сегодня, как я уже мог предвидеть, к ним в класс должен был прийти новый ученик, которому мои люди уже шили школьную форму.

Вечера в моём Калининском районе тихими не бывают. Не удивительно, что дед, проспавший весь день сном младенца, проснулся под вечер от громкой ругани под окном. Кто-то из завсегдатаев дворовых скамеек, снова не поделил бутылку, а может, ту женщину, которая часто им составляла компанию. Её голос тоже слышался в их перебранке.

Иосифу Адоневичу такая обстановка была в новизну и, само собой, уснуть под их крики он даже и не надеялся. На часах уже доходило девять, а он, мрачнее тучи, сидел на облезлой табуретке, и пил из надколотого бокала просроченный растворимый кофе без сахара.

– Ну, Краев... – злился он, глядя в окно на противоположный берег реки. – Тебе такой горькой жизни, как этот кофе! Семейй обзавёлся, домом, хорошей должностью... А я вот, по твоей вине, потерял всё это! Нет под луной справедливости!

Его обида стала более густой и никакие поэтичные образы её уже больше не разбавляли. Теперь, даже сосед за стенкой, прекрасно ощущал вкус и запах этой созревшей душевной боли. Сразу поняв, откуда она исходит, дед постучал к нему

в дверь. Но Адоневич никого не желал сейчас видеть, и не хотел говорить ни с кем, но всё же поднялся с табурета и, с недопитым кофе в руке, подошел на стук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.